

Жаде́тская

ПЕРЕКЛИЧКА

№ 47

КАДЕТСКАЯ ПЕРЕКЛИЧКА

Периодический журнал Объединения Кадет Российских
Кадетских Корпусов за рубежом, Нью-Йорк, США

№ 47

Нью-Йорк

Сентябрь 1989

«CADETS' ROLLCALL»

Library of Congress Card No. 79-642319

—
Periodical Magazine

Published by Association of Russian Cadets graduated
outside of Russia, Inc.
New York, USA

—
Editor
Nicholas W. Koziakin

—
Administrator
Eugene Girs
85-59, 88th Street
Woodhaven, N. Y.
11421

—
All rights reserved

Содержание

Белое движение (окончание). <i>В. Д. Матасов</i>	3
Социализм. <i>С. Третьяков</i>	40
Дороги к истинной вере. <i>Н. Козякин</i>	47
Церковные дела. <i>Н. В. К.</i>	57
Пора трубить тревогу. <i>Епископ Григорий</i>	59
Почему я не подписался под тем письмом. <i>Вл. Солоухин</i> ...	62
Да, жалок тот, в ком совесть нечиста! <i>Г. Жеромский</i>	70
Единая Русь. <i>С. Третьяков</i>	72
Список жертвователей в фонд журнала	83
Сообщение Христианско-Патриотического Союза	84
Книжная полка. <i>Н. Козякин</i>	85
Брест-Литовский (похабный) мир. <i>Ю. Измestьев</i>	86
Царские генералы на красной стороне. <i>Б. Бровцын</i>	95
Первый Сибирский Императора Александра I Кадетский Корпус: 175 лет со дня основания. <i>В. Соколов</i>	100
Сообщение № 1 Комиссии по устройству 12-го Съезда кадет Российских Кадетских Корпусов	116
Письмо в редакцию	118
Три юбилея	118
Моему Корпусу. <i>Е. Чудинова</i>	119
Порфен (семейная поэма). <i>И. Автамонов</i>	121
Памяти ушедших	131

В.Д. Матасов

П.-пор. конной арт.

БЕЛОЕ ДВИЖЕНИЕ

(Окончание)

(См. №№ 39, 40, 43, 44 и 46)

В середине июня 1920 г. сильно потрепанная в боях 13-я советская армия была пополнена и приготовлена к наступлению с целью овладения Сев. Таврией. Красное командование особые надежды возлагало на только что переброшенный с Северного Кавказа мощный корпус Жлобы в 7500 сабель и 6000 штыков, усиленный кавалерийской дивизией Блинова и двумя кавалерийскими бригадами 40-й советской дивизии.

15 июня Жлоба перешел в наступление в направлении Пологи-Мелитополь. Под натиском Жлобы 16, 17, 18 и 19 июня доблестный ген. Гусельщиков, со своей 3-й пешей Донской дивизией, медленно отходил, ведя бои со все глубже вклинивавшимся в наш фронт значительно превосходными в силах противника.

Назревала блестящая по согласованности действий всех участвующих частей операция, руководимая самим Главкомандующим ген. Врангелем.

18 и 19 июня Жлоба послал все свои силы в наступление с целью пробиться к Мелитополю, предполагая стремительным ударом опрокинуть наши части. (В Мелитополе была Ставка ген. Врангеля.)

19 июня ген. Врангель, выразив глубокую благодарность 3-й Донской дивизии за доблесть последних дней, предложил ей на 20 июня во что бы то ни стало удержать линию Астраханка-Варваровка, дабы дать другим частям возможность своевременно выйти во фланг и тыл противника.

Ген. Гусельщиков блестяще справился с задачей, и утром 20 июня атаковавшие его тучи конницы Жлобы были взяты во фланг

подошедшими Корниловцами. Стремительно несшиеся лавы его конницы с дистанции 4-5 верст попали под сильнейший, меткий огонь наших частей со стороны Розендорфа, Тига, Орлов, Варваровки и Астраханки. Неся крупные потери, конница вначале все же шла смело в атаку, но встретив дружные залпы пулеметов и артиллерии, бывшей временами на «картечь», которые скашивали целые ряды, — красные не выдержали и повернули назад. Наши самолеты стали бить красных с воздуха, снижаясь и обстреливая их из пулеметов.

Этот бой обескуражил Жлобу. Потеряв чуть ли не 30% своего состава за 2 дня, Жлоба решил передохнуть от неожиданного удара, устроив дневку своим частям. Прибыв с Кавказа с отборными людьми на лучших конях, Жлоба был убежден в грядущем успехе. Впоследствии, пленные рассказывали о неожиданно охватившей их робости от залпов Корниловцев и непрерывной пулеметной стрельбы, сбрасывавших буквально передние ряды их несущейся конницы.

Получив донесение, что конница Жлобы прорвалась через Верхний Токмак, двигается на Мелитополь и расположилась южнее Большого Токмака в нескольких немецких колониях, — ген. Врангель со штабом срочно разработал план ее окружения и послал к утру 21 июня следующие приказы для выполнения:

1) Ген. Витковскому с Дроздовцами с севера из Молочной и Гольдштата наступать на Фридрихсдорф;

2) Ген. Кутепову с запада выслать Корниловскую дивизию вдоль речки Кульман на Тигервейде и Рихену;

3) Ген. Гусельщикову на юге держать линию Варваровка-Астраханка, а остальным частям ген. Абрамова наступать с юга, почти на север, в направлении на Гладенфельд и Александеркрон;

4) Авиации атаковать красных с воздуха;

5) Ген. Морозову идти из Большого Токмака на юго-восток к селению Вальгейм и отрезать красным пути отступления;

6) Бронепоезду наблюдать линию Б. Токмак — Верхн. Токмак.

Передышка, сделанная Жлобой, помогла нашим частям окружить его корпус, как предполагалось по плану. С утра 21 июня наши части стали наступать: Дроздовцы ген. Витковского с северо-запада, Корниловцы с запада, Донцы ген. Абрамова с юго-запада и юга. Корпус Жлобы оказался в намеченном кольце, но Жлоба еще не видел опасности и надеялся на свои силы.

Яростные атаки красной конницы наши части спокойно отбивали меткой стрельбой залпами из винтовок и пулеметным огнем. На всех направлениях наши части продвигались и замыкали кольцо. Жлоба носился на броневике от одной части к другой, потрясая револьвером, и гнал обратно в атаку возвращавшиеся полки.

Наши части продолжали наступать. В критические минуты становились в карэ в три шеренги-лежа, с колена и стоя, и бесстрашно отбивали несущуюся на них конницу. Пехота, отбивая все атаки, постепенно продвигалась вперед. К полудню 21 июля Корниловцы заняли Рихенау. Наши самолеты били красных сверху. Жлоба был окружен и стал уже думать только о том, как бы прорваться, чтобы уйти. Около 3-х часов дня он бросился на север к Большому Токмаку, где попал под удары нашей 13-й дивизии. Потеряв ориентировку, Жлобинцы круто повернули назад и снова попали под огонь Корниловцев из Рихенау и под удары Дроздовцев. Дроздовцы, севши на подводы, понеслись преследовать отступавшую конницу. Жлоба, чтобы спасти остатки своего корпуса (прибл. 30%) пошел мимо Маргенау на Вальдгейм и Черниговку.

Конная дивизия ген. Морозова, согласно директиве, сосредоточилась недалеко от селения Вальдгейм, фронтом по направлению на Мелитополь. Ген. Морозов с двумя казачьими полками и конной батареей стал севернее дороги, ведущей на мост через речку, а полк регулярной конницы (не больше 300 шашек) поставил южнее ее. Сзади полка, в районе Черниговки, расположился бронепоезд.

Дивизия уже знала, что Жлоба разбит и что задача дивизии — преградить ему путь и захватить отступающие остатки его корпуса и обозы. Полки стояли в развернутом, сомкнутом строю в ожидании. Как-то совсем неожиданно на бугре появилась масса красной конницы и, увидев стоявшую наготове нашу конницу, стала на галопе строить фронт. Впереди строя развевалось громадное красное знамя, а перед ним шел броневик. Броневик остановился, вышедший из него человек подал какую-то команду, и красная конница стала заходить своим левым флангом для атаки.

Донцы ген. Морозова открыли огонь из всех своих пулеметов, а конная батарея ударила прямой наводкой по их сомкнутому строю, кося их ряды. Броневик Жлобы двинулся стремительно на мост, пройдя близко от кавалерийского полка; ни подбить, ни задержать его не смогли. Перейдя мост и оставляя за собой густую пыль, броневик скрылся из вида. Брошенное Жлобой войско, припл. 2500-3000 шашек, заволновалось, потеряло строй и бесформенной массой понеслось к переправе, поражаемое перекрестным огнем всех пулеметов и огнем артиллерии. Выбравшись на другую сторону речки по мосту и в брод, наткнулось на наш бронепоезд, который открыл жестокий огонь. Плохо ориентируясь, Жлобинцы круто повернули назад и снова попали под удары Морозовской дивизии, бросившиеся за ними в погоню. Конная батарея дивизии Морозова встретила их в картечь; тысячное конное стадо Жлобиной конницы метнулось в сторону, наскakивая друг на друга, бросилось убежать карьером. В течение двух-трех часов боя остатки корпуса Жлобы потеряли не менее двух третей своего состава и оставили все свои обозы. Если Жлоба после своего разгрома 21 июля подвел к Вальдгейму три тысячи всадников, то после боя с дивизией Морозова и бронепоездом ему удалось из них вывести максимум тысячу. Разгромлена она была 21 июня доблестными Дроздовцами и Корниловцами, Донцами ген. Абрамова при содействии авиации за полдня, а затем на следующий день ликвидирована дивизией ген. Морозова.

Конный корпус Жлобы оставил в наших руках 40 орудий, 200

пулеметов и около 3-х тысяч лошадей с седлами. Разгром Жлобы решил и общую участь красного наступления, ликвидированного к 23 июня. За эту вторую крупную операцию в Сев. Таврии, продолжавшуюся всего неделю (с 15 по 23 июня), было взято у красных 60 орудий, 300 пулеметов и около 11,000 пленных. Поражение красных не было случайным; это была, по прекрасно разработанному плану, хорошо выполненная операция, благодаря отличной дисциплине, доблести войск и связи в нашей армии. (Пример доблести: в бою 20 июня 3-го Дроздовского полка с конницей Жлобы у Фридендорфа и Ландскроне конный разведчик батареи, 14-летний кадет Полтавского корпуса Карпинский атаковал в одиночку тачанку красных и взял ее в плен.)

Успехи в Сев. Таврии вызвали некоторый интерес к нам со стороны союзных миссий, которые часто посещали фронт. При всех своих соприкосновениях с представителями иностранных держав, ген. Врангель неустанно подчеркивал значение ведомой им борьбы не только для России, но и для Европы, утверждая, что большевизм — это мировая опасность. Эти неоднократные заявления генерала Врангеля были для иностранных представителей, повидимому, неубедительными. Они считали большевизм местным явлением.

В это время, в связи с общей политической обстановкой, намечилось новое направление. Поляки решительно теснили большевиков; представлялось целесообразным как-то объединить усилия в борьбе с красными. План этот как будто встречал сочувствие со стороны поляков и одобрялся французами.

Хотя план красного командования овладеть Сев. Таврией потерпел неудачу, но он не был оставлен. Численность советской 13-й армии была доведена до 35,000 штыков и 10,000 сабель, и противник был снова готов перейти в наступление. Но ген. Врангель предупредил красных. С 10 по 20 июля в Сев. Таврии шли упорные тяжелые встречные бои в северном и северо-восточном направлениях (Александровское, Ореховское, Пологское и Верхне Токмакское). Части Русской Армии, соперничая в доблести, отбросили численно превосходящего их противника, взяв до 5 тысяч пленных, 30 орудий, 150 пулеметов и 4 бронепоезда.

22 июля ген. Врангель получил возможность снять с фронта Кубанские части и, образовав из них отряд силою около 5,000 штыков и шашек при 130 пулеметах и 30 орудиях, направить его в Феодосию для погрузки на суда и производства десанта на Кубань.

1 августа десант, под общей командой ген. Улагая, высадился в Ахтырской станице и двинулся вглубь Кубани, но вернулся в Крым 17 августа. Десант надежды не оправдал, главным образом из-за ограниченности в средствах. Несмотря на понесенные потери, численность вернувшихся Кубанцев возросла, ибо к ним из ближайших к месту высадки станиц присоединилось 10 тысяч бежавших от ига красных казаков. На Кубани же последовали зверские расправы коммунистов.

Небольшой Донской десант полк. Назарова закончился трагически. Весь десант погиб на Дону.

Тем временем, красные снова начали усиливать свой Крымский фронт переброской частей из Сибири и Кавказа, и их численное и техническое превосходство росло. С первых чисел августа начался новый тяжелый период боев, продолжавшийся весь этот месяц и сентябрь.

Ген. Врангель стянул на фронт максимум сил, в том числе и Донские казачьи гвардейские части, ведшие борьбу с зелеными в тылу.

Красные повели наступление с севера на 1-й Армейский корпус, и к 10 августа усилились здесь всей 2-й конной армией, состоявшей из 4-х кавалерийских дивизий, усиленных пехотой.

Но ген. Кутепов решил перейти 11 августа в контр-наступление всем 1-м Армейским корпусом и группой двух Донских дивизий. До конца августа шли тяжелые встречные бои с большими потерями для наших частей. В боях за Каховку (20-23 августа) Корниловская дивизия понесла столь тяжелые потери, что полки были сведены в роты. От 1-го полка осталось 107 человек, от 2-го 120 и от 3-го 92. Дроздовские и Марковские дивизии также не выходили из линии боя за все время кампании в Сев. Таврии.

Судя по пленным, у противника всегда были свежие части, — то латышские дивизии, то 12-я советская армия с китайцами, курсанты, венгерские части, матросы, то сибирские дивизии Блюхера и т.д. На стороне красных было явное превосходство в артиллерии. Борьба с красной артиллерией, ввиду недостатка снарядов, было невозможно. Но с концом августа месяца наступление красных на Днепровском фронте было полностью ликвидировано. Все же, несмотря на успешность тяжелых боев, и на этот раз не удалось овладеть Каховским плацдармом.

Противник спешно усиливал свои войска перебросками новых частей, и к началу сентября сосредоточил на своем Крымском

фронте уже три армии (6-ю, 8-ю и 2-ю конную). Ген. Врангель видел, что удержать фронт пассивной обороной будет невозможно. Следуя прекрасно разработанному плану и искусно руководимое, наступление наших частей началось 1 сентября и привело к успеху. 40-я и 42-я советские дивизии были к 4 сентября разгромлены, оставив более 1000 пленных, орудия, пулеметы и 3 бронепоезда.

Весь Донской корпус с 1-й Кубанской дивизией ген. Бабиева двинулся на север, гоня перед собой расстроенного противника и забирая пленных. Между тем, красное командование, желая облегчить положение своей беспорядочно отходившей и гонимой на север 13-й армии, бросило в наступление на восточный участок фронта сосредоточенную в Мариуполе Морскую экспедиционную дивизию.

Состав этой дивизии, стяжавшей своими жестокими карательными расправами громкую известность, был следующий:

Каспийский матросский полк (800 штыков), Днепровский (900 штыков), Черноморский (600 штыков), Кронштадский (1360 штыков), Беломорский (970 штыков), Конный (250 шашек).

Столкновения с матросами начались уже с 7 сентября. Наши кавалерийские части после боя у Белоцерковки принудили Каспийский и Днепровский полки отойти на Темрюк, а Черноморский на Берестовку. На следующий день, 8 сентября, красные пытались атаковать, но, понеся большие потери, отошли. Черноморский полк из Берестовки продвинулся в Андреевку.

Ген. Дьяков, оставив наблюдение за Каспийцами, двинул всю 1-ю Донскую дивизию на селение Андреевку, растянувшуюся на десяток верст. На заре 10 сентября ген. Дьяков с двумя сотнями Гундоровского полка ворвался на северную окраину селения, а гвардейская конница атаковала противника с востока.

Матросы поначалу оказали ожесточенное сопротивление, но видя охват деревни со всех сторон, пытались выйти, двигаясь сомкнутой колонной. Казаки ходили в атаку несколько раз, но упорство матросов было отчаянное, и атаки отбивались. Тогда в казачью лаву были приданы пулеметы и орудия. Был открыт огонь прямой наводкой с дистанции в версту. Снаряды ложились в самую гущу матросов. Орудия двигались перекатами: пока одно орудие стреляло, другое двигалось с казачье лавой, пока казачья бригада не бросилась в атаку.

Изрубленных и убитых матросов жители села снесли на кладбище более 300. Пленных взяли 349 человек, из коих 49

командиров и комиссаров были выданы самими матросами и тут же расстреляны.

Озлобление казаков было велико: упорный бой ожесточил людей, мстили матросам за ограбление ими Дона, за расстрелы и за все их революционные бесчинства. Ленинским палачам казаки воздали должное.

Казакам достался богатый обоз, обильно снабженный продуктами и запасом сахара, 2 орудия, 12 пулеметов. Черноморский полк перестал существовать.

Потрясенные понесенными потерями и гибелью Черноморцев, красные матросы быстро отходили. Дабы сдержать их, красное командование поспешно бросило на Стародубовку свой самый сильный (1360 штыков) Кронштадский полк.

Подойдя к Стародубовской, казаки в конном строю ворвались в деревню, но, встреченные огнем красных, засевших в каменных домах, принуждены были в ожидании своей пехоты и пушек ограничиться преграждением пути отхода красным в Мариуполь.

Через два часа на повозках прибыл Гундоровский батальон и две батареи, немедленно открывшие огонь. Гундоровцы ворвались в деревню, а гвардейцы-казаки, перейдя реку, атаковали красных со стороны Покровской. Матросы, пытавшиеся отойти на Покровское, были изрублены в атаке Казачьей бригады. Гвардейцы взяли в плен 220 человек.

Часть красных отошла в каменное здание паровой мельницы и вела оттуда огонь. Артиллерийским огнем их оттуда выбили. Это были остатки только что прибывшей на фронт инженерной матросской Ораниенбаумской роты и командный состав Кронштадского полка. Им удалось пробиться до балки, и по ней эти последние 60 человек, отстреливаясь, шагом шли 4 версты, преследуемые лавою одной сотни казаков. Но появился на автомобиле Начальник дивизии ген. Дьяков с ружьем-пулеметом, и пулеметчик открыл огонь. Лава бросилась в атаку, и последние остатки красных были порублены.

Всего за бой 11 сентября противник потерял 300 убитыми и около 400 пленными. Было уничтожено два батальона Кронштадского полка, взято три пулемента, знамя саперного полка, много повозок со снарядами и продуктами. Палачи, бросавшие в море морских офицеров живыми, с грузом на ногах, нашли здесь свой конец.

В ночь на 14 сентября Донская дивизия двинулась далее на

восток, на Покровское и Никольское. Перед дивизией, почти без боя, отходила группа недавно прибывших советских полков (10-й, 11-й, 12-й и 13-й Донские и 15-й стрелковый). В них было много насильно мобилизованных красными казаков, которые не хотели сражаться. Принимая во внимание это обстоятельство, начальник дивизии ген. Дьяков решил ускорить наступление на Мариуполь.

Утром 15 сентября дивизия атаковала Мариуполь. Как только Гундоровцы выбили противника из окопов, конные гвардейцы бросились в атаку и ворвались в город. В городе было взято большое количество совершенно новых японских винтовок.

Все симпатии жителей на нашей стороне, но они боятся их проявлять, опасаясь свирепой мести, если мы покинем город. В городе было две чрезвычайки со всеми следами работы палачей. В этих зданиях удушливый трупный смрад.

День 19 сентября был кульминационным в смысле успехов на фронте: 2-я армия ген. Драценко твердо держала линию Днепра, готовая к переходу в наступление и выходу на Украину; 1-й Армейский корпус занимал Александровск. Дроздовцы и Кубанцы поднялись на север до Синельникова; Донской корпус своими тремя дивизиями стоял на границе Донской области. Настроение частей было бодрое — ожидалось дальнейшее движение вглубь Донской земли.

Но судьба сулила иное...

В конце сентября ген. Врангель приступил к осуществлению тщательно подготовленной Заднепровской операции. 25 сентября началась переправа наших на правый берег Днепра. 2-я Армия ген. Драценко неожиданно для красных переправилась в районе Александровска и Никополя и двинулась вперед. И здесь, в первые дни, определились успехи, но расширить их не удалось. Красные подтянули большие силы, понимая все значение этой операции. Руководство войсками за Днепром генералом Драценко нельзя было признать удачным. Ген. Драценко, выдающийся офицер Генерального Штаба, не обладал достаточным командным боевым опытом и решительностью. Это обстоятельство, как и смерть в бою доблестного генерала Бабиева, начальника Кубанской дивизии, служившей стержнем всей операции, — предопределило конечную неудачу. Дух войск был подорван.

Переправившиеся было части 2-й армии отошли обратно на левый берег Днепра. Последними переправились 2 октября, прикрывая отход, Самурцы и Терцы. Заднепровская операция

кончилась, и надежда выхода на Украину отпала. Одновременно произошло и другое важное событие: поляки 26 сентября заключили перемирие с большевиками, а 29 сентября подписали с ними договор о прелиминарных условиях мира.

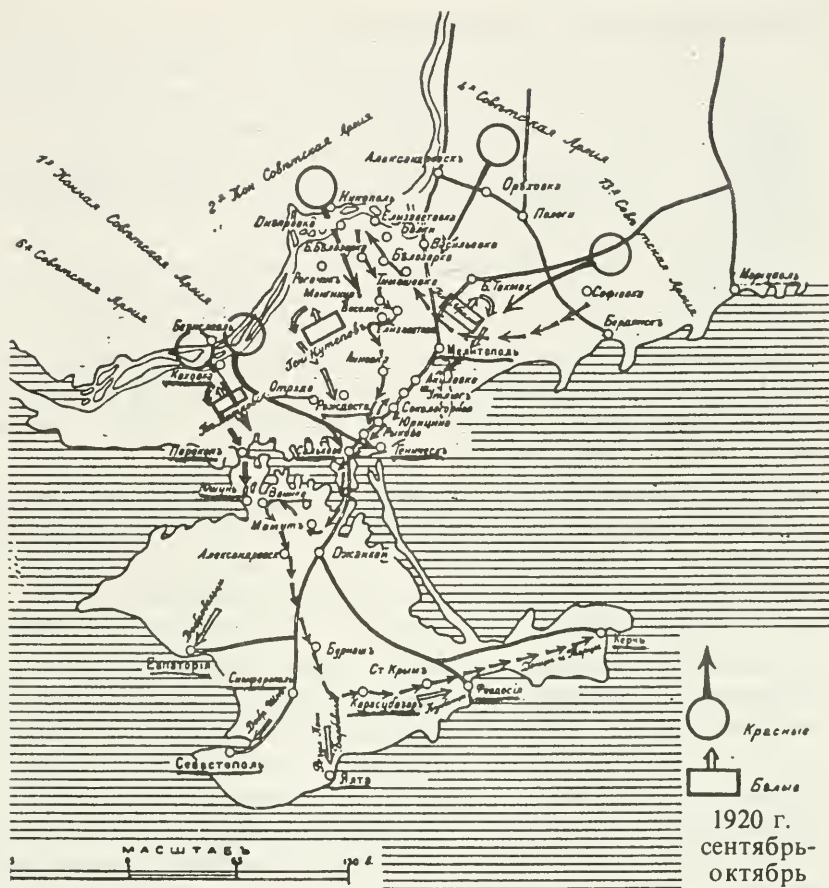
Этот акт выяснил, что заявления польских представителей о готовности установить совместные действия против большевиков не были искренними. Не могло быть сомнений, что большевики, развязав себе руки на польском фронте, все свои силы бросят на Крым. Большевики прекрасно видели опасность закрепления на юге Русской Армии и проводимой ген. Врангелем в Крыму социальной программы. Ленин заявил, что «мало заключить мир с Польшей, надо отсечь вторую руку», и приказал главному Фрунзе во что бы то ни стало не допустить отхода войск Врангеля в Крым, окружить и уничтожить.

Ген. Врангель еще задолго до создавшейся обстановки предвидел вероятную необходимость эвакуации и принял все меры к тому, чтобы не повторились бедствия Новороссийска. Получив официальное сообщение о заключении Польшей соглашения с большевиками, а от союзников предложение отдаться на волю победителей-большевиков, — он отдал приказание быть готовым к проведению намеченного плана эвакуации.

Однако, борьбу нельзя было остановить. Стоял лишь вопрос: принимать ли бой на полях Сев. Таврии или отойти за перешейки.

1 октября состоялось совещание ген. Врангеля с его ближайшими сотрудниками — генералами Шатиловым и Кутеповым. Во внимание были приняты все детали положения и состояния и единодушно было принято решение дать бой в Сев. Таврии, в качестве последней ставки. В связи с намеченным планом была образована ударная группа — 1-я армия ген. Кутепова, которая занимала северо-западный и западный фронт, от Днепровских плавней до Черного моря, и 2-я армия ген. Абрамова, которая занимала восточный и северо-восточный фронт от Азовского моря до Днепровских плавней. Резерв Главнокомандующего составили 1-я и 2-я Донские конные дивизии и сосредоточены в районе Михайловка-Тимашевка.

Но инициатива уже перешла в руки красных. 15 октября они перешли в решительное наступление всеми своими силами, во много раз превышавшими наши силы. Главный удар наносился с запада, от Каховского плацдарма 6-ой советской армией, усиленной только что прибывшею с Польского фронта 1-ой конною армией Буденного. Обе эти армии атаковали 2-й корпус

ген. Витковского, стремясь прорваться по кратчайшему пути на юг, к Перекопу, с целью отрезать остальные корпуса ген. Врангеля от Крыма.

13-я советская армия наступала с востока, с линии Бердяны-Пологи, в направлении на Мелитополь. 4-я советская армия наступала с линии Орехово-Александровск на Васильевку-Тимашевку. 2-я конная армия, переправившись через Днепр у Никополя, наступала на Рогачик, где потеснила Корниловскую дивизию.

Тяжесть боев со значительно превосходящим в силах противником, увеличилась еще неожиданно наставшими, совершенно небывалыми в Таврии 20-градусными морозами. Люди, не получившие теплой одежды, мерзли, и к потерям от огня

прибавились потери обмороженными.

16 октября 4-й советской армии удалось потеснить 2-й корпус, начавший отходить на Перекоп. Одновременно, 1-я конная армия Буденного, обтекая правый фланг 2-го корпуса и уклоняясь от встречи с ударной группой ген. Кутепова, форсированным маршем двинулась к Чонгарскому полуострову, достигнув к вечеру 17 октября района Сальково-Ново Алексеевка.

Проход в Крым у Чонгарского полуострова для наших войск, находящихся в Таврии, был закрыт. Все, что было в Крыму под рукой, было двинуто к ст. Сальково, но силы наши были столь незначительны, что серьезный нажим красных в этом направлении мог бы открыть им путь в Крым. В сумерки 17 октября передовые части красной конницы подошли к Сальково, но были отбиты огнем наших слабых частей.

Ген. Врангель, в ночь с 16-го на 17-е, приказал ген. Кутепову оставить район Серагоз и спешно двинуться на Сальково, дабы прижать прорвавшегося противника к Сивашу, а ген. Абрамову приказал перебросить по железной дороге на Сальково, в тех же целях, сосредоточенную в Мелитоподе 7-ю пехотную дивизию.

Утром 18 октября подошла с севера 3-я Донская дивизия генерала Гусельщикова, которая, совместно с подвезенной по железной дороге 7-й пехотной дивизией, обрушилась на главную массу конницы Буденного, занимавшую район Ново Алексеевка-Сальково-Геническ, не ожидавшую атаки с этой стороны. Противник был прижат к еще не замерзшему болотистому Сивашу. Заметалась красная конница, прорываясь между нашей пехотой обратно на север и северо-запад. В руки доблестного генерала Гусельщикова попала одна батарея с полной запряжкой и почти весь обоз. Однако части ген. Кутепова запоздали, находясь в районе Рождественского и Отрады, что позволило коннице Буденного ускользнуть перед фронтом конницы ген. Кутепова.

Тем не менее, главное было сделано: выход в Крым был вновь открыт.

С 18-го по 20-е шли тяжелые бои по всему фронту, а 20 октября части ген. Абрамова стали втягиваться в Сальковскую теснину, проходя на Чонгарский полуостров. За ними последовали и части ген. Кутепова. К вечеру 20-го Сальковскую позицию заняла Дроздовская дивизия.

2-й Армейский корпус занял Перекопскую позицию. Марковская дивизия, часть 3-й Донской и 7-й пехотной дивизий, пройдя

Геническ, попали на Арабатскую стрелку и, двигаясь кружным путем, временно находились вне боевого поля.

Русская Армия отошла в Крымскую «бутылку».

Отход частей Армии был совершен в обстоятельствах исключительной трудности. Отходили при жестоком морозе, в незимней одежде, не защищавшей от пронзительного ветра, в условиях боев, крупными переходами. Полуголодные, отдыхая по 3-4 часа, снова вступали в бой с появлявшимся со всех сторон и преграждавшим дорогу противником.

В течение всего этого периода ген. Врангель не оставлял без внимания вопрос об эвакуации из Крыма, имея в виду вывести не только войска и учреждения, но и всех желающих, кому грозила расправа со стороны красных.

Общая обстановка на фронте катастрофически ухудшалась. Казалось, сама природа ополчилась на Русскую Армию: небывалые в Крыму морозы заморозили солончаковый Сиваш.

Красные перебросили по льду Сиваша, в тыл укреплений Перекопа, две пехотных и одну кавалерийскую дивизии. Обход был соединен с ожесточенными фронтальными атаками большими силами, и Добровольцы, после упорного боя, были вынуждены в ночь на 27-е оставить Перекопский вал и отойти на Юшуньскую позицию.

Красные не остановились и, введя в дело тяжелую артиллерию и более 100 полевых орудий, атаковали Юшунь. Добровольцы доблестно защищались, и целые горы вражеских трупов выросли у разрушенных проволочных заграждений.

Красное командование безостановочно вливало в бой все новые и новые части. Добровольцы отбили 14 последовательных атак, но красные подавили своею численностью, и, в ночь с 28-го на 29-е Юшуньская позиция была оставлена. Попытка отбить ее обратно утром 29 октября успехом не увенчалась. Вслед за Юшуньской пала и Чонгарская линия обороны. Входы в Крым теперь были широко открыты.

В полночь 29 октября главком Фрунзе по радио предложил генералу Врангелю капитулировать. Самоуверенное предложение было оставлено без ответа. В тот же день, 29 октября, ген. Врангель приказал войскам оторваться от противника и следовать в заранее им назначенные порты для погрузки на суда и эвакуации за границу. Всем желающим остаться в Крыму была предоставлена полная свобода решения.

Отступление войск шло под прикрытием 1-й конной Донской дивизии, гвардейский полк которой, оказавшись лицом к лицу с превосходной в силах конницей и пехотой противника, под сильным артиллерийским и пулеметным огнем, стал отходить на Воинку.

Видя трудное положение полка, 2-й гвардейский полк и 2-я бригада ген. Морозова повернули обратно и атаковали противника. Командовавший всей конницей ген. Барбович двинул в атаку и регулярную конницу.

Противник растерялся и, когда наша конница врубилась в его ряды, начал быстро отходить, бросая свои орудия. Пройдя две версты и порубив большое количество красных, наша конница повернула и, уже не преследуемая, отошла на ночлег в деревню Александровку.

Конная атака под Воинкой была последней атакой Гражданской войны.

Эвакуация

Погрузка раненых офицеров и солдат и тыловых учреждений началась сразу же после издания приказа об эвакуации, т.е. 29 октября.

30 октября к генералу Врангелю явилась депутация от славных полков 1-го Корпуса во главе с ген. Манштейном для принятия знамен этих полков, стоявших в помещении Главнокомандующего.

Ген. Врангель вышел бледный, в черной черкеске, и сказал собравшимся: «Я жалею, что не могу сейчас этого сказать всем; прошу вас передать всем то, что я скажу. Сейчас я убедился, что Европа и Америка нас предали: результаты налицо. В моем распоряжении кораблей настолько мало, что я не могу на них посадить даже все остатки славной армии, которая, истекая кровью, подходит к Севастополю.

Куда мы едем, я не знаю, так как на мои запросы, которые я рассылал в течение двух дней со дня Юшуньской катастрофы, ответа нет. У нас есть уголь, и мы уходим в море. Я продолжаю по радио вести переговоры и думаю, что они увенчаются успехом. Где мы пристанем, я не знаю, но где бы это ни было, я прошу вас

передать эту просьбу частям: сохранить безусловный порядок, дисциплину и, самое главное, уважение друг к другу. Потому что я в состоянии говорить за вас только тогда, когда буду уверен, что мы и там останемся такими же, как и здесь, твердо веря в нашу идею и в то, что вина нашей катастрофы не в нас самих».

В тот же день к вечеру прибывший командующий 1-й армией ген. Кутепов принял ряд мер, чтобы обезопасить и обеспечить посадку на суда, подходящих к Севастополю частей армии. До глубокой ночи он на автомобиле с адъютантом объезжал окраины и предместья города, был на вокзале, пешком прошел длинный путь по железнодорожному полотну и лично убедился, что ничего враждебного войскам ожидать было нельзя.

К утру 31 октября стали подходить к городу части 1-й армии и началась их погрузка. Небо было обложено тучами, дул холодный осенний ветер. Нагруженные транспорты выходили на внешний рейд. Город пустел. Прикрывали город и несли охрану в городе юнкера и заставы от частей ген. Кутепова.

Постепенно охрана города передавалась городскому самоуправлению и рабочим, которым было роздано оружие и патроны. Уже темнело, когда по Нахимовскому проспекту покачалась большая толпа народа, во главе которой шел генерал Врангель. Население Севастополя провожало популярного вождя. Он подошел к сменившимся караулам Атаманского училища и сказал: «Рад, что вижу вас стойкими и бодрыми. Спасибо за порядок, за сильный дух. Мы отправляемся в неизвестность; что ждет нас, ничего не знаю. Будьте готовы ко всяким испытаниям и лишениям. Знайте, что спасение России и нас в наших руках».

Ночь на 1 ноября и утро этого дня прошли в Севастополе совершенно спокойно, по городу ходили патрули юнкеров. Суда вышли на внешний рейд, оставался еще крейсер «Генерал Корнилов». Днем заставы и караулы стали стягиваться к Графской пристани. Около 2-х часов дня туда подошел генерал Врангель, обошел караул и стянувшиеся заставы юнкеров Сергиевского училища, поблагодарил их за службу. Затем снял корниловскую фуражку, перекрестился, низко поклонился родной земле и на катере отбыл на крейсер «Генерал Корнилов». За ним погрузились на «Херсонес» юнкера. Последним с берега сошел начальник обороны Севастопольского района ген. Стогов. Он остановился, перекрестился и заплакал.

На берегу была масса народа. Благословляли, плакали.

Это было около 3-х часов дня, а в 4 ч. 45 мин. английский миноносец по радио передал, что в город вошли большевики. Ночь пароходы простояли на внешнем рейде, а с утра, в благоговейной тишине, отходили перегруженные суда в море, в неизвестность, отрываясь от Севастополя, от берегов Отчизны.

Так начался исход Русской Армии.

31 октября задача прикрытия отхода пехоты была завершена, и регулярная конница отошла на погрузку в Ялту, Кубанская дивизия в Феодосию, а Донские дивизии в Керчь.

Главнокомандующий направился в Ялту. Регулярная конница грузилась в идеальном порядке, переполняя вместительные транспорты «Крым», «Цесаревич Георгий», «Русь». Садились только люди, расставаясь с лошадьми, своими боевыми товарищами. С собой бралось только оружие и самые необходимые вещи, если они были у чинов дивизии.

На крейсере «Генерал Корнилов» появился ген. Врангель, проверяя успешность погрузки. Проходя мимо судов, сказал что-то, обращаясь к нам. В ответ ему грянуло «ура». Он снял фуражку и сделал низкий поклон родной земле.

Сердце защемило, какой-то комок подошел к горлу, стало невыносимо тоскливо, и я заплакал. Я не стыдился этих слез; слезы текли у многих и у многих, облегчая душевную боль.

Корабли вышли в море. Мы уходим.

Прощай Россия, наша родная Мать, научившая нас любить Тебя больше чем свою жизнь, любить свою православную веру, свой народ и готовиться быть Твоими полезными деятелями.

Мы уходим, бросая Тебя, так горячо любимую. Мы не верим, что Ты изгнала нас, Твоих вернейших сынов, все Тебе отдавших. Ни одного возгласа вражды, ни одного злобного взгляда не слышали и не видели мы от густой толпы людей в Ялте на берегу моря. Безмолвно, со слезами на глазах, как на похоронах, смотрели люди на нас и на корабли. Народ трогательно провожал нас, и в последний раз прозвучал для него Преображенский марш и «Коль Славен». Оркестр на корабле посылал Русской Земле величественные звуки русской Славы на прощание.

На лестнице, ведущей в трюмы, появился священник и сказал: «Дорогие братья и сестры! Осените себя крестным знамением. С Родиной прощаемся мы... Может и не суждено нам Ее снова увидеть. Судьба наша и жизнь наша в руках Божиих. Помолимся же Владычице Пресвятой, да сохранит и спасет нас...»

Медленно движутся руки, творящие крестное знамение, и склоняются головы в тишине, прерываемые приглушенным вздохом.

Кубанская и Донские дивизии шли на погрузку через Карасубазар, имея в арьергарде гвардейский лейб-казачий полк со взводом артиллерии. Около Карасубазара, между главной колонной и арьергардом вклинились обнаглевшие зеленые и открыли пулеметный огонь. Лавой одной сотни гвардейцев зеленые, которых мы еще недавно гоняли, были отогнаны. Два казака и 3 лошади были ранены. Дальнейшее движение было без инцидентов.

В Феодосии погрузка началась 31 октября, а в Керчи с 3 ноября с прибытием конных частей. Ген. Врангель посетил Феодосию после отбытия всех судов. В Керчи погрузкой распорядился лично ген. Абрамов, командующий 2-й армией. Он объехал на катере все погруженные пароходы, отдал последние распоряжения и, в ночь на 4 ноября, суда, в кильватерной колонне, пошли на Константинополь.

Генерал Врангель с честью вывел армию и флот, как обещал. На 126 судах было вывезено около 146 тысяч человек, в том числе 50 тысяч чинов армии и 6 тысяч раненых. Остальные — личный состав военных и административных тыловых учреждений, в небольшом числе семьи военнослужащих, гражданские беженцы, искавшие у Армии защиты.

Пароходы вышли в море переполненными до крайности. Все трюмы, палубы, проходы, мостики были буквально забиты людьми. Слава Богу, что море, хотя и встретило непогодой, было совершенно спокойно, и качка была мало заметна. Переезд по морю до Константинополя длился несколько дней и являл собою непрерывную нить физических лишений для голодных людей.

На железной палубе, без всякого прикрытия от дождя и ледящего ветра, или в забитом трюме, откуда, чтобы выбраться по своим неотложным нуждам, требовалось затратить час, — все это было мучительно. Не могу вспомнить, чем я питался в это время; знаю, что был голоден: выдавалось по кружке воды и немного муки. Низкий ящик, на котором я нашел себе место, оказался с бутылками вина, о чем я дал знать своей батареейной

братии. Мы этому вину отдали должную дань уважения, что помогло нам скрасить наши лишения и заглушить голод.

Кругом вода и небо. Еще развешаются над нами родные Андреевские флаги, еще составляем мы часть Российского Государства. Но вот показались огни маяков у входа в Босфор, появились зеленеющие берега, жилища людей, заводы. Потом развертывается широкая, прекрасная панорама Константинополя.

Прошли по рейду мимо прибывших ранее судов. Вот и «Генерал Корнилов». У трапа появляется знакомая, высокая фигура генерала Врангеля. Пароход сразу оживает какой-то радостной бодростью. Главнокомандующий здоровается с войсками, в ответ единодушное «ура».

Пароходы с русскими изгнанниками стали приходить на Константинопольский рейд начиная со 2-го и кончая 10-м ноября (ст. ст.), причем когда первые суда уже отошли оттуда в Галлиполи («Саратов» и «Херсон» — 8 ноября), суда из Керчи только что начали прибывать. Все же одновременно более 100 русских судов, военных и торговых, крупных и мелких, стояли облепленной, голодной армадой на внешнем рейде Константинополя и выкинули флаги: «хлеба» и «воды».

Это были не только условные знаки и морские сигналы. Это был крик о помощи десятков тысяч людей, не имевших на сегодня ни хлеба, ни воды. Первые дни подходили к пароходам какие-то случайные катера и больше наводили справки, чем подвозили продовольствие. То американцы подвезут молоко и шоколад детям, то французы сгрузят консервы, то наши русские земцы подвезут в мешках давно жданный хлеб. А на пароходах продолжалась та же давка, грязь, общий голод. Международная полиция следила за тем, чтобы русские не съезжали на берег. Всюду была жизнь, а русские изгнанники все сидели в своих невольных тюрьмах и терпеливо ждали решения своей участи.

«Я был вчера, — писал в те дни один из молодых наших писателей, — 6 ноября 1920 года (ст. ст.) среди 66 кораблей, стоявших в Мраморном море, в устье Босфора. Я разыскивал на них остатки замученных русских писателей, а нашел 130,000 распятых русских людей. Они поставлены на глаза всего мира, на самом видном месте между Европой и Азией, но их видят далеко не все обитатели Европы. Это, слава Богу, не вся еще Россия, но это одна тысячная часть распятой России, и этого достаточно, чтобы ослепнуть от потрясающего зрелища».

Комитет политического объединения русских граждан в Константинополе в обращении к союзникам и друзьям писал: «Разве это только толпа, обезумевшая от горя и страдания? Нет, это люди, отдавшие все в защиту принципов, одинаково дорогих и для вас, и для нас, и для всего человечества. Сделайте все, чтобы остатки всемирного арьергарда не исчезли с мирового поля битвы, чтобы те, в ком осталась воля и энергия, вновь собравшись с силами, опять могли выступить на спасение родины своей. Если нашлась территория для временного пребывания сербских героев, для бельгийских мучеников, неужели не найдется в мире угла для русских, отстаивающих грудью вас, Европу, от нового нашествия варваров».

Но вот уже на главных мачтах кораблей развернулись флаги Франции, а на кормовых Андреевские. И так, мы под покровительством Франции, французского командования на Ближнем Востоке. Франция взяла под свое покровительство русских людей, покинувших Родину... — под залог русских кораблей. Но мы не умираем как русская вооруженная сила: Андреевский флаг говорит об этом.

С пароходов стали сгружать раненых, тяжело больных, гражданских беженцев. Вместе с частичной разгрузкой пароходов стало постепенно улучшаться и питание. Подвоз продовольствия становился более регулярным, подвезли много пресной воды, появился кипяток, пшенная каша.

Правовое положение офицеров и солдат все еще не выяснилось. Жили только слухами, а их было много. Через три дня после прибытия на рейд, ген. Кутепов издал приказ, весь дышавший призывом к боевой готовности.

Согласно его приказу по войскам 1-й армии: 1) надлежало в каждой дивизии собрать в определенное место оружие (за исключением офицерского) и хранить его под караулом; 2) в каждой дивизии сформировать вооруженный винтовками батальон в составе 600 штыков с офицерами, которому придать одну пулеметную команду в составе 60 пулеметов.

По соглашению с французами воинским частям оставляли одну двадцатую часть оружия. У офицеров оружия не отбирали. Несмотря на это, французы сгрузили 45 тысяч винтовок, 450 пулеметов, 60 тысяч ручных гранат и приступили к разгрузке русского казенного имущества, как продовольствия, так и обмундирования и белья, всего на сумму 70 миллионов франков.

Пустели трюмы, и Русская Армия все более обездоливалась и переходила в материальную зависимость к «другу и союзнику»!?

6 ноября (ст. ст.) Главнокомандующий издал приказ, по которому 1-я армия сводилась в 1-й корпус, во главе которого становился генерал-от-инфантерии Кутепов. В состав корпуса входят 1-я пехотная дивизия, 1-я кавалерийская дивизия и технический полк.

Через день после этого первые пароходы с частями корпуса («Саратов» и «Херсон») отошли в Галлиполи. Остальные пароходы угрюмо покачивались на рейде, выдерживая своих пассажиров в обстановке невероятной грязи и угнетенных настроений.

Постепенно стало выясняться правовое положение чинов армии. В приказе по 1-му армейскому корпусу от 7 ноября так разъяснялись приказы Главнокомандующего о правах эвакуированных: все генералы и штаб-офицеры, не получившие должностей, а также все категористы (разной степени инвалидность) штаб-, обер-офицеры и солдаты — разгрузке в Галлиполи не подлежали, а эвакуировались, как беженцы, в Константинополь и в славянские страны. Таково же было положение всех больных и раненых. Могли воспользоваться этим правом беженства все офицеры, окончившие военные академии и не получившие должностей по своим специальностям. Генералы и штаб-офицеры, не получившие назначений, могли оставаться в частях на положении рядовых офицеров. Вместе с офицерами временно, как говорил приказ, могли оставаться семьи военнослужащих, в составе отца, матери, жены и детей.

Неожиданно начался оживленный отход оставшихся пароходов. По Мраморному морю шли к Дарданеллам, в Галлиполи.

Пароходы, минуя простор Мраморного моря, вошли в широкий просвет Дарданелл. Пароход завернул в безрадостную бухту. Там уже разгружается один пароход, видны вереницы людей, идущих с грузом куда-то в поле, по холмистой дороге вдоль Дарданелл. А там вдаль едва виднелись зеленые палатки тех, кто уже раньше выгрузился. Там нам предстояло поселиться, зимовать. Это было голое поле, было Галлиполи.

Еще некоторое время простояли на рейде, пока не подошла наша очередь выгрузки на берег. Выгрузились под вечер, не помню какого числа ноября, и расположились в развалинах какого-то здания. Было холодно и мокро, дул ветер и, чтобы согреться, развели маленький костер на щелбе и камнях. Впереди — ночь в этом «здании».

Недалеко от нашего маленького костра приютилась группа юнкеров Корниловского пехотного училища, и один из юнкеров стал пристально всматриваться в нашу группу. И я, присмотревшись, невольно ахнул, и мы, как по команде, бросились друг к другу в объятия. Это был мой близкий товарищ, одноклассник, Михаил Кутилин. Вот где нам пришлось встретиться после гимназии.

Волнистая холмистая местность на фоне невысоких гор, местами голая, местами поросшая травой, — это место нашего лагеря, в 7 верстах от полуразрушенного маленького города. В 1914 году этот город и пролив английский флот неудачно пытался захватить, высадив десант и бомбардируя город и форты.

Между двумя рядами холмов, расположенных под прямым углом к Дарданеллам, пролегла неровная широкая долина, переходившая в ровную поверхность у воды. Летом это был пляж для нас и идеальное место для купания.

Нам были выданы зеленые палатки, длинные и широкие, вместимостью на 30-40 человек. Наша, теперь уже 4-я батарея, получила 2 палатки для солдат и одну для офицеров. Собрали палатки и разместили их по плану заранее подготовленному, с разбивкой линейки и пр. Имея по одному одеялу, призадумались над устройством постелей на сырой земле.

Несколько дней ушло на устройство своих примитивных кроватей из подручного материала, добываемого на ближних лесистых горах. Пружинистые, мелкие колючие листья кустарников заменили нам солому, а кровати мастерили, пользуясь тем же лесом. Спать было холодно, так как единственное одеяло шло на покрытие нашей колючей «соломы», а укрывались шинелью.

На ближних к городу холмах разместились пехотная дивизия по полкам, имея на левом фланге Технический полк. Через долину, на другом ряду холмов, растянулась кавалерийская дивизия, тоже по полкам, имея на правом фланге, ближе к проливу, конную артиллерию, сведенную в четыре батареи.

Еще не успел я как следует закончить устройство своего угла в палатке, как командир сообщил мне, что получен приказ Главнокомандующего Русской Армией о моем производстве в чин подпоручика. Это событие нечем было отметить в нашем положении.

Не обходилось без трагических случаев. Колючие листья кустарников, собиравшиеся для постели, складывались в большую охапку, перевязывались и носились в лагерь за плечами. Было

несколько случаев, когда в такую охапку, еще на земле, заползала змея и жалила, когда находилась за плечами солдата. Укусы были смертельны. Этих гадюк сероватого цвета было много, и мы истребляли их нещадно, но и сами их боялись.

Были скорпионы и сколопендры. Учебная команда нашего 2-го дивизиона помещалась в нарочито вырытой для нее землянке. Мне пришлось однажды, уже летом, заменить начальника учебной команды, и я ночевал там с солдатами команды. Подъем был очень ранний; еще в темноте, одеваясь, я натянул на ногу шерстяной носок, а там немедленно зашевелилось что-то большое. Мгновенно сбросив носок, я обнаружил там сколопендру; она не успела укусить. Этот случай заставил всех быть осторожными при одевании.

Трусливые шакалы беспокоили нас только ночью, залезая в палатки в надежде найти что-либо съедобное; днем они были очень боязливы и редко появлялись. Было очень много сухопутных черепах разной величины. Пехота посылала специальные наряды ловить черепах для ротных котлов. Очень вкусное черепашее мясо, нежнее куриного, и их яйца служили хорошим подспорьем к скудному голодному пайку.

Генералы Врангель и Кутепов понимали, что только организованная военная сила поможет отстаивать в Константинополе интересы армии. Была общая дума: армия мы или нет в глазах союзников.

Первый приезд в Галлиполи генерала Врангеля 19 декабря вместе с командующим французской эскадрой адмиралом Де-Бон рассеял сомнения в вопросе об отношении союзников. На параде, в лагере, ген. Врангель заявил, что он только что получил известие о признании армии и, обращаясь к выстроившимся войскам, сказал: «Я приму все меры и потребую, чтобы наше положение было улучшено. Мы имеем право не просить, а требовать потому, что то дело, которое мы защищали, было общим делом и имело мировое значение. Мы истекали кровью в борьбе с вдсятеро и больше превосходившим вас по численности врагом при гробовом молчании всего мира. Мы выполнили наш долг до конца и не мы виноваты в исходе этой борьбы. Виновен весь мир, который смотрел на нас и не помог нам...»

Второй приезд генерала Врангеля в Галлиполи был 2 февраля (ст. ст.). Был парад, которого никогда не забудет ни один из его участников и который был сплошным триумфом Главнокомандующего.

Всю ночь и утро шел дождь. Войска были выстроены широким фронтом по громадному ровному полю. Подъехал автомобиль Главнокомандующего. И когда он вышел из него и подошел к знаменам, неожиданно разорвались тучи, и яркое солнце осветило всю долину. Этот неожиданный эффект поразил умы людей и вызвал чувство радости и восторга; громовое «ура» выразило любовь войск к своему вождю. Это был момент всеобщего экстаза и выражение неподдельной преданности Главнокомандующему.

Последовал парад войск. Кадровые офицеры, видевшие царские смотры и большие парады мирного времени, закаленные к тому же многолетним пребыванием на фронте, — говорили, что даже у них от переполнения чувств сжималось горло.

«...Три месяца тому назад, — говорил войскам ген. Врангель, — мы оставили последний клочек русской земли и прибыли на берега Босфора. Вчерашние наши друзья, заискивавшие перед нами, когда мы были сильны, поспешили отвернуться от нас в момент несчастья, а враги, трусливо молчавшие во время наших побед, начали сводить с нами личные счеты... и старались запятнать доблестное русское воинство, которое потеряло все, но принесло сюда незапятнанными свою честь и знамена. Но все козни врагов разбились о нашу стойкость.... Тот мир, который смотрел на нас, не понимая значения этой борьбы, отвернулся от нас, ибо считал наше дело проигранным и законченным, но он не знал силы духа русского человека и солдата....»

Если при первом своем посещении ген. Врангель видел армию «висевшую на волоске» (как выразился кн. Долгоруков), то теперь он увидел ее уже на прочном фундаменте: она поднялась, воскресла и осознала свою силу. Неопределенность все продолжалась, материальные условия не были лучше, но моральное состояние корпуса прошло уже через критические дни перелома. Корпус стал прочно на ноги.

7 февраля (ст. ст.) неожиданно выпал снег, достигнув на следующий день слоя в 8 сантиметров. Температура упала до семи градусов ниже нуля. Лагерь под снегом выглядел очень красиво, но внутри палаток было очень неудобно, и все мерзли, сидя в шинелях. Занятия прекратились.

Доморощенная печка, устроенная в палатке 1-й батареи, вызвала пожар; заживо сгорел один большой офицер, не успевший выбраться наружу. Печку, устроенную в нашей палатке, мы перестали топить, так как эффект от нее был ничтожный, а риска много.

Приехал из Константинополя командир французского оккупационного корпуса, ген. Шарпи. О его приезде было заранее известно, и в частях начали готовиться к параду. Но в самый день его приезда парад был неожиданно отменен, а из города сообщили, что ген. Шарпи отказался от почетного караула.

Ген. Шарпи осматривал лагерь 1 марта (ст. ст.). Он не позволил себе ни одного оскорбительного замечания, но все чувствовали себя глубоко оскорбленными, несмотря на то, что генерал, посетив части, беседовал с Георгиевскими кавалерами, вспоминая Великую войну. Отказ от почетного караула покрывал собой всю предупредительность генерала. При отъезде он сказал: «Я должен относиться к вам, как к беженцам, но не могу скрыть того, что видел перед собою армию».

И, может быть, то, что генерал увидел перед собой армию, ускорило то распоряжение, по которому части предупреждались, что с 1 апреля (н. ст.) прекращается «выдача пайка», а армии предлагается переезд в Бразилию или к большевикам. Опубликования этого приказа не было, но ген. Кутепов был экстренно вызван в Константинополь. Все почувствовали, что сгущаются тучи.

21 марта (н. ст.) ген. Кутепов отбыл из Галлиполи, и тут, в первый раз, войска почувствовали себя осиротелыми. Возникла мысль: а вдруг французы не выпустят Кутепова из Константинополя? Эта мысль показалась чудовищно страшной. Мы все, как один, сразу почувствовали, что Кутепов — вождь. Прошло то время, когда он казался нам бесцельно жестоким. Мы увидели в нем решительного, смелого, сурового вождя, — творца Галлиполи. Кутепов и Корпус — одно неразрывное целое.

Распоряжение французского правительства о прекращении пайка дошло до Галлиполи в отсутствие командира Корпуса и вызвало лишь еще бóльшую сплоченность. В городе и лагере кричали «ура» в честь Главногокомандующего. Французский ультиматум воспринимался как переход к активной борьбе, которой ждала окрепшая армия. Страшило одно, что нет командира Корпуса.

Когда 27 марта разнеслась весть, что ген. Кутепов прибыл и находится на пароходе, — все, кто был в городе, побежали на пристань. Громовым «ура» встретили Галлиполийцы своего генерала. Его подхватили на руки и понесли до помещения штаба корпуса. Многотысячная толпа не расходилась, выжидая. Когда генерал появился в дверях, его снова подхватили на руки, и вся эта

толпа понесла его мимо здания французской комендатуры до его квартиры. На приказ распыления Корпус ответил стихийной манифестацией прочного единения.

Распоряжение о прекращении пайков было отменено, но все жили в постоянной готовности к новым репрессиям и в постоянной мысли, что каждую минуту можно ожидать событий, которые потребуют поставить на карту самую жизнь.

Вскоре в Париже произошло падение кабинета, что повлекло за собою смену французского командования в Константинополе. Отношение Франции к русской армии резко изменилось. На генерала Кутепова посыпались требования о сдаче им оружия, но он отвечал, что винтовки необходимы для обучения полков и юнкеров.

Тогда было потребовано сдать пулеметы или, по крайней мере, замки от них под охрану сенегальцев. Генерал ответил, что охрана пулеметов надежна в самом Корпусе.

Французы, наконец, прислали категорическое требование сдать все оружие. Ген. Кутепов на это тоже категорически ответил, что оружие у Корпуса может быть отнято только силой. Не запугали генерала Кутепова и назначенные французским командованием маневры сенегальцев при поддержке миноносцев. На полученное предупреждение об этих маневрах ген. Кутепов ответил: «Какое совпадение! У меня на этот день тоже назначены маневры в полном боевом снаряжении».

Разоружить силой Кутеповский корпус у союзников рука не поднялась. Было решено добиться рассеяния русской армии иным путем. Генерала Врангеля перестали допускать к его войскам. В Галлиполи было вывешено объявление, что армия генерала Врангеля больше не существует. Ни Врангель, ни им назначенные начальники не имеют права отдавать приказания. Все вывезенные из Крыма войска объявлялись свободными беженцами и подчиненными в Галлиполи только французскому коменданту.

Однажды патруль сенегальцев за пение в городе арестовал двух русских офицеров, избил одного прикладами до крови и отвел арестованных во французскую комендатуру. Начальник штаба тотчас пошел к коменданту и потребовал освобождения арестованных. Комендант отказал и вызвал караул в ружье. Начальник штаба вызвал две роты юнкеров, и сенегальский караул бежал, бросив два пулемета. Арестованные были освобождены, и французы перестали высылать свои патрули по Галлиполи.

В Галлиполи появились агитаторы для пропаганды переселения в Бразилию и возвращения в советскую Россию. Вывешивались соответствующие объявления за печатью французского коменданта. В этих объявлениях указывалось, что вернувшиеся в советскую Россию встретят «радушный прием», а переселенцы в Бразилию получают в штате Сан-Паоло землю, инвентарь и денежную субсидию. Охотников испытать на себе «радушный прием» большевиков не нашлось, зато Бразилия внесла соблазн.

Выразивших желание уехать из лагеря не задерживали; немедленно был создан лагерь для «беженцев», носивший также название «лагеря для слабых духом», а для всех оставшихся он казался зачумленным лагерем.

В Бразилию поехало около двух тысяч человек. Солдат тянуло сесть на землю. Всех уехавших в Бразилию туда не довезли. Их высадили в Аяччио, на острове Корсика. Бразилия никаких обещаний на переселение в нее русских беженцев не давала; какие-то кофейные плантаторы хотели закабалить беженцев как дешевую рабочую силу.

Одновременно с пропагандой, французы постоянно грозили, что скоро перестанут содержать русских беженцев, и время от времени сокращали паек. В объявлениях говорилось, что Франция, изнуренная войной, не может «продолжать бесконечно приносить столь тяжелые жертвы». Каждый месяц на питание русских беженцев Франция будто бы тратит сорок миллионов франков, тогда как гарантии русской армии в судах и сырье не превышают тридцати миллионов.

В таких заявлениях было явное и злонамеренное преувеличение. По заготовочным ценам французского интендантства, общая стоимость содержания 1-го Корпуса в Галлиполи обходилась французам всего в один миллион семьсот тысяч франков в месяц. Подобные объявления сильно били по национальному чувству.

Что же в действительности выяснилось?

Благодаря громадной работе «Русского Совета», за время с 1 декабря 1920 года по 1 января 1922 года были получены средства из различных источников на сумму в 10,400,000 франков. По подсчету Русского Совета, французские власти захватили имущество, вывезенное из Крыма, стоимость которого, не считая судов военного и торгового флота, определялась в 133,500,000 франков. Стоимость дневного пайка определялась в менее чем 4.50

франков; значит, считая, что на их иждивении было 60 тысяч человек, — с 15 ноября 1920 г. по 1 мая 1921 года было израсходовано 44,000,000 франков.

Следовательно, за покрытием их расходов, к 1 мая 1921 года на русском счету оставалось у французов свыше 105,000,000 франков. Это были наши русские деньги, которыми распоряжались французы, неся «тяжелые жертвы».

Распылить Корпус в Галлиполи французы не смогли, — уйти в беженский лагерь отозвалось очень мало солдат. Вербовка в иностранный легион не оправдала надежд: гибнуть в песках Африки за Францию мало кого прельщало. Разоружить Корпус не посмели, — ген. Кутепов дал им это понять.

Главное препятствие к осуществлению их планов французы видели в генерале Врангеле. Когда поползли слухи, что французские власти намереваются арестовать генерала Врангеля, к ним вернулись слухи, что русские полки двинутся на Константинополь в случае насилия над Главнокомандующим. В те тревожные дни мы были готовы к ночному маршу, ибо орудия французского флота ночью были бессильны против нас. В случае тревоги мы были готовы выступить немедленно, но установленный порядок не нарушался и тренировка не прекращалась.

Ген. Врангель, в момент опасности для него, был поднят в нашем сознании на недостижимую высоту. Наши упования и надежды связывались с ним; он был окружен ореолом благородства и бесстрашия. Испытывая страх за него, мы боялись потери его, как центра притяжения для всех нас.

Отстаивая интересы армии перед союзниками, генералы Врангель и Кутепов проявили твердость, достоинство и непреклонную волю. Имея таких вождей, армия и могла создать ореол Галлиполи; правда, что и она состояла из тех, кто в огне и крови на полях сражений вели сознательную борьбу с международным коммунизмом за правду, человечность, за веру и Россию.

Находясь в изолированном положении, мы не были в курсе международной обстановки, но сложность ее ощущали по производимому на нас давлению. Ген. Врангель отражал различные нападки и противодействовал давлению, потому что мог опереться на стойкость своей армии. Его позиция была тем более сильна, что его требования и чувства разделялись тысячами, продолжавшими повиноваться ему как командиру. Офицеры и солдаты не хотели забыть свое прошлое и не могли позволить,

чтобы их жертвы и подвиги были кем-либо загоптаны. В этих взаимоотношениях генерала Врангеля с армией и заключалась основная сила Галлиполи и лагерей на Лемносе и в Бизерте.

Наши повседневные лагерные заботы, привычки и установленный воинский порядок не нарушались за все время возникавших кризисов. Правда, еще недавно лелеянным надеждам о возобновлении борьбы с большевиками пришел конец. Союзники уже не были союзниками и, из меркантильных соображений, стали врагами; мы уже открыто презирали торгашей французов, не говоря уже об англичанах. В Константинополе появились большевистские торговые агенты и, при покровительстве англичан, открыли отделение торговой миссии. Соблазн крупных барышей от доставки товаров на Юг России охватил торговые круги Константинополя.

Прошла зима с ее холодом, дождями и ветром; повеяло теплом, и сразу все зазеленело, наступил Великий Пост. При нашем голодном пайке нельзя было и мечтать о постной пище. Как на войне, так и здесь нормальная жизнь православного христианина с посещением церкви и соблюдением постов нарушалась на каждом шагу.

Церковь Корниловского дивизиона, устроенная в палатке, была полна на богослужениях. На светлой Заутрени 18 апр. (ст. ст.) стояла хорошая погода. Тишина была в эту Святую ночь, и великое множество военного народа внимало знакомым с детства словам песнопений. Невольно мысли неслись на Родину, к оставленным там дорогим, близким, родным. Спаси их Господи и сохрани в стране бесправия и гнета. А над нами наклонилось чужое небо, но светло и радостно наполнился воздух торжественным гимном «Христос воскрес из мертвых...»

На 3-й день Пасхи был парад, который принимал ген. Кутепов. Части вышли в строй в белых гимнастерках. Особенно хорошо прошла учебная команда Дроздовского полка. Генералу Врангелю не разрешили посетить армию.

В апреле была закладка памятника на русском военном кладбище, где уже было похоронено 342 человека. Каждый офицер и солдат был обязан принести по камню; камни искали на ближайших горах. Корниловцы с музыкой принесли камни.

Памятник, массивная круглая пирамида, увенчанная крестом, был открыт 16 июля. Он воздвигнут как наша дань соратникам, скончавшимся здесь от болезней и ран, а также и нашим предкам-запорощам, погибшим на этой земле в турецкой неволе.

Стало известно о массовых расстрелах в Крыму после нашего отъезда. Погибли тысячи и тысячи офицеров и солдат, поверивших в большевистскую амнистию. Руководил бойней ленинский палач, мадьяр Бела Кун. Известно также, что в России голод, свирепствует террор.

Был объявлен приказ ген. Кутепова от 23 мая (н. ст.) о переходе на беженское положение тех, кто не желает разделить до конца участь армии. Последний срок до 27 мая. Пожелавших уйти очень мало; среди офицеров желающих не оказалось.

Наступила сильная жара. В свободное время ходим купаться на море. По вечерам происходят футбольные состязания, которые привлекают много зрителей. Каждый полк имеет свою команду, и футболисты выходят на поле в цвете своих полков. Самая красивая форма у Марковцев: все белое, а на груди большой черный двуглавый орел. На некоторых матчах играли оркестры. Наиболее сильные команды были у Корниловцев и Дроздовцев; они и вышли в финал матча. Он был разыгран при огромном числе посетителей и в присутствии генерала Кутепова. Мы гадали: в форме какого полка появится командир Корпуса. Он приехал в форме Корниловского полка и не ошибся: Корниловцы победили со счетом 4:2.

Был устроен театр на открытом воздухе, где раз в неделю устраивались концерты с самой разнообразной программой. Талантов в Корпусе было много: певцы, музыканты, артисты. Выступали хоры; большим успехом пользовалась группа братьев Зайцевых с их остроумными частушками, где освещалось галлиполийское сидение; не забывалось иногда любовно помянуть Кутеп-пашу, как называли местные турки генерала Кутепова.

В лагере функционировали кружки по восстановлению и пополнению знаний в области математики и физики, а также по изучению французского и иных языков. Регулярные занятия были начаты и продолжались по частной инициативе и в частном порядке у Дроздовцев и Корниловцев. Большие затруднения были с бумагой, карандашами, помещением. Препятствия были устранены с открытием в лагере общеобразовательных высших курсов, посещать которые мог каждый.

Дисциплина в лагере не ослабевала до конца нашего в нем пребывания. Однажды, закончив свое дежурство на батарее, я сдал должность в 12 часов дня капитану Островерхи и ушел в палатку снять шапку и прилечь. Не прошло и 10 минут, как совершенно неожиданно, как гром среди бела дня, появился ген. Кутепов и

пошел осматривать лагерь конной артиллерии. Недалеко от линейки увидел брошенную кем-то баночку от «обезьяньих» консервов. Последовал короткий кутеповский разнос и приказание дежурному, капитану Островерхи, явиться завтра, после сдачи дежурства, на гауптвахту в городе и отсидеть один день за небрежное исполнение своих обязанностей. Мои извинения и готовность отсидеть сутки вместо принявшего дежурство капитана были с благодарностью выслушаны, но Островерхи эту жертву отклонил, считая себя больше виноватым. После этого случая уже никаких банок нельзя было найти, разве только в предназначенной для свалки яме, далеко от лагеря.

Познакомился в нашем лагерном театре с одним офицером 3-го Дроздовского полка и стал его расспрашивать об Иване Кириллове, зная, что Ваня был в 3-м полку, как поведал мне об этом Миша Кутилин при нашей встрече у костра после высадки с парохода. Ваня был наш одноклассник и закончил гимназию с золотой медалью. Мы мечтали с ним, когда станем инженерами, уехать в Сибирь и отдать свои силы и будущия знания на ее развитие. Таковы были наши мечты. Действительность оказалась иной: Ваня, будучи в пулеметной команде, погиб в Северной Таврии в 1920 году у Александровска.

Полевые занятия у нас шли по установленному порядку; по теории стрельбы артиллерии испытания были для всех офицеров. Все больше и больше сведений про голод в России при полном равнодушии Запада и усердном потворствовании большевикам. Наш Корпус в Галлиполи был бельмом в глазу у наших политиканствующих продолжателей Февраля, убежавших на Запад под прикрытием «реакционных» Белых Сил.

В то время, когда для Добровольческих частей армии было предоставлено голое поле Галлиполи, казаки были отправлены на остров Лемнос в Эгейском море и в район Чатаджи на материке. В январе 1921 года французское командование решило переселить Донской Корпус из района Чатаджи на остров Лемнос. Казаки уже устроились в землянках и палатках и своим трудом обставили сносно свое жилье. Им не хотелось переезжать на Лемнос, памятный еще по первой английской эвакуации, когда русские вымирали целыми семьями. Кроме того, было получено известие, что с 1 февраля французы прекращают выдачу пайка.

Несмотря на протест генерала Врангеля, ген. Шарпи настоял на своем и издал от себя приказ о выселении казаков из Чатаджи. Последствия тотчас же сказались. Казаки с оружием в руках, лопатами и колями разогнали присланных чернокожих французских солдат, и с обеих сторон оказались раненые. Только тогда французские власти поняли, кому русская армия подчиняется, и обратились к генералу Врангелю с просьбой отдать приказ казакам о переселении на остров Лемнос. Приказу генерала Врангеля Донцы подчинились, и переезд совершился в полном порядке.

Однако политика французского командования не изменилась. В начале февраля было сделано объявление о записи желающих возвратиться в советскую Россию. При этом распространялись сведения о принятых якобы французским правительством мерах получить для них от Советов гарантию личной безопасности. Вместе с тем, для понуждения к выселению, всюду были вывешены объявления, что выдача пайка должна в ближайшее время прекратиться.

Беженцев, пожелавших выехать, оказалось свыше 1,500 человек и столько же из строевых казачьих частей. Первая отправка состоялась в середине февраля.

В тех же числах сообщалось о готовности Бразилии принять 10,000 русских, предоставив им средства и землю.

Все это на деле оказалось бесстыдной ложью: советское правительство никаких гарантий не дало; первая партия прибывших к советам была подвергнута жестоким насилиям, о чем известили казаки, бежавшие и возвратившиеся в Константинополь. Что касается Бразилии, то, как уже было ранее упомянуто, русские не принимались как колонисты, а как рабочие на кофейные плантации, или вообще не принимались.

Просьба Главнокомандующего приостановить отправку людей в Советскую Россию и в Бразилию заставила Верховного Комиссара видеть в генерале Врангеле главное препятствие для осуществления своих планов. Был предпринят ряд мер, чтобы изолировать его от армии, запрещали рассылку приказов к войскам, мешали его поездкам в лагеря, не выпускали ни генерала Врангеля, ни генерала Шатилова из Константинополя, наконец, предложили ему поехать в Париж, по приглашению французского правительства. Ген. Врангель готов был поехать в Париж, но под условием приостановления отправки людей в Сов. Россию и в Бразилию до его возвращения, и чтобы ему был гарантирован

свободный обратный проезд в Константинополь. Верховный Комиссар не согласился на эти условия.

В двадцатых числах марта французский генерал Бруссо, комендант острова Лемноса, исполняя приказание командира оккупационного корпуса Шарпи, потребовал, чтобы немедленно был дан ответ, какой из трех выходов выбирается русскими из их положения: 1) вернуться в Россию, 2) эмигрировать в Бразилию или 3) выбрать себе работу, которая могла бы содержать их.

Для опроса в лагерь были посланы французские офицеры с воинскими командами, и было заявлено, что те, кто будет пытаться посягнуть на свободу решения, будут отвечать перед французской властью.

Пароход стоял у пристани, и три тысячи человек, наverbованных в таком порядке, под угрозой, должны были немедленно сложить свои вещи и отправиться в Одессу.

Вечером в комнате русского посольства в Константинополе собрались общественные представители всех русских организаций, вызванные генералом Врангелем. Ген. Фостиков, последний командир Кубанской дивизии, только что приехавший с острова Лемноса, с волнением рассказывал, какими грубыми сценами сопровождалась вербовка людей для отправки их в Одессу: как на лагерь Кубанцев во время опроса были наведены пушки с французского миноносца, каким оскорблениям подвергались русские офицеры, как французские солдаты прикладами отгоняли их от солдат, чтобы они не мешали французам делать их дело, как многие были насильно посажены на пароход и бросались за борт, вплавь достигая берега, лишь бы не быть вывезенными в совдепию.

Все были взволнованы, все остро почувствовали это как удары по национальному самосознанию. Решено было немедленно обратиться ко всем Верховным Комиссарам с протестом, а к сербскому и болгарскому народам с просьбой дать русским приют в своих землях. В протесте, поданном французскому Верховному Комиссару, Парламентский Комитет заявлял: «Мы не можем оставаться спокойными зрителями, когда на наших глазах из нашей среды вырывается несколько тысяч человек, чтобы бросить их в руки наших злейших врагов. Вы утверждаете, что отправляются те, кто добровольно выразил желание возвратиться в Россию. Но о каком же добровольном согласии может идти речь, когда людям предложили на выбор умереть с голода на пустынном острове или садиться на пароход, когда их принуждали

к немедленному решению вооруженные команды, и на лагерь были наведены орудия и пулеметы с военных судов. Мы заявляем, что казаки, отправляемые в Одесский порт, обречены на голод, на холод, на мсть со стороны большевиков или, что для нас ужаснее всего, на принудительное поступление в ряды красной армии».

Правительство Франции не сразу сдало свои позиции; однако, оно не решилось прибегнуть к крайним мерам и ограничилось попыткой дискредитировать генерала Врангеля в глазах общества и русских воинских частей в лагерях. В официальном сообщении происшедшие события были тенденциозно обрисованы, а принимаемые меры, побуждавшие русских ехать в Бразилию и Совдепию, объяснялись не более и не менее как чувствами гуманности!

У нас открыто глумились над таким объяснением и такой французской гуманностью. Мы возлагали наши надежды именно на генерала Врангеля, зная, что он позаботится об устройстве армии. То, что произошло на Лемносе, не могло посметь повториться в Галлиполи, и это французские власти отлично знали. У нас было оружие и у нас был ген. Кутепов. Мы терпеливо ждали решения нашего командования и дождались августа 1921 г.

Обращение генерала Врангеля и русской национальной общественности к братским славянским народам Сербии и Болгарии принесло плоды. Добровольцы и казаки, пройдя тяжелые испытания как в период Белой Борьбы, так и в Галлиполи, показали высокое проявление человеческого духа, стойкости и верности идее. Будущий король Югославии, престолонаследник Александр и царь болгарский Борис посчитали за долг принять к себе этих русских людей, которые, нет сомнения, проявят свои положительные качества и станут творческой и производительной силой в их странах.

Пехотная дивизия была принята в Болгарию и растворилась на различных гражданских работах. Туда же попала и часть казаков. Кавалерийская дивизия была перевезена через греческий порт Салоники и поездами в Югославию, а также и часть казачьих частей.

Нашей коннице престолонаследник Александр, благородный и преданный друг Императорской России, поручил и доверил охрану всех границ нового Королевства Сербов, Хорватов и Словенцев в течение 1921-1922 года. Это доверие благородного Монарха конница выполнила с честью. На долю Конной артиллерии выпала охрана границы с Албанией. Граница самая тяжелая в смысле

культурных удобств и природных, диких условий; почти безводное, с козьими тропами Плато Проклятья было уделом нашей 4-й и соседней 3-й батарее. Враги черногорцев, албанские «комиты» — отличные стрелки — стали также нашей заботой. Эта служба была лишь отголоском Белой Борьбы и благодарностью за гостеприимство.

С отъездом из Галлиполи закрылась еще одна страница Белого Движения. Начался новый период — период идейной борьбы за спасение нашей угнетаемой Родины. Приказом Главнокомандующего, генерала Врангеля, от 22 ноября 1921 года было образовано Общество Галлиполийцев. В приказе сказано: «Вы целый год несли крест. Теперь, в память галлиполийского сидения, этот крест вы носите на своей груди. Объедините же вокруг этого креста русских людей. Держите высоко русское имя и никому не давайте русского знамени в обиду».

Возможно, что когда-нибудь, в далеком будущем, забрезжит день славы для наших полузабытых скромных Белых Вождей, офицеров и тысяч русских юношей, принесших свою жизнь в жертву за свободную Россию. Но нас, теперь уже последних, малых числом, Галлиполийцев, тогда не будет на свете.

На очередной ноябрьской встрече членов Общества Галлиполийцев 21 ноября 1984 года было прочтено письмо из России. Это письмо было напечатано в газете Новое Русское Слово, но, как и каждое сообщение, предано забвению. Его бы стоило сохранить в памяти и для далекого будущего.

Открытое письмо участникам Белогвардейского движения

Я не уверен, что это письмо успеет дойти. Все меньше вас остается в живых. Но я шлю его, может быть, вопреки здравому смыслу, в одной только надежде еще хоть кого-нибудь застать.

Мне 22 года, и я живу в Москве, здесь же и родился. Как и все мои сверстники, я с детства слышал, как геройская Красная армия разбила белогвардейцев и принесла народу свободу. Как и все, я этому верил. Так уж нас тут воспитывают: на героизме красных и подлости белых.

Однако последнее время странные вещи творятся на свете. В

среде моих друзей привычные ценности сдвинулись. В наших разговорах, в песнях, которые мы поем, не красные выглядят героями. Наши сердца, наше сочувствие — на стороне белых.

Красная армия отстояла свободу? Но где она? (Не армия, конечно, — она-то на месте, — а свобода.)

Те из нас, кто еще не спился, начинают крепко задумываться. Читаешь газету — все хорошо: счастье, равенство, энтузиазм, свобода. Смотришь вокруг — все иначе: пьянство, несправедливость, ложь и рабство. Конечно, далеко не все из нас готовы вслух об этом сказать, да и самим себе признаться бывает нелегко. Но где-то хотя бы подсознательно почти все думают так же.

Уже поколение наших родителей сделало героя гражданской войны, красного нач. дивизии Василия Ивановича Чапаева посмешищем, героем похабных анекдотов. Вот он, суд народа.

И наоборот, офицеры Белой армии все больше становятся для нас образцом чести и благородства. Конечно, мы очень мало про вас знаем. Книги М. Булгакова достать очень трудно. Газеты тех лет в библиотеках не выдаются. Учебники истории, несомненно, врут. Но несмотря на этот недостаток информации (или благодаря ему), в городском молодежном фольклоре сложился романтический образ белого офицера, сознающего свою обреченность, но мужественно встречающего смерть за правое дело.

Вам, вероятно, трудно представить такую картину. Восьмидесятые годы 20-го века. Тесная московская квартира. В комнате собралась молодежь. Кто-то берет гитару и негромко запекает. Остальные подтягивают. Это может быть новая подпольная песня или даже легально разрешенная песня из старого кинофильма, но осмысленная по новому...

Нас уже не хватает в шеренгах по восемь,
И героям наскучил солдатский жаргон,
И кресты вышивает последняя осень
По истертому золоту наших погон...

И каждый из нас мысленно видит себя на месте этого офицера и задумывается...

Ваши звания и имена звучат для наших ушей возвышенно и волнующе. Вот герои новой песни, одной из самых популярных сейчас на наших вечеринках:

Не падайте духом, поручик Голицын,
Корнет Оболенский, налейте вина.

Пошла мода: расписываясь, ставить в конце фамилии твердый знак или писать «ѣ».

Я решил написать это письмо вот зачем: может быть, вам на закате дней будет приятно узнать, что вы не забыты, что долгие десятилетия советской пропаганды не сумели вычеркнуть вас из народной памяти, что молодежь в России видит в вас рыцарей без страха и упрека и считает, что вы боролись не зря.

Мы — внуки красноармейцев и комиссаров (я лично — правнук командира красного полка). Оглядываясь вокруг и задумываясь, мы начинаем с ужасом осознавать, в какую пропасть большевики завели народ. Оглядываясь назад, в туманное для нас, оболганное прошлое, мы приходим к такому выводу:

Время, история и, возможно даже, большинство русского народа были на стороне коммунистов.

Правда, честь и Россия — были на вашей стороне.

Мы жалеем, что не вы победили. Мы не упрекаем вас. Вероятно, вы сделали все, что могли. Мы благодарны вам за это.

Если вы верите в Бога, помолитесь за нас.

А., декабрь 1982 г.

Ответ ветеранов

Мы прочитали ваше письмо, и оно наполнило наши старые сердца радостью. Дело ведь в том, что всю долгую жизнь на чужбине мы постоянно лихорадочно спрашивали себя — почему в Гражданскую войну нас не поддержал народ? В чем была наша вина, в чем мы ошиблись? Внутренне мы были убеждены, что были правы.

Мы сразу же распознали всю несказанную ложь коммунистической идеологии, мы знали, что ее претворение в действительность принесет нашему народу в России, а позже и всему человечеству, неслыханные страдания, унижение, рабство и смерть. Лишь с годами мы поняли, что революционный дурман и наивно-ложные оценки большевизма иностранцами были причиной того, что мы не нашли нужной поддержки.

И вот теперь пришла весть с нашей потерянной родины, и мы объаты радостью. «Открытое письмо» свидетельствует, что доблесть духа, искание правды и справедливости, несмотря на все

усилия злостной коммунистической власти, сохранились среди советской молодежи, даже в третьем поколении после революции. Основная задача коммунистов — создать из всего народа послушного раба, лишённого критического разума, — провалилась. И тот дух, который владел нами всю жизнь, по воле Небесного Провидения горит и в ваших сердцах, — лучший залог того, что период душевного одичания, в который коммунисты ввергли половину человечества, не вечен и будет преодолён вами, нашими наследниками.

Мы горячо молим Провидение сохранить то благодатное пламя и то искание истины, которые вас воодушевляют.

Участники Белого Движения.

В заключение обзора Белого Движения на Юге России можно лишь добавить, что Божья воля предназначила одним добровольцам смерть на поле брани, а другим изгнание на чужбину. Долг изгнанников помянуть своих погибших товарищей и поведать потомкам о страшных днях борьбы за Россию, борьбы, где сказался пламенный патриотизм и жертвенность добровольцев во имя Родины.

К О Н Е Ц

Октябрь 1985 г.

В.Д. Матасов,
П.-пор. Конной арт.

Социализм

Испокон веков все люди верили в загробную жизнь. Наш земной путь для всякой религии был лишь временной подготовкой для вечной жизни. Каждая религия по-своему представляла себе эту вечную жизнь, но ее бытие было несомненным фактом для каждого человека. После Реформации произошли крупные сдвиги в жизненной философии европейских народов. Английские скептики и французские просветители наносили смертельные удары прежним верованиям. Затем французская и индустриальная революции окончательно подрубили прежние патриархальные устои. Отбросив все духовные ценности человеческой жизни, наиболее активная часть населения пыталась путем разума создать на земле земной рай. Среди всех прочих утопий в этой духовной пустоте зародилась и новая религия — СОЦИАЛИЗМ. Он учил, что только материальные блага имеют абсолютную ценность. Нет ни Бога, ни загробной жизни, и все что мы имеем, все, что нас должно интересовать — это лишь наша короткая земная жизнь. В этой жизни есть только две ценности: необработанные богатства природы и человеческий труд по их обработке.

В подтверждение истинности своего учения, социализм дал свое толкование исторического развития человеческого общества. Когда стала устанавливаться оседлая жизнь народов, постепенно сформировался феодальный строй. Более сильные начали захватывать природные богатства и стали пользоваться трудом более слабых. Так появилась эксплуатация, и, неизбежно, богатые становились богаче, а бедные еще беднее. Эта концентрация капитала достигла своего полного развития вскоре после индустриальной революции, и тогда наступила вторая стадия экономического развития человечества — пришла власть капитала. Однако, скоро стало ясно насколько непрочна его власть. Ввиду усиленной прогрессивной концентрации, он должен будет сам себя погубить, и тогда настанет на земле вечное, социально справедливое царство социализма. Эта последняя стадия человеческого экономического пути не только субъективно желательна, но и объективно неизбежна. Поэтому логично ускорить этот процесс при помощи диктатуры пролетариата. При этом, вполне вероятно, погибнет большой процент антисоциальных классов, но зато для всех эксплуатируемых, в конце концов, настанет царство свободы и благополучия. Все богатства земной природы станут общей

собственностью всех людей, а плоды индивидуального труда будут принадлежать только тем, кто их производит. Такова, вкратце, привлекательная теория новой религии.

После мировых войн нарушилось экономическое равновесие во всем мире. С утратой колоний стало возможным эксплуатировать только собственный народ, и тогда взоры многих обратились к социализму, как к возможному решению всех новых экономических проблем. Хотя Восток еще не достиг стадии осуществленного капитализма и его устройство было ближе к феодализму, чем к капитализму, он сделал ставку на низшие, полуграмотные слои населения и путем диктатуры пролетариата стал разрушать старый мир. Затем, на слезах и крови наиболее предприимчивых и продуктивных граждан, он начал устанавливать социалистический порядок. Была национализирована вся частная собственность под заманчивым лозунгом «грабь награбленное», установлено плановое хозяйство и полная централизация политических и экономических секторов народной жизни. Запад был более осторожен. Социалистические партии, сохраняя рыночное хозяйство, стали сначала постепенно поправлять капитализм путем регулирования экономической жизни государства и частичной национализацией главных отраслей промышленности. Они не уничтожали более предприимчивую часть своего населения, а только ограничивали, более или менее, свободу их действий.

Прошло 70 лет со времени установления этих двух систем, и мы можем подвести итог. Рыночное хозяйство западных стран более эффективно, и сравнительно высока его производительность. Это дает более высокий стандарт жизни, меньшую инфляцию и более дешевый кредит. Неразрешенным является вопрос постоянной безработицы разной степени и полная пролетаризация слабых непродуктивных слоев населения. Однако общий высокий экономический уровень населения позволяет западным государствам выделять большие суммы для помощи более слабым. Но это, конечно, не разрешает основной проблемы, и потому в каждой западной стране борются за власть два мировоззрения: консерваторы и либералы. Консерваторы являются сторонниками поощрения личной инициативы и максимально возможной свободы рыночных взаимоотношений. Делая ставку на сильных, они понимают, что в таком случае слабые могут соскользнуть ниже уровня допустимой бедности. Обязанность государства это предотвратить путем соответствующих пособий. Либералы — обычно социалисты — из гуманитарных побуждений стараются всех уравнивать путем введения принципов социализма. То есть,

национализации промышленных предприятий, введения жесткого контроля над частным сектором и увеличения налогов более состоятельным, энергичным слоям населения. Таким путем они надеются значительно улучшить, благодаря финансовой поддержке государства, экономическое положение слабых слоев населения. Однако такая теория не оправдала себя в жизни. Чем больше, согласно социализму, экономически уравнивается население, тем сильнее падает производительность, уменьшается доход государства и частных предприятий. Поэтому, на нашем отрезке времени, большинство западных стран отходит от социализма, предпочитая курс консерватизма. Да и у социалистов не все благополучно. Недавно, отвечая на упреки, что он отходит от социализма, премьер-министр Испании — социалист — твердо ответил: «Неважно как называется наша политика, а важно как она работает».

На Востоке сначала была одна социалистическая страна — Советский Союз. Но, при железной дисциплине и строгой цензуре, многие годы ее функционирование затемняла пропаганда. Говорилось о больших достижениях, индустриальной стройке и создании нового строя, где счастливо живет и привольно дышит человек. После Второй мировой войны, отчасти при поддержке советских штыков, появились новые социалистические страны: восточные сателлиты и коммунистический Китай. Сначала они целиком восприняли социализм восточного образца, но затем оказалось, что эта система имеет крупные, только ей присущие, недостатки. И тогда каждая социалистическая страна стала вносить свои поправки в зависимости от местных условий.

Для Китайской Народной Республики главной жизненной проблемой было пропитание огромного населения. Поэтому, после первых попыток проведения в жизнь теоретического социализма, до «культурной» революции включительно, всем стала ясна необходимость глубоких реформ. В первую очередь они коснулись аграрной политики. Были уничтожены колхозы, и каждый крестьянский дом стал сам ответствен за свои доходы и убытки. Хотя государство и покупает большую часть сельско-хозяйственной продукции, но уже не по разверстке, а по двусторонним договорам, по обоюдному согласию. Помимо этого, все большая часть продуктов продается деревней непосредственно на городских базарах. Крестьян поощряют обзаводиться собственными машинами и другими подсобными средствами производства. Издан закон о наследстве, согласно которому можно передавать наследникам, как в городе так и в деревне, не только средства

личного обслуживания, но и средства производства. Другой важной реформой было введение рыночных цен. Цены на продукты питания сначала были сильно занижены, а ввиду сильной нехватки процветал черный рынок. При новой реформе продукты подорожали, но их количество заполнило рынок. Хотя сначала заработная плата отставала от роста цен, постепенно лучшая продуктивность повысила экономический уровень населения. Облегчило все эти реформы то обстоятельство, что крестьянство как класс не было уничтожено в период «культурной» революции.

Благодаря реформам растет и частный сектор в городах. Большую роль в этом играют кооперативные хозяйства. Увеличивается продуктивность и государственного сектора благодаря переходу управляемого на направляемое хозяйство из центра. Государственным предприятиям разрешается выпускать акции, и право их приобретать дается служащим, их семьям и даже жителям того же района. Широко открыты двери для участия иностранного капитала в государственных и частных предприятиях, а также для организации предприятий, принадлежащих целиком иностранному капиталу. Такие начинания особенно успешны при участии китайцев, проживающих вне Китая. Благодаря этим реформам сильно поднялся стандарт жизни и был разрешен вопрос пропитания прежде всегда голодавшей огромной сельскохозяйственной страны. Теперь все имеют чашку риса, и молодые пары уже мечтают о новых вещах: телевизорах, холодильниках, фотоаппаратах и мотоцикле. Студенты начинают требовать политических свобод и уменьшения всяких ограничений. Однако компартия крепко держит политическую власть в своих руках. Премьер-министр Чжао Цзын ясно объявил, что партия не допустит буржуазного либерализма, но борьба с буржуазной идеологией не отразится на нынешних экономических планах Китая. Таким образом, партия резко разграничила политику и экономику.

Венгерский экономический эксперимент привлекает внимание всего мира. Даже в Союзе заговорили о желательности его изучения и возможного частичного применения в советской экономике. Главной целью венгерских реформ было стремление повысить эффективность его хозяйства. Это предполагалось достигнуть путем уменьшения центрального планирования и введением капиталистических рыночных отношений при помощи таких рычагов как прибыль, цены, уровень заработной платы и налоги. Однако все эти меры не должны были противоречить, по политическим соображениям, основам теоретического социализма,

таким, как взгляд на собственность и труд. Поэтому все венгерские экономические реформы оказались попыткой создать некое «гибридное» хозяйство и потому не увенчались ожидаемым успехом. О результатах реформ можно судить по следующему примеру: 30 лет тому назад национальный доход на каждого жителя Австрии и Венгрии был почти одинаков, а в 1987 году он оказался в пять раз выше в Австрии, чем в Венгрии. Приблизительно те же трудности в своей экономике испытывает и Югославия, чья экономическая политика родственна венгерской. Ее главная слабость — сильная инфляция и очень низкий уровень производительности труда. В Западной Германии один рабочий производит в день 75 тонн угля, а в Югославии только 6. А между тем те же югославские рабочие на Западе производят в 10 раз больше, чем у себя на родине. Получая на Западе за свой труд настоящую валюту, а не социалистические динары, они готовы работать круглые сутки. Они арендуют в пригородах огородики и садики, трудясь там все свое свободное время. Значит охота к труду и его производительность зависят не от качеств человека, а от экономической системы. Главным тормозом в социалистическом хозяйстве являются произвольная кабинетная оценка труда и отсутствие хозяина в социалистической собственности.

Эти вопросы обсуждались в июне 1987 года на совместном заседании венгерских и югославских экономистов. Большинство из них согласилось, что нужны реформы, чтобы изменить взгляд на социалистическую собственность как на несобственность. Был приведен югославский пример, где предприятия были объявлены собственностью рабочих. Однако рабочие не почувствовали себя хозяевами, обязанными заботиться о прибыльности своего предприятия. Вместо этого они стали увеличивать свою зарплату и тем довели югославскую инфляцию до мировых рекордов. Академик Сабо сообщил, что вопрос о том, как сделать социалистическую несобственность собственностью какого-то хозяина, разбирался недавно на съезде экономистов в Варшаве. Чтобы улучшить положение в этом направлении, Венгрия с января месяца позволила основывать акционерные общества с участием иностранного капитала, а теперь рассматривается закон, позволяющий рабочим покупать акции своих предприятий. Таким путем рабочие смогут откупать свои предприятия и сильнее почувствовать себя их хозяевами. Почему государственная собственность при социализме стала ничьей собственностью, академик Максимович из Белграда объясняет тем, что экономика подчинена политической идеологии и тем экономика перенесена в сферу

политики. Поскольку государственная собственность принадлежит всем, то и собственность на орудия производства не может быть субъектом приобретения. Таким образом, несобственность создает фиктивные ценности, и неизвестно, кто их творит, а кто их тратит. Согласно Сабо, законы стоимости нужно применять и на основные средства производства, а не только на товары. Преимущество такой системы он доказывает примером Польши, где эффективность государственных предприятий падает, а у предприятий смешанной собственности растет; также был высказан взгляд, что нужно найти пути превращения несобственности в собственность через участие рабочих в прибылях. Подводя итог всем дискуссиям, Др. Хомори из Будапешта считает, что главной проблемой всех социалистических стран сейчас является — как создать у рабочих в общественной собственности чувство хозяина и установить правильную оценку индивидуального труда.

Благодаря политике «гласности» и в Советском Союзе стали открыто обсуждать все изъяны социалистической экономики. Оказалось, что уже многие годы она нуждается в значительных реформах и стоит накануне краха. В связи с этим многие видные экономисты и идеологи стали предлагать свое решение. Только бывший главный идеолог брежневского периода, член Политбюро, Егор Лигачев твердо заявил, что партия никогда не согласится на введение рыночной экономики и не свернет с ленинского пути. А новая звезда, идеолог «гласности и демократизации» Александр Яковлев, в обширном докладе в президиуме Академии Наук, критически отнесся ко всем брежневским установкам. Он особенно подчеркнул, что нельзя перекладывать современные проблемы на плечи классиков, Ленина и Маркса — в их время не было наших проблем. Он отбрасывает идею всякого единообразия: неверно, что в экономике должна быть только одна общегосударственная собственность; неверно, что в социальной сфере необходимо стирание всех и всяческих различий, а в политической необходима неизменность политических структур. Прежде отрицали все, что ограничивало всевластие административных методов руководства: колхозно-кооперативную собственность, личное подсобное и приусадебное хозяйство, индивидуально-трудовую деятельность, товарное производство, товарно-денежные отношения, рынок, паритет централизации и самостоятельности. Все эти понятия в соответствии с новыми идеологическими нормами должны быть реабилитированы. Если семейный подряд обеспечивает двойную или тройную производительность, то как можно считать его исторически отжившей формой? Если индивидуально-трудовая

деятельность может принести пользу, то почему надо сооружать идеологические и практические препятствия на пути ее развития? Понимая, что по всем экономическим показателям СССР сильно отстает от западных стран, Яковлев предлагает советской пропаганде делать упор на социальную сферу.

Другую точку зрения высказывает экономист Л. Попкова. Она считает, что нельзя сидеть на двух стульях, создавая некое «гибридное» хозяйство. В стране может быть или плановое хозяйство, или рынок. В экономике не может быть третьего пути. Поэтому нужно выбрать рыночное хозяйство с его плюсами (эффективность) и минусами (огромное неравенство доходов, безработица) или плановое обобщественное хозяйство — тоже со всеми его плюсами (уверенность человека в завтрашнем дне) и минусами (дефициты, бесхозяйственность). На примерах, существующих в мире капиталистических и социалистических стран она доказывает, что где меньше социализма, там «пышнее пироги». Поэтому выбор нужно сделать по соображениям социальной справедливости, а не по экономическим показателям. Особенно сильная статья, доказывающая идеологическую и экономическую несостоятельность всей политики в после-ленинский период, была написана академиком Николаем Шмелевым. Он считает, что НЭП не был временным отклонением от социализма, а единственно верным путем его постепенного построения. Резкий переход от хозрасчетного социализма к централизованному плановому хозяйству и привел нас к полному провалу сегодняшней экономики. Коллективизация разрушила сельское хозяйство, а промышленность стала получать плановые задания с «потолка», и не случайно основные из них не были выполнены ни в одну из предвоенных пятилеток. Настойчивые попытки переломить объективные законы экономической жизни, подавить складывавшиеся веками стимулы к труду, привели, в конечном счете, к полному развалу хозяйственной жизни страны. Единственным решением всех современных трудностей советской экономики он видит в возвращении к рыночному хозяйству и восстановлении кооперативной собственности. Сегодня, по его мнению, мы имеем не поддающуюся планированию экономику, которая все еще не принимает научно-технический прогресс. Наша промышленность отвергает до 80 процентов новых апробированных технических решений и изобретений. У нас самая низкая, среди индустриальных стран, производительность труда, в особенности в сельском хозяйстве и строительстве, ибо за годы застоя массы трудящегося населения дошли почти до полной незаинтересованности в полнокровном и добросовестном труде.

Генеральный Секретарь Горбачев внимательно прислушивается к этой гласности и пробует провести реформы, которые не слишком явно противоречат основным тезисам социализма. У него трудная задача, так как общая собственность стала ничьей, а уравнивание ценности индивидуального труда привело к обесценинию всякого труда. Даже эксплуатация, главный козырь советской пропаганды, вновь возродилась в новой форме коррупции и взятки. По существу они являются новой прибавочной стоимостью всех услуг, подобно той, при помощи которой, согласно социализму, наживается капитал. Чтобы добиться улучшения производительности сельского и промышленного труда, Горбачеву придется постепенно отбросить все теоретические установки социализма. И только тогда он добьется полного успеха, когда социализм исчезнет даже из названия нашей страны.

Сергей Третьяков.

Дороги к истинной вере

*Доклад, прочитанный в Монреале
на прославлении 1000-летия Крещения Руси
Н. В. Козьякиным*

Прежде чем приступить к докладу я хочу поблагодарить Его Высокопреосвященство Владыку Виталия и председателю комитета по устройству сегодняшнего торжественного акта Петра Павловича Пагануцци за оказанную мне честь приглашением выступить на этом торжестве с докладом. Обычно докладчики, выступающие на этих торжествах, говорят о событиях как непосредственно предшествовавших Крещению Руси, так и о последовавшем влиянии его на развитие христианского Российского государства. Однако, выступавший передо мною протопресвитер отец Александр (Киселев) в своем слове призвал нас в эти дни вспомнить события более давние, изменившие лицо всего мира и ставшие началом, без которого не было бы и Крещения Руси.

Это, я думаю, был правильный призыв. Начинать надо всегда с начала. Тогда только строится правильная перспектива, объясняющая логическое развитие последующей истории. Начало произошло 2000 лет тому назад, когда Христос принес на землю евангельское слово любви и милосердия, о чем и говорил нам отец Александр.

Следуя этому призыву, я попытаюсь своим докладом воскресить в нашей памяти и этим восстановить недостающее звено в исторической цепи развивавшихся событий между началом христианской эры на земле и началом христианской государственности у славян в конце первого тысячелетия. История и христианизация разрозненных славянских племен, населявших великую средне-русскую равнину, не имевшую естественных рубежей, началась задолго до официального Крещения Киевской Руси в 988 году. Еще на заре первого века славяне воспринимали Слово Божие и проповедовали Благоую Весть вместе с греками в районе Танаиса (Дона), побережья Черного моря и дальше на север по Днепру, охватывая осевших там славян.

Правы ли историки, когда говорят, что князь Владимир избрал религию на основании краткосрочных наблюдений и поверхностных заключений своих ходоков, побывавших в странах, исповедовавших иудейскую, магометанскую и христианскую религии? Процесс христианизации славян следовало бы проследить с его истоков, а не с факта Крещения Руси, завершившего этот процесс, игнорируя культурное и духовное развитие славянских племен в течение первого тысячелетия и предоставляя суду истории великого государственного деятеля князя Владимира, мудростью своей определившего эпоху и стремившегося приобщить свой народ к духовному свету евангельской истины, как середнячка, ищущего блески внешней обрядности и радеющего за сохранение разгульной свободы, «ибо Руси есть веселие пити». Разве не звучит эта фраза скорее как смешливая шутка веселого книжника, чем как припятствие к принятию ислама, находившегося тогда в процессе своего развития, но не имевшего прямых контактов со славянскими племенами. Спорадические и торговые контакты с людьми, исповедовавшими ислам, вряд ли способствовали развитию у славян интереса к этой религии.

Неубедительно звучат и контакты по религиозным вопросам и с хазарами, исповедовавшими иудейскую религию. С теми хазарами, которые разоряли и грабили славянские земли. Их обычаи и религия вряд ли могли показаться привлекательными

для добровольного их принятия славянами, страдавшими от хазарских разрушительных набегов. Да и вопрос богоизбранничества иудейского народа поставил бы прозелитов в двусмысленное положение подчиненных своим духовным учителям или, как теперь принято говорить, в граждан второго сорта. Вызывает также большое удивление, почему большинство учебников истории, в особенности тех, которые лежали на партах учившихся в средне-учебных заведениях, ни словом не касаются описания хотя бы основных положений языческого мировоззрения наших предков. А ведь даже беглый взгляд на славянскую языческую мифологию, еще так мало научно раскрытую, объясняет нам причины, способствовавшие относительно легкому переходу славян от язычества к христианству. К сожалению, сейчас не время и не место для подробного изложения всех теорий славянской мифологии, которая по моему мнению представляет не меньший интерес для определения культурного уровня народа, чем греческая или римская, так подробно нам преподанные в тех же средне-учебных школах. Для подтверждения своей мысли все же остановлюсь на основных положениях некоторых ее толкований.

Языческое мировоззрение славян, вероятно единственное из всех других языческих религий, основывалось на единобожии, признавая бога Сварога высшим божеством. Бог назывался также Триглав, так как считали его триединым. Сварог и порождения его Светозар и Световид (Сварожичи). Все остальные боги и божки имели только подсобное и ограниченное значение и подчинялись единой силе. Кроме светлых богов добра, славяне верили также в существование Чернобога, бога мрака и зла. Весь мир в их представлении был представлен тремя основными понятиями: Явь — видимый и реальный мир, Навь — мир нематериальный, потусторонний, и Правь — это закон Сварога, управлявшего мирозданием. Покидая Явь, душа переходила в Навь и после странствования достигала Ирия-Рая, где пребывал Сварог, Сварожичи и предки. Интересно отметить, что идолы появились у русов только в X веке, вероятно под влиянием западного язычества. Русы не строили храмов, т.к. храмом считался весь природный мир. В жертву или вернее как привет богам приносили плоды, цветы, молоко, и в каких-то особых случаях ягненка (может быть, задобрить Чернобога).

Как видим, языческая религия русов в основных положениях имела сходство с христианством. Это, вероятно, и определяет закономерный и свободно осуществившийся переход славян в христианство, так легко понятное и отвечающее незлобивой

славянской душе, в то время как другие религии остались чуждыми из-за своего, выражаясь современной терминологией, узкого шовинизма и непримиримости.

История нашей страны не началась в 988 году. Еще в X веке до Р.Х. славянские племена имели государственные образования: карпены на Днестре, словене на Волхове, сарматы-роксоланы на Дону и Кубани, тавры в Крыму, кимры по северному берегу Черного моря с центром в Боспоре Кимерийском (нынешняя Керчь), поляне — там где потом возникла Киевская Русь. Много других племен ушли дальше на запад.

Хотя свет христианства и озарил страну, населенную славянами, задолго до крещения Руси князем Владимиром, мало данных сохранила нам история о жизни славян в первое тысячелетие христианской эры. Старые летописи вероятно были утеряны или врагами умышленно уничтожены. Однако раскопки, произведенные незадолго до Второй мировой войны и вскоре после нее, также как и труды поздних исследователей и найденные «Власовы дощечки» языческой летописи приоткрывают нам завесу, нависшую над нашей древней историей.

По преданию, апостол Андрей Первозванный, когда апостолы, для проповеди Слова Божия, расходились по разным землям, по жребию получил скифские земли. Скифское царство к тому времени уже не существовало. Апостол Андрей со своими шестью учениками, апостолами от семидесяти, пройдя земли, населенные роксоланами в районе Танаиса, посещает северное побережье Черного моря, Боспорское царство на восточном побережье Крыма, где греческие колонисты жили среди славян, и в Корсуни (Херсонесе) основывает церковь. Идя вверх по Днепру благословляет селение на месте будущего Киева, предсказывая ему быть святым местом. По преданию он доходит до новгородских славян, откуда направляется в Рим.

Раскопки, произведенные на месте древнего города Танаиса, обнаружили молитвенный дом человек на 60 вместимостью, построенный в I веке по Р.Х., в котором нашли штампы для изготовления просфор. Церковные общины, основанные апостолами, умножаются, охватывая новые территории, и крепнут. Уже в IV веке Император Константин Великий — христианин, — посылает в Таврию епископа Капитона. Тогда же на Первом Вселенском Соборе участвуют св. Кадм Боспорский и св. Филипп Херсонесский. Св. Иоанн Златоуст посвящает епископа Боспорского и вскоре умирает в ссылке в селе Пиунт около Сухума.

В VIII веке было написано «Корсунское Евангелие». В том же веке Лев Диакон пишет: «Император Никифор Фока послал Калокира к тавро-скифам, которых мы называем русами». Это повидимому были славяне, пришедшие в Таврию из скифских земель и смешавшиеся с полянами. В конце этого века славянский князь Бравлин отнял Крым от хазар и крестился. Это было, известное нам, первое крещение славянского князя.

В IX веке св. Кирилл находит в Херсонесе евангелие и псалтирь, написанное «роускими» письменами. В 867 году происходит первое крещение Киевской Руси князем Аскольдом при крещении названным Николаем, построившим церковь пророка Ильи на Подоле и учредившим епархию. Эта церковь была колыбелью, в которой воспитывалась княгиня российская св. Ольга. Князь Аскольд мученически погиб от руки язычника князя Олега. Христианство продолжало распространяться в Киевской Руси при князьях Игоре и Святославе.

Этот почти тысячелетний процесс христианизации славянских племен и создания основ для их общего культурного и государственного формирования был завершен при князе Владимире в 988 году крещением киевлян. В этот день из церкви пророка Ильи вышел крестный ход на речку Почайну, где киевляне приняли крещение и, по возвращении в церковь, получили свое первое причастие.

Этот беглый обзор исторических фактов, иллюстрирующих распространение христианства на Руси в первом тысячелетии после Р.Х., начавшееся с южных окраин земель, населенных славянами, и уже в IX веке уверенно достигшее Киева — центра славянского племени русов, убедительно свидетельствует, что ко времени официального крещения Руси князем Владимиром христианская религия не была ей чужда. Хотя большинство населения еще не исповедовало христианства, но оно уже было рядом с ним, оно уже было и в княжеском дворе и, вероятно, между дружинниками князя. И разве нужно было посылать ходоков в Константинополь, чтобы узнать об охватившем их религиозном восторге после посещения ими богослужения и бесед с наставниками. Ведь рядом, на подоле, уже была своя церковь, была даже и епархия. Ходоков нужно было послать только в Рим, чтобы ознакомиться с обычаями Римской патриархии, хотя еще не отделившейся от Православия, но уже имевшей свою обрядность и некоторые теологические расхождения с Константинопольской патриархией, вскоре приведшие к полному расколу и отделению Римской церкви в папство. Вероятно свет христианства на Руси в начале

тысячелетия был неуверенным, мигающим, то разгораясь, то притухая, когда варвары с востока и запада нападали на землю. Однако, после усмирения хазар, нашествия с запада варваров готов, разрушивших Танаис в 250 году, и с последующим набегом в середине IV века гуннов, свет христианства уверенно распространился и крепчал, осваивая соседние племена и расширяясь на север. Вот в таком состоянии находились земли славян, когда князь Владимир занял княжеский стол. Язычество отступало перед проповедью христианства, приобшавшего разрозненные племена к общему мышлению и развитию общей культуры. Естественным стало стремление отойти от узко-племенной замкнутости к общегосударственному устройству, обеспечивающему конец междоусобию, защиту государства от врагов внешних и выход на широкую мировую арену в культурном и торговом плане.

Заслуга князя Владимира перед последующей историей русов была велика. Он поистине был мудрым деятелем в своей эпохе. Он сознавал, что время для решительных перемен, как в укладе жизни, так и в форме государственного устройства давно созрело, что язычество теряет свое влияние и у порога стучится истинная религия, которой остается только широко открыть двери. Он понимал, что сам акт крещения киевлян не станет общенациональным историческим событием, как это случилось после крещения Аскольда, если не будет достаточно проповедников, способных противостоять языческим жрецам и побороть в умах людей привычное языческое мировоззрение. Хотя церковь была уже в Киеве, но проповедников и ученых монахов, говоривших на языке русов (церковь в большинстве обслуживалась греческим духовенством) было недостаточно, чтобы обеспечить успех проповеди. Их надо было привести с юга, из Корсуни, где были славянские книги и ученые монахи. Это была одна из причин, почему князь Владимир пошел походом на Корсунь перед принятием христианства. Подтверждает это молитва князя Владимира под стенами Корсуни, которую записал его сподвижник монах Иаков:

Господи Боже Владыко всех. Сего у Тебя прошу, дай мне град сей, да прийму и приведу люди христиане и попы на свою землю, и да научат людей закону христианскому. -

И еще раз скажу — не выбирал религии князь Владимир. Она уже бытовала в Киеве, где был в те времена не только храм, но и монастыри. Ведь в монастырь ушла отверженная князем его

языческая жена Рогнеда. Христианская религия видимо уже давно коснулась князя Владимира, если он, еще не приняв крещения, будучи язычником, молился Богу под стенами Корсуни.

Второй причиной почему князь Владимир пошел на Корсунь было желание получить в жены царевну Анну греческую, чтобы заручиться покровительством греческой Церкви и породниться с царями византийскими Василием и Константином и с императором римским Оттоном, сыном их сестры Феофаны. Это способствовало бы поднятию престижа Киевской Руси и упрочило бы первые шаги Церкви на Руси. (См. статью И.А. Автамонова «Заслуга св. князя Владимира» в № 42 нашего журнала.)

Тысяча лет прошло с тех пор, и все это время Православная Церковь была фундаментом, на котором строилось веками и поколениями то, что мы определяем понятием «Душа Нации». При подъемах и при падениях, в монголо-татарское рабство, в Смутное время, в Отечественную войну Церковь была рядом с народом не только охраняя, но и ободряя на подвиг свою паству. Это единение с народом получило отражение даже в современной советской литературе. В книге Н. Яковлева «1 августа 1914», изданной в С.С.С.Р., в описании фронтовых событий 1-й мировой войны сказано:

Случился горлицкий прорыв. То были неопишимо тяжелые дни для нашей армии... В кромешном аду безысходного отступления русская армия попятилась, но не дрогнула, управление не было утрачено. Войска безоговорочно подчинялись своим командирам... Только высокие боевые качества начальствующего персонала, личное самопожертвование и пример начальников могли заставить такие войска сражаться и жертвовать собой во имя любви к родине и славы ее. Более чем в каких-либо других войсках в данном случае можно было сказать «Каков поп, таков и приход». Впрочем, в тех жутких контратаках среди солдатских гимнастеров мелькали черные фигуры — полковые батюшки, подоткнув рясы, в грубых сапогах шли с воинами, ободряя робким простым евангельским словом и поведением. Они навсегда остались там на полях Галиции, не разлучаясь с паствой.

С первой мировой войной оборвалась историческая последовательность развития российского государства, основанного на началах христианской культуры, заложенных св. князем Владимиром. Настал октябрь 1917 года. К власти пришли марксисты-

интернационалисты, стремившиеся построить новый мир, строительство которого по их мнению требовало предварительного полного уничтожения носителей старых основ. Устроители нового строя, уничтожив физически не только интеллектуальный ведущий слой дореволюционной России, но и трудовое крестьянство, купечество, ремесленников, предпринимателей, т.е. всех тех, на ком держалась экономическая и культурная жизнь страны, быстро снизили интеллектуальный и производственный потенциал государства до рабфаковского уровня, ввергнув Россию во мрак мешанства и тупоумия, неспособного разрешить элементарные задачи управления страны. И пошла страна по дороге в никуда, пока не оказалась у рубежа полного духовного банкротства и экономического краха.

Вспоминая эпоху, предшествующую крещению Руси, невольно привлекает внимание схожесть исторических обстоятельств, требовавших практических решений, возникших тогда, в 988 году, и сотрясающих С.С.С.Р. ровно тысячу лет спустя, в наши дни.

Тогда жрецы-начетчики язычества контролировали полностью духовную и культурную жизнь киевских русов и, боясь потерять власть над ними, тормозили любое проявление прогресса. Теперь жрецы-начетчики атеизма с таким же тупым упорством и по тем же причинам держали страну в тюремных казематах, пресекая все пути ее творческого развития. Тогда и теперь чтобы выйти из тупика пришлось признать полную несостоятельность старых форм и идей и объявить о необходимости перестройки общественной жизни и экономических основ государства. Для проведения этой задачи в обоих случаях ощущались нехватка проповедников новых идей и сопротивление управленческого аппарата власти. Однако, следует признать, что сопротивляемость новшествам тогда ограничивалась только жрецами, которых с некоторой долей обобщения можно сравнить с партийным аппаратом нашего времени, а теперь всю силу сопротивления демонстрирует также и административно-бюрократический класс советского общества.

Отношение внешних сил к переменам внутри страны, производимых в обоих случаях путем «революции сверху», также имеет некоторую схожесть. В X веке, пользуясь трудными обстоятельствами, возникшими в стране, для укрепления своего влияния Византия стремилась удержать епископат на Руси в греческих руках. В XX веке Запад настойчиво рекомендует перевести управление страной на основы, выработанные западной демократией. Используя борьбу за права человека как оружие против естественного русского национализма, многие западные

экстремисты признают только тех «диссидентов» правозащитниками, которые ратуют за полное разрушение так называемой «русской империи», смещая этим положительный аспект перестройки, как стремления к освобождению от тирании, в сторону погромного антируссизма. Последствия этого отрицательного крена чрезвычайно опасны. В этом современная перестройка резко отличается от эпохи князя Владимира. Его эпоха была началом объединения славянских племен, в то время как Горбачеву приходится сталкиваться с тенденциями к расчленению государственного единства, питаемыми внешними силами. В те древние времена гласность была повседневным явлением и служила конструктивным началом в обсуждении насущных вопросов. Вспомним вече, пиры, созываемые князьями (в современной терминологии — съезды), совещания с дружиной. Все открыто и гласно. В наше время гласность — это погоня за сенсацией, густо приукрашенная развесистой клюквой с выванными из общего контекста незначительными фактами, нужными автору статьи, чтобы повернуть дышло куда ему надо, чтобы вышло. Современная гласность во всех странах это политический инструмент, а не стремление к истине. В особенности если она подперта широко трактуемым законом о свободе печати, доходящей до скользкого рубежа клеветы и измышлений. Страшно подумать, какой разрушительной силой может оказаться гласность, избравшая путь хуления, клеветы и ненависти по отношению к национальному и духовному возрождению русского народа, всех трех ветвей его, выпестованных Киевской Русью. Тревожные знаки поступают из Советского Союза. Вот выдержки из статьи Владимира Николаевича Осипова, всем известного узника-правдолюбца и редактора подпольного журнала «Вече» (взято из журнала «Наши вести», № 412):

При всей отрадности начавшихся в С.С.С.Р. перемен тревожит явный крен в одну сторону. Крен, отмеченный на апрельском пленуме правления Союза писателей. Поэт Станислав Куняев назвал имена тех, кого в нашей печати атакуют сегодня чаще всего. Это — Белов, Астафьев, Солоухин, Бондарев, Лобанов, Юрий Кузнецов, Лошиц. Их бьют за «почвенность», за уважение к земле и традициям, к исторически сложившейся нравственности народа. За то, что хотят не стереть, а развить его самобытную духовность (...)

Их ответы в свою защиту, объясняющие их позицию, — а каждый из них такие ответы писал, — нигде не были

напечатаны. Разве это демократия и гласность? Мафиозная критика на ветрах гласности ринулась чернить творчество Глазунова, кощунственно причислив его к фашистскому искусству (...)

Не дают оправдаться оболганной «Памяти». Защитникам памятников, природы и трезвости кидают дохлую кошку антисемитизма (...) И уж совсем нечестно, подобно «Вечерней Москве», причислять к «Памяти» хулителей христианства. Кому понадобилась эта ложь, это улюлюканье и моральный террор?

Однобокая гласность, разрешенная только для избранных политических направлений и мировоззрений, с серьезным креном в сторону ущемления здорового национального и духовного возрождения российского народа и способствующая разжиганию шовинистических тенденций у меньшинств, приведет к потере контроля и к повторению событий, уже происшедших на Кавказе.

Гласность в этих трудных обстоятельствах должна быть беспристрастной, конструктивной, положительной и справедливой. Гласность, также как и другие свободы должны развиваться параллельно с экономическим развитием страны. Гласность при отсутствии необходимых потребительских товаров всегда дает эмоциональный перекокс. А сейчас стране нужен разум и спокойствие. Правильно ответил один профессор в Москве, когда его спросили: «Как же вы живете теперь?» «Мы не живем, а читаем», сказал профессор.

Без учета стремлений русского народа и без его участия, или вернее сказать, с его исключением от участия в перестройке, кроме хаоса времен керенщины ничего не получится. Пожелаем же Горбачеву найти правильное решение, с кем ему надо тесно сотрудничать на трудном пути перестройки. Св. князь Владимир нашел правильный путь.

Н. В. Козякин.

Церковные дела

Реформы «перестройки», наступившей в Советском Союзе, постепенно набирают скорость. Гласность открыла широкий доступ на страницы печати, к экранам телевидения и дала даже возможность, со значительной мерой свободы, высказывать свои мысли на общественных собраниях.

Учитывая эти обстоятельства, трудно понять, по каким причинам Русская Православная Церковь в С.С.С.Р. продолжает сохранять молчаливый нейтралитет, полностью игнорируя открывшиеся возможности опротестовать существующие законы, как решетка в тюрьме ограничивающие ее деятельность. По сообщению советской печати законы эти сейчас пересматриваются, но нигде не упоминается, что в этом принимают участие клирики и верующие миряне. Повидимому Церковь в комиссиях по пересмотру представляет тов. Харчев, председатель Совета по делам религий, фактически возглавляющий церковную администрацию и, судя по его заявлениям, противник религиозной свободы. Почему до сих пор мы не слышим от высших иерархов слова правды об истинном положении Православной Церкви? Почему Церковь не требует полного отделения от государства, т.е. выхода из тюрьмы на волю, чтобы этим приобрести право самостоятельно решать свои дела, обучать, назначать и защищать клириков, открыто проповедывать Слово Божие, открывать свои школы и иметь свободный доступ к молодежи. Почему другим религиям уже дано право на самоуправление и открытие контролируемых из-за границы религиозных центров? Почему продолжает находиться в плену только Православная Церковь?

Ответ на эти вопросы вероятно многолик и чрезвычайно сложен. Однако думается нам, что молчание Церкви базируется на двух основных причинах, которые в последнее время, благодаря расширяющейся гласности, начинают выходить на поверхность из тьмы скрытой борьбы с Православием, ведомой безбожной властью. Одна из них — тщательный отбор на высшие ступени иерархической лестницы проверенных и надежных иерархов, вполне готовых сотрудничать с Советом по делам религий, с одновременным удушением деятельности священнослужителей, верно трудящихся на ниве Христовой. Выбор готовых к сотрудничеству иерархов предоставлен Харчеву, а удушение неугодных ему клириков он милостиво перенес на этих самых выбранных им

нерархов, заявляющих со всем цинизмом, что религия в С.С.С.Р. не преследуется. А вот Павел Проценко, консультант по религиозным вопросам московской группы Международного Общества Прав Человека, сообщает следующее о событиях, происходящих в возвращенной Церкви Киево-Печерской Лавре:

«В нашей церковной жизни создалось трагическое положение. Народ, отстаивавший и отстаивающий свои святыни, не имеет голоса; не имеют голоса и те священнослужители, которые много потрудились, пострадали за святую веру, которых знает и уважает народ. В лучшем случае они тихо делают дело, но как часто и сейчас они стеснены насилием, изгоняемы с мест служения, как бы забытые теми, чья обязанность — претягивать лучшие силы на служение Богу.

Одно из писем об открытии Лавры подписали бывшие ее насельники. Где они сейчас? Почти никого из них нет в возрождаемом монастыре (...) Важнейший вопрос об игумене древнейшего нашего монастыря решали без совета с опытным монашеством и духовенством, не говоря уже о народе. Получается, что есть верующее стадо, есть еще и доверенные его пастыри, но они как бы отсечены от управления кораблем церковным».

Не так давно было объявлено о допуске в С.С.С.Р. церковных книг из заграницы. Но почему заведующий издательским отделом Патриархии митрополит Пителир договорился с Ватиканом о поставке Библий на русском языке? Не рассчитано ли это на дальнейший прицел борьбы с Православием в надежде создать новое поколение клириков, оторванных от него и согласных с текстуальными изменениями, принятыми католиками по причинам только им одним известным. Не переносит ли молчание церковных деятелей в С.С.С.Р. задачу защиты Православия на русском зарубежье? Оно должно от сомнений перейти к прямому действию и, воспользовавшись снятыми барьерами, участвовать в изданиях и распространении в С.С.С.Р. нужных церковных книг и сообщать верующим в С.С.С.Р. правильную информацию об истинном положении Русской Православной Церкви.

Передача нескольких церквей и частично монастырей Патриархии в С.С.С.Р. вероятно служит дымовой завесой, прикрывающей очередной удар по Православию, намеченный представителем безбожной власти Харчевым.

Мы печатаем ниже статью Е.П. епископа Григория, подробно объясняющую новую скрытую атаку на Православие.

Н. В. К.

Пора трубить тревогу

Когда при Сталине коммунисты опасались в России влияния Запада, они, преследуя цели своей пропаганды, начали вести особую религиозную политику. Вместо намеченного скорого и полного уничтожения религии Сталин решил показать себя покровителем Церкви, хотя к сороковым годам на свободе почти не оказалось ни епископов, ни даже священников.

Политическая и военная нужда заставила Сталина повернуть руль на 180 градусов и предстать перед Западом не как гонитель, а как «покровитель» Православной Церкви. Однако восстановления патриаршества и торжественного возведения на престол патриарха Сергия оказалось недостаточно, чтобы затушевать впечатление от предшествовавших жестоких гонений. Соборы, начиная с 1945 г., стали изобиловать почетными гостями — представителями разных других Православных Церквей.

Особенно выделяется в этом отношении очень интересный Московский Собор, имевший место в 1948 г. Главным мотивом его оказалось обличение экуменической ереси и деятельности Всемирного Совета Церквей. Теперь об этом Соборе и читанных там замечательных докладах совсем не вспоминают, хотя в свое время деяния его и были опубликованы Московской Патриархией.

Прошло только сорок лет, и в области экуменизма все переменялось в мире христианских религий, повернувшись на 180 градусов. Московская Патриархия по указке КГБ в 1961 г. вошла во Всемирный совет Церквей, и теперь ее епископы участвуют не только в совместных конференциях, но и в совместных молитвах с мусульманами, иудаистами и язычниками (молитвенное собрание во главе с римским папой в Ассизи). В течение немногих лет произошло много перемен у всех: католики становятся почти протестантами и сговорились с иудаистами о сотрудничестве в приготовлении мира к принятию ожидаемого ими «мессии», а Московская Патриархия, вопреки определению Собора 1948 г., усердствует в экуменизме, который тогда так основательно осуждала!

В 1988 г. Горбачевым объявлена в СССР перемена политики в

отношении Православной Церкви. Ей разрешено было принять новый устав, который несколько лучше предыдущих. Но тут же нам стало известно из газет, что руководящий церковными делами кагебист Харчев на встрече с представителями Высшей партийной школы, состоявшейся в марте 1988 г., говоря о неожиданном для партии возрождении веры в народе и о перемене политики в отношении религии, успокаивая своих слушателей утверждал, что партия несколько не отказалась от борьбы с религией, а только меняет свои методы.

«Перед нами, — сказал он, — встает новая задача: воспитание нового типа священника. Подбор и постановка священника — дело партии».

Как партия занималась этим до сих пор? Вербуя агентов, поддерживая тех, кто представлялся ей для такой работы более подходящим, и препятствуя продвижению «слишком верующих».

Практика показала, что несмотря на такие меры, в клир все же проникал верующий и преданный Церкви элемент. Теперь мы видим, что партия для исполнения этой сложной задачи нашла и другого, более опытного союзника, чем Московская Патриархия. Об этом 14 декабря 1988 г. сообщила газета «Нью-Йорк Таймс». Случилось это так: перед Патриархией в связи с празднованием 1000-летия Крещения Руси стояла проблема Ватикана, который, с одной стороны, опасался повредить делу борьбы за сохранение униатства в Галиции, а с другой — очень искал сближения с Московской Патриархией. Ватикан отправил на празднование отборную делегацию из десяти видных кардиналов и нескольких епископов, которые, помимо участия в торжествах, не сидели в Москве сложа руки. Зная не хуже нас, кто там действительно является начальником по религиозным делам, они понимали также, что цель у этого начальства в отношении Православной Церкви — через новый состав духовенства подчинить окончательно Русскую Церковь своему влиянию. Вот они и предложили свое сотрудничество для **перевоспитания** будущего русского духовенства.

В ходе переговоров в Ватикане за короткое время побывали: председатель Комиссии по переработке семинарской программы архиепископ Дмитровский Александр, а затем заведующий издательским отделом Московской Патриархии митрополит Питирим Волоколамский, который договаривался с Ватиканом о поставке в СССР Библий зарубежного издания. Напомним, что в конце 50-х годов Ватикан выпустил Библию на русском языке с

католическими «научными» толкованиями. Не она ли будет теперь импортироваться русским людям, жаждущим православной духовной пищи?

Участие католиков в основной переработке семинарского курса дает Ватикану возможность при полном сотрудничестве с Московской Патриархией влиять на обучение и воспитание священников Русской Церкви, предоставляя католикам неограниченные возможности для их пропаганды в России. Для них, как и для КГБ, главное — оторвать студентов от основных начал Православия. Отсюда и перед нами встает задача защищать Православие от этого нового наступления, ведущегося при предательском содействии Московской Патриархии.

Спрашивается, как? Прежде всего, путем возможно широкой огласки сути этого наступления. Затем, мы должны делать все возможное для снабжения наших братьев в России соответствующей подлинно православной литературой. Об этой нужде я делал доклад на последнем Соборе. Доклад был принят сочувственно. Теперь нужна срочная общественная работа в этом направлении, прежде всего путем образования фонда для покрытия расходов по печатанию литературы, во многих случаях путем повторения прежних, разошедшихся уже изданий. Теперь это легче, ибо в СССР можно посылать книги и по почте. Теперь больше людей бывает в СССР, и они могут отвозить туда книги, отправляя их там по данным им адресам. Можно составить книжный фонд, ибо почти у каждого православного найдется какая-то книга духовного содержания, которую он мог бы дать для отправки.

В России немало православных энтузиастов, но у них не хватает литературы. Каждый из нас должен подумать, чем и как он может помочь. Приведу примеры: во время Собора из вестей с родины выяснилось, что есть нужда в одной моей книжке, уже разошедшейся. Я спросил владыку Лавра, сколько нужно для ее переиздания. Сумму, им указанную, я собрал среди своих друзей и уже передал в типографию Св.-Троицкого монастыря.

Уже составлен список книг, которые особенно нужны. Для переиздания их и организации отправления, очевидно, надо будет образовать специальный фонд. Подобная работа уже ранее велась такими организациями, как «Православное дело». Теперь же могут открыться разные новые возможности, которыми мы должны воспользоваться.

Будем же помнить старую русскую пословицу: «Под лежачий камень вода не течет».

Солоухин объясняет

От редакции:

В конце прошлого года в Советском Союзе было создано общество «Мемориал» с основной целью увековечить память жертв сталинского террора. Известный русский писатель Вл. Солоухин не подписался под письмом, которое общество «Мемориал» собиралось послать по этому поводу ЦК партии. В этом году в зарубежной печати появились клеветнические домыслы о причинах, вызвавших отказ писателя. Для установления истинных причин его отказа мы приводим ниже письмо Вл. Солоухина, помещенное в журнале «Наш современник» № 12 за декабрь 1988 года, исчерпывающе отвечающее на все наветы.

Согласны с автором, что отделять период ленинского террора от сталинского недопустимо, так как второй вытекает из первого, деятели которого должны также нести полную чашу ответственности перед народом.

«Почему я не подписался под тем письмом»

Некоторое время тому назад я получил письмо от инициативной группы добровольного общества «Мемориал». Целью общества провозглашалось увековечение памяти жертв **незаконных и необоснованных репрессий** середины тридцатых годов. Мне предлагали поставить свою подпись под соответствующим письмом в ЦК КПСС. Сообщалось при этом, что многие подписи уже собраны. Я этого письма **НЕ ПОДПИСАЛ**, и это выглядит, можно сказать, чудовищно, поэтому я решил теперь объяснить и обосновать свою позицию, хотя бы для самого себя.

Тогда, отказываясь от подписи, я задал представителям инициативной группы **ОДИН-ЕДИНСТВЕННЫЙ** вопрос, на который не получил ответа. Я спросил: **«НАЧИНАЯ С КАКОГО ГОДА РЕПРЕССИИ НУЖНО СЧИТАТЬ НЕЗАКОННЫМИ И НЕОБОСНОВАННЫМИ, А ДО КАКОГО ГОДА ИХ МОЖНО СЧИТАТЬ И ЗАКОННЫМИ, И ОБОСНОВАННЫМИ?»**

Впрочем, словечко «незаконные» вскоре как-то незаметно ушло из обихода. Оставалось только слово «необоснованные». А потом выпало и это слово. Так, в информации об избрании

общественного совета, который будет руководить созданием и работой «Мемориала», говорится уже предельно кратко: «Мемориал жертвам сталинских репрессий», без дополнительных уточнений и эпитетов.

В совет вошли известные писатели, историки, общественные деятели.... Прочитав эту информацию в газете «Московские новости», несмотря на авторитетный, и в некотором роде уникальный, состав совета, я ощутил в себе некий внутренний протест.

Представьте себе инициативную группу, которая ратовала бы за памятникам жертвам Великой Отечественной войны, павшим в 1944 г. Допустим, что у инициаторов в этот год погибли близкие родственники и вот они ратуют за памятник жертвам войны 1944 года.

— Позвольте, — спросит любой здравомыслящий человек, — а как же 1943 год? 1942? Наконец, 1941? Павшие в эти годы, значит, не подлежат увековечению? Или, может быть, павших в эти годы не было?

Да, заглядывать в двадцатые годы, равно как в 1918 и 1919 годы, **страшно и трудно**. Трудно еще и потому, что от сталинских репрессий остались хоть какие-нибудь следы в виде протоколов допросов, пусть фальсифицированных и вымученных, в виде стенограмм судебных процессов, пусть сфабрикованных, зафиксированных на бумаге приговоров, то от предыдущих лет и десятилетий **НЕ ОСТАЛОСЬ** ни документов, ни имен, ни списков, ни даже хотя количества истребленных людей. Путем математических, демографических вычислений приходят к цифре в 15-17 миллионов (без коллективизации и голода 1933 г.), но, увы, подтвердить эти цифры теперь никак не возможно. (Кстати сказать, а почему в эти дни гласности не объявить людям, сколько же человек в конце-то концов было расстреляно в насквозь продокументированном 1937 году?)

Документации нет, архивов нет. От 20-х годов остались только куцые разрозненные свидетельства, которые можно выловить из литературных источников. Писать об этом было нельзя, говорить об этом было нельзя, но все же «этого» было так много, что кое-что чудом осталось. Это «кое-что» хоть и не может служить юридическим документом, но человеческим документом служить может.

Например, широко известен эпизод ссоры поэта Осипа

Мандельштама с крупным чекистом Блюмкиным. Он описан во многих мемуарах, в том числе (правда, в смягченном виде) и в воспоминаниях Надежды Як. Мандельштам, к которым мы еще будем обращаться.

Во время какой-то пирушки Блюмкин и Мандельштам оказались в одной компании. Сильно подвыпивший Блюмкин начал хвастаться: «Интеллигенция? Культура? Вот она где вся ваша интеллигенция!» С этими словами он достал из кармана пачку ордеров на расстрел, заранее подписанным высшим начальством, но еще без фамилий, из другого кармана достал список людей, сидевших на Лубянке, и начал на глазах у всех ордера заполнять. Поэт не выдержал этого зрелища, бросился к Блюмкину, на чекиста, выхватил ордера у него из рук, скомкал или даже порвал.... В воспоминаниях Н. Я. Мандельштам читаем: «Смешно подходить к нашей эпохе с точки зрения римского права или наполеоновского кодекса и тому подобных установлений правовой мысли... Людей снимали пластинами, по категориям (возраст тоже принимался во внимание). Церковники, мистики, ученые идеалисты, мыслители, люди, обладавшие правовыми государственными и экономическими идеями... Люди искореняющей профессии придумали поговорку: „Был бы человек — дело найдется“. Впервые мы ее услышали в Ялте (1928 г.) от Фурманова, брата писателя. Бывший чекист, через жену еще связанный с этим учреждением, он кое-что в этом понимал». Надежда Яковлевна перечислила не все пласты. Гимназисты и гимназистки, а тем более преподаватели и директора гимназий, земцы и землемеры, купечество и дворянство, управляющие домами, банками, железными дорогами, адвокаты и профессора университетов, капитаны речных пароходов и владельцы трактиров, интеллигенция вообще, верхний слой общества вообще...

Надежда Яковлевна продолжает свои рассуждения.... «Нас науськивали, как собак, на людей, и свора с бессмысленным визгом лизала руки охотнику. Антропофагская психика распространялась как зараза (антропофагия — людоедство, каннибализм, — В. С.). В Киеве, в мастерской Экстер какой-то заезжий гость, не то Рашаль, не то Черняк, прочел частушки Маяковского о том, как топят в Мойке офицеров. Бодрые стишки подействовали, и я рассмеялась».

«Многие до сих пор спрашивают меня, почему О. М. бросился на Блюмкина, когда расстреливали направо и налево».

«Мы сошлись с О. М. первого мая 1919 года, и он рассказал

мне, что на убийство Урицкого большевики ответили „гекатомбой трупов”. Мы расстались 1 мая 1938 года, когда его увели, подталкивая в спину, два солдата.

Поясним для тех, кто забыл, что гекатомба — это греческие жертвоприношения сразу из ста быков. В переносном смысле — гекатомба — это огромные жертвы войны, террора. Ну а попросту — бойня.

Так что же, убийство этих десятков тысяч было делом законным и обоснованным? Из случайного совпадения дат — 1 мая 1919 года и 1 мая 1938 года — Надежда Яковлевна сделала трезвый и объективный вывод: разве думали мы, отменяя в России всякую законность, что через 20 лет это обернется против нас самих?

Надежда Яковлевна продолжает свидетельствовать из Киева: «Мы увидели в окно телегу, полную раздетых трупов. Они были небрежно покрыты рогожей, и со всех сторон торчали части мертвых тел. Чека помещалась в нашем районе, и трупы через центр вывозились, вероятно, за город. Мне сказали, что там был сделан желоб, чтобы стекала кровь — техника еще была наивной» (Н. Мандельштам, «Вторая книга», стр. 26).

Перекинемся из Киева в Одессу и прочитаем ни больше ни меньше как свидетельство Ивана Алексеевича Бунина. «Кстати об одесской чрезвычайке. Там теперь новая манера пристреливать — над клозетной чашкой» (Ив. Бунин, «Окаянные дни», стр. 94). Значит унитаз вместо желоба. Удобнее и гигиеничнее. Выстрел. Подержали голову над чашкой клозета, спустили воду. Следующий. И что же, это все в рамках законности и обоснованности? После Бунина берем в свидетели замечательного и прославленного писателя, гуманиста и демократа, Владимира Галактионовича Короленко.... В эти годы он оказался в своей родной Полтаве вблизи Миргорода, Сорочинцев, вблизи Диканьки. Что может быть мирнее, идилличнее этих мест?

В 1920 году к Короленко приезжает Луначарский. Скорее всего узнать, прощупать, чем дышит и славный и популярный писатель, страдалец за правду народную. Чтобы узнать об этом подробнее и документированно, Луначарский уговорил Короленко писать ему письма с твердым обещанием эти письма опубликовать. О Короленко он потом выразился так: «Эти „праведники” в ужасе от того, что наши руки обагрены кровью». Ни одно письмо опубликовано не было. Вместо этого к Короленко приехала из

Москвы группа врачей «лечить простуду», и в 1921 году Владимира Галактионовича не стало.

Но письма его не пропали. Они были изданы в 1922 году в Париже, и эта книжца есть в Ленинской библиотеке, в «спехране». Выпишем оттуда несколько отрывков.

«Кошмарный эпизод с расстрелами во время нашего приезда как будто лег между нами такой преградой, что я не могу говорить ни о чем».

«Однажды один из членов Всеукраинской ЧК, встретив меня в Полтавской Чрезвычайной Комиссии, куда я часто приходил с разными ходатайствами, спросил меня о впечатлениях. Я ответил: если бы при царской власти окружные жандармские управления получили право.... казнить смертью, то это было бы то же самое, что мы видим теперь.

На это мой собеседник ответил: „Но ведь это же для блага народа”».

«На улице чекисты расстреляли нескольких так наз. „контрреволюционеров”. Темной ночью их вели на кладбище, где тогда ставили расстреливаемых над открытой могилой и расстреливали в затылок без дальнейших церемоний. Может быть, они действительно пытались бежать (не мудрено), и их пристрелили тут же на улице.... Как бы то ни было, народ, съезжавшийся утром на базар, видел еще лужи крови, которую лизали собаки....»

«Мне горько думать, что и вы, Анатолий Васильевич, вместо призыва к отрезвлению, напоминания о справедливости, бережного отношения к человеческой жизни, которая стала теперь так дешева, в своей речи высказали солидарность с этими „административными расстрелами”.... Бессудные расстрелы происходят у нас десятками».

Еще один литературный источник — замечательная повесть Валентина Катаева «Уже написан Вертер». Повествование ведется от первого лица. Героя повести, одесского юношу, схватила ЧК. Его ведут на допрос. (Скажем, забегая вперед, что и его должны были расстрелять, но в последний момент заставили отойти в сторону. За него успела похлопотать перед крупным чекистом мать, и он остался жив. Он остался свидетелем. А если бы хлопнули со всеми, не было бы свидетеля, как это и получалось во всех остальных случаях. Кстати, не было бы у нас и писателя Вал. Катаева.)

Итак, его ведут на допрос. «Послышались шаги. На площадку

шестого этажа вышла девушка в гимназическом платье, но без передника, красавица. Породистый подбородок дерзко вздернут и побелел от молчаливого презрения, шея оголена. Обычный кружевной воротничок и кружевные оборочки на рукавах отсутствуют.... Сзади комиссар с наганом, копия его комиссара. В обоих нечто троцкое, чернокожаное.... Один вел свою с допроса вниз, другой своего на допрос вверх.... Ее щеки горели. Точеный носик посветлел, как слоновая кость. Знаменитая Венгржановская. Самая красивая гимназистка в городе. Именно с ней он когда-то танцевал хиавату.... Она была участницей польско-английского заговора. Они решили поднять восстание, захватить город и, перебив комиссаров и коммунистов, передать его великой Польше „от моря и до моря”...

Теперь их всех, конечно, уничтожат. Может быть, даже сегодня ночью вместе с ним. Наберется человек двадцать, и хватит для одного списка.... работы на час.

Говорят, что при этом не отделяют мужчин от женщин. По списку. Но перед этим они все должны раздеться донага. Как родился, так и уйдет. Неужели Венгржановская тоже разденется на глазах у всех?

....Следователь оставался в тени. Молодое неразборчивое лицо. Юноша, носатый. Лошадиные глаза. На громадном письменном столе возле локтя «кольт», источающий запах смазки. Шикарный кабинет с кожаной мебелью.... Но еще страшнее было полотнище кумача с лозунгом «Смерть контрреволюции!».... На стене под знаменем висел знакомый портрет: пенсне без оправы, винтики невидящих глаз, обещающих смерть, и только смерть....

....В коридор полуподвала ворвался топот многих ног. Одна за другой открываются двери камер. Приближается голос — по списку. — Прокудин, фон Дитерихс, Сикорский, Николаев, Ралли, Венгржановская, Омельченко. — Пронесет или не пронесет. Не пронесло. Щелкнул замок. В щели полуоткрывшейся двери тускло блеснула кожаная куртка. Наплечные ремни. Кубанка. Ручной электрический фонарик. Зайчик света побежал по листу бумаги с треугольной печатью.

— Из камеры с вещами. Карабазов, Войнитский, Вигланд, Венгржановский.... Время перестало существовать, так как вокруг уже чернела ночь, пахло петунией, и все они сидели в открытой беседке недалеко от гаража, где уже заводили мотор грузовика. (Это чтобы заглушить выстрелы, — В.С.)

Два первых уже исчезли. Их вещи кучей лежали на газоне. Стукнуло два выстрела, тупо поглощенных кирпичной стеной.... За полуоткрытыми дверями гаража проводилась странная работа....

....Под голой электрической лампочкой слабого накала, на клумбах петуний и ночной красавицы, недалеко от кучи снятой одежды стоял Наум Бесстрашный, отставив ногу в шавровом сапоге, и ему представлялось, что он огнем и мечом утверждает всемирную революцию....»

Но тут Наума Бесстрашного посетило видение, как бы вещей сон сквозь явь. Он как бы пронесся «...мимо черной скульптуры и чаши итальянского фонтана на Лубянской площади и понял, что уже никакая сила в мире его не спасет, и он бросился на колени перед незнакомыми людьми, которые уже держали в руках оружие. Он хватал их за руки, пахнущие ружейным маслом (а как же кличка — Бесстрашный? — В.С.), он целовал слюнявым разинутым ртом сапоги, до глянца начищенные обувным кремом. Но все это было бесполезно, потому что его взяли с поличным на границе с письмом, которое он вез от изгнанного Троцкого Радеку.... Его втокнули в подвал лицом к кирпичной стене. Посыпалась красная пыль, и он перестал существовать....»

При прочтении этих строк может возникнуть множество разных чувств. Во-первых, бросается в глаза разница в поведении на расстреле юной красавицы-гимназистки с гордо поднятой головой и ее убийцы, лижущего слюнявым ртом сапоги. В этом конкретном случае может даже шевельнуться чувство, похожее на возмездие. Но хотелось обратить внимание на другое. Не веет ли на нас чем-то знакомым от сформулированного обвинения юной гимназистке: «Польско-английский заговор с целью захватить Одессу и передать ее великой Польше „от моря до моря“»? Разве это не такой же вздор, как и обвинения 30-х годов, когда советские командармы, комкоры и комбриги оказывались то японскими шпионами, то заговорщиками с целью захватить, ликвидировать, уничтожить? Формулировки начала 20-х и середины 30-х годов оказываются до удивления похожими.

А теперь вернемся к «Мемориалу». Ведь в воздвигнутом мемориале хоть одним камешком — хотим мы этого или не хотим — окажется увековеченной и память о Н. Бесстрашном, поскольку он был расстрелян в тридцатые годы, при Сталине, но в мемориале не отыщется и тени памяти прекрасной гимназистки, застреленной Н. Бесстрашным. Дело не только в Венгржановской, ведь она была не одна. Как правильно написала Н. Я. Мандельштам, людей

снимали пластами, по категориям. И как быть с памятью о тех, чья кровь стекала по желобу? Как быть с памятью о тех, чью кровь смывали, спуская воду в клозете? Как быть с памятью о тех, чью кровь лизали собаки на улицах Миргорода? Не забудем, что в каждом без исключения городе огромного государства шли, как их называл Короленко, бессудные, административные расстрелы.

А как быть с жертвами 1929 года, когда ни в чем не повинных крестьян миллионами выбрасывали в тундру на голодную смерть? Как быть с десятью миллионами жертв 1933 года, когда на Украине, на Кубани и на Волге родители ели своих детей, ибо там был инспирирован голод?

Новый мемориал собираются «привязать» к так наз. дому на набережной. Но куда, к какой географической точке привязать, если хотели бы воздвигнуть, мемориал мученикам Украины, Кубани и Поволжья, Сибири и русского Севера, скотоводам Казахстана и Киргизии, садоводам Таджикистана, труженикам-узбекам, кавказским народам, белорусам, крестьянам коренных российских губерний?.. Ни к какой географической точке, ни к какому «дому на набережной» такого мемориала не привяжешь. Вся наша земля для них единый мемориал. Будем ли стыдливо умолкать при упоминании о беззаконном и зверском истреблении царской семьи: четырех девушек, мальчика, женщин; постарайтесь ли забыть декрет «о расказачивании России», в котором Частым Особого Назначения приказывалось поголовное истребление казачества с детьми и женщинами, и который (декрет) унес больше миллиона казачьих жизней; есть данные, что в России до революции было 360,000 священнослужителей, а к концу 1919 года их осталось 40,000. Забудем об этом? Или сделаем вид, что ничего этого не было? Или будем в каждом отдельном случае воздвигать отдельный мемориал?

Я не подписал тогда «мемориального» письма не потому, что считаю жертвы сталинских репрессий недостойными увековечения, но потому что, увековечив их, мы тем самым навсегда отбрасываем в тень забвения все остальные жертвы, а они в сотни и тысячи раз многочисленнее и кровавее. Из чего же мы исходим, создавая мемориал, из качества, что ли, жертв? Справедливо ли это и — не побоюсь сказать — нравственно ли?

Вл. Солоухин.

Да, жалок тот, в ком совесть нечиста!

Тяжка десница грозного Судьи,
Ужасен приговор душе преступной!
(из монолога Бориса Годунова)

Тронулся, кажется, лед. Перестройка и гласность, какими бы они куцыми ни были, все же подают надежду на существенные сдвиги у нас на родине, не сразу, то хотя бы в обозримом будущем. Как бы это нам ни казалось непонятным, но и одна и другая поощряются сверху, несмотря на риск вскрытия чудовищных преступлений, содеянных советским режимом. Пока гласность ограничивается критикой сталинщины и периода застоя, она благоволит начинаниям власти и находит пропуск в официальную печать. Однако, исследование событий прошедших лет, углубляясь в историю, вынесут на свет дела начального становления советской власти. А дела то были грязные, руки в крови несочтимых ни в чем не повинных жертв. Приходится, видимо, снимать с себя всю эту грязь, мыться добела и очищать, хотя и не полностью, историю от наваленной на нее лжи. К этой тяжелой работе привлекаются лучшие социалистические силы с громкими именами. Недавно в журнале «Новый мир» появился обзор книги академика Г. З. Иоффе — «Великий октябрь и эпилог царизма» (336 стр.), изданной в 1987 г. Автор строит свой труд на фундаменте трех значительных событий: 27 февраля (революция), 2 марта 1917 г. (отречение) и ночи с 16 на 17 июля 1918 г. (убийство царской семьи). Он сетует на то, что историческая наука долгое время пренебрегала значением этих событий, что в свою очередь породило сомнительную точку зрения о том, что якобы только в октябре 1917 года монархическая традиция России внезапно пресеклась. Между тем, история нового времени не дает нам примеров подобного волшебства, а опыты других революций свидетельствуют о весьма трудном и длительном процессе искоренения монархических традиций из сознания народа. Тут, однако, автор, пользуясь стереотипами советской фразеологии, резко отклоняется от казенного мировоззрения и рисует подсоветскому обывателю совершенно новый портрет последнего царя. Он категорически отвергает германофильство имп. Николая II и усматривает в царе убежденного славянофила, почитавшего допетровский XVII век «золотым веком» России. Он так же опровергает версию о влиянии на царя императрицы Александры Федоровны и тем более Распутина, к

которому Государь относился с явным скептицизмом. Однако автор считает, что монархия, оторвавшаяся от народа, уже до февраля находилась в изоляции и неминуема должна была рухнуть. Это был тот, по мнению автора, своеобразный эпилог трехсотлетнего владычества Романовых и тысячелетней истории монархии в России. Белое же движение, выдвинув лозунг «непредрешенчества» до победы и созыва Учредительного собрания, в ходе гражданской войны преобразила идею монархизма в идею сильной национальной власти, выдвигая разных претендентов на роль верховного правителя. Реставрация была лишь теоретической возможностью, тем более что царь отрекся и за своего больного сына. Показательно в этом отношении признание одного из кандидатов в верховные правители ген. Л. Г. Корнилова, который на вопрос о своем личном отношении к реставрации ответил, что он проникнут к царю глубоким уважением и даже искренней любовью, но возвращение к власти Романовых он бы видеть не хотел. Сам же он к власти не тяготел, но если бы возник вопрос спасения России, он бы ее (власть) взял в свои руки. Однако, задача автора не заключалась в том, чтобы реабилитировать Романовых, а в том, чтобы смыть следы великого преступления, тяготеющего над советской властью на протяжении 70 лет. Автор не отрицает возможности казни Государя и Государыни, но в отношении малолетних детей он категорически заявляет, что новая власть проявила бы естественную гуманность, ибо дети ничем не были виновны перед народом. Он даже допускает возможность высылки царской семьи за границу, как врагов труда и народа ибо, как автор извлек из документов того времени, советская власть в 1918 году решила «избегать» пользоваться смертной казнью. Это предположение автора подлежит серьезному сомнению и говорит за то, что его труд был исполнен по заказу. Всю же вину он сваливает на удобного козла отпущения в лице Уралоблсовета, который вопреки требованиям Совнаркома самовольно расправился с царской семьей. Тут невольно далеким эхом звучит неистовый вопль Бориса (Годунова): «Не я! не я! — не я твой лиходея, — чур дитя, — не я, воля народа! — чур!» В нынешнее время, говорит автор, в стране идет серьезная акция в пользу реабилитации царской семьи. Такое мероприятие вероятно нужно для того, чтобы запорошить пылью глаза всего мира, привлечь симпатии к советским реформаторам. Искренность же его станет очевидной только тогда, когда вся система будет осуждена.

Г. С. Жеромский.

Единая Русь

Я буду воспевать
Всем существом в поэте
Шестую часть земли
С названьем кратким «Русь».

С. Есенин

Бросая мысленный взор на бурную многогранную историю России, мы видим один завет, проходящий красной нитью через весь наш исторический путь. Этот завет был подсознательным стремлением к единству на почве единой культуры и общих интересов. Восточная Европа, где было суждено судьбой осесть восточным славянам, представляет собой единую равнину от Северного до Черного моря и от Урала до Карпатских гор. Эта равнина, хотя и делилась на северную — лесную и южную — степную, не имела природных внутренних барьеров и потенциально была идеально создана для единого государства, что и случилось, когда здесь стали оседать славяне.

Северная часть, покрытая дремучими непроходимыми лесами, была издревле редко населена финскими племенами. О них еще в первом веке по Р.Х. писал Тацит, что у них «чистая дикость, гнусная бедность и нет ни оружия, ни лошадей». Они были кочевниками и занимались охотой и рыболовством. Южная часть, восточнее Днепра, представляла собой бескрайнюю степь, в которой негде было укрыться от вражеских кочевых племен. Поэтому, с давних времен, она служит как бы коридором, через который шли в Европу разные народы. Одним из последних были славяне. Первые сведения о них мы имеем в легендах и у римских и арабских историков. Так, в книге Прокопа Слободы, изданной в Загребе в 1767 году, рассказывается как около 278 года по Р.Х. знатный вельможа Чех с братьями Лехом и Русом подняли восстание против притеснений римских легионов полководца Аврелия. Не устояв против их силы, они покинули Савско-Дринскую долину, уйдя со своим родом на северо-восток. Там от них пошли Чехия, Польша и Русь. Как и всегда, в этой легенде есть какое-то зерно правды. Мы знаем, что в эти годы правил в Риме император Аврелий, и римские историки отмечают бунт местного населения на Балканах. Позднее, еще до призвания князей, мы все время читаем о русах у римских, сирийских и арабских историков. Арабский писатель Ат-Табари приводит слова Шохрине — правителя Дербента, сказанные в 644 году: «Я

нахожусь между двумя врагами — хазарами и русами, которые суть враги целому миру. Вместо того, чтобы платить им дань, будем воевать с русами и удерживать их, чтобы они не вышли из своей страны». О том же иногда говорит религиозная литература. Из жития Св. Стефана Сурожского мы узнаем, что в восьмом веке русский князь Бравлин в своем набеге разорил Сурожь (нынешний Судак) и часть южного берега Крыма. Отбросив многие детали, мы должны признать факт русского нападения, так как мало вероятно, чтобы лишь со времен Олега Русь стала нападать на греческий Крым.

Таким образом, сопоставив все легенды и исторические источники, мы должны прийти к выводу, что в девятом веке по Р.Х. уже существовали два крупных и довольно сильных русских центра, — один в Новгороде, а другой в Киеве. Все же остальное пространство Русской равнины было заселено отдельными независимыми друг от друга славянскими племенами одного языка и единой культуры. Всюду царил родовой порядок и языческая вера с кудесниками и волхвами, но без храмов и без сложившегося замкнутого класса жрецов. Роды складывались в племена со своими местными особенностями и разными именами. Описывая эту эпоху, летописцы упоминают: ильменских на берегу озера Ильмень; кривичей по верховьям Западной Двины; воичей на Днепре; дреговичей между Припятью и Западной Двиной; полян по среднему течению Днепра; древлян по Припяти и Бугу; белохорват в Галиции и словен в новгородских владениях. Также радимичей, вятичей, угличей и некоторых других более мелких. Они постоянно между собой враждовали, так как в обычае была кровная месть. Одним словом, как говорит летопись, земля была велика и обильна, но не было общей головы. Эта голова нашлась в династии князей Рюриковичей. На счастье русских славян первые князья — Олег, Игорь, Святослав, Владимир и Ярослав — оказались незаурядными полководцами и правителями. При них началось и закончилось собиране восточных славянских племен в единое мощное государство — Киевскую Русь.

Родоначальник династии Рюрик начал свое правление в Новгороде, где и скончался. За малолетством его сына Игоря стал править брат жены Рюрика Олег. Недолго пробыв в Новгороде, он спустился на юг по великому водному пути. Покорив по дороге Смоленск и Любеч, он пошел на Киев, где княжили воеводы Рюрика Аскольд и Дир. Овладев обманом Киевом, он убил Аскольда и Диру и сделал Киев своей столицей — «матерью городов русских». После этого он начал подчинять себе окрестные

племена: древлян, северян, радимичей. Он строил города для защиты от кочевников и предпринял удачный поход на Царьград, воспетый в приукрашенном виде в древних летописях. Следующий князь — Игорь усмирил возмущившихся древлян и покорил угличей. Он дважды ходил войной на Царьград и после второго похода заключил мир, который включал торговый договор, хотя и не такой выгодный как при Олеге. Он был убит древлянами за взимание непосильных поборов. Княгиня Ольга, правившая за малолетством Святослава, отомстила за смерть мужа древлянам, а затем объехала все подвластные племена и установила более справедливую дань (подать). Летописцы восхваляют ее мудрое правление и называют ее самой мудрой из жен. Она продолжала править и после совершеннолетия Святослава, который не любил заниматься административными делами. В летописном изображении это был идеальный языческий князь-дружинник. Вся его жизнь прошла в войнах. Он победил вятичей, хазар, северокавказских ясов и косогов и отогнал печенегов от Киева. После смерти княгини Ольги он передал все управление своим малолетним сыновьям, разделив всю землю на уделы: Ярополку достался Киев, Олегу древлянская земля, Владимиру — Новгород. У каждого из них был опекун, который и управлял своим уделом. Сам Святослав уехал в Болгарию (Переяславец на Дунае), считая ее центром своей земли. Греческий император, однако, после упорной борьбы, заставил его удалиться из Болгарии. На обратном пути в Киев Святослав был убит печенегами.

После его смерти начались междоусобицы, в результате которых погибли Ярополк и Олег. Таким образом, вся Русская земля опять соединилась под властью Владимира. Это был выдающийся князь, оставивший неизгладимый след на всей дальнейшей судьбе русского народа. За его княжение Киевское княжество достигло своего максимального размера. Он успешно воевал с Польшей за Перемышль, усмирил вятичей и присоединил земли вдоль Оки; воевал с ятвягами и присоединил земли по Неману. Но самой главной его заслугой было обращение всей Руси в христианство по византийскому Православию. Как было отмечено вначале, Российская равнина не имела резких природных границ, и таким образом природа дала нам мало помощи при утверждении нашей народной самостоятельности. Для этого Владимир Святой дал нам могущественное средство: Русь приняла христианство по восточному исповеданию. Это, проведя резкую черту между русским человеком и всеми его соседями, помогло нам сохранить национальное единство в самые мрачные периоды нашей истории.

Еще при своей жизни Владимир Святой, принявший впервые на Руси, как старший в роде, титул Великого князя, разделил Русскую землю на уделы между своими 12-ю сыновьями. В основном они обозначались уже не племенными названиями, а по их столичным городам, и названия племен постепенно исчезают со страниц летописей. Главные из них были, помимо стольного града Киева: Новгород, Полоцк, Туров, Ростов, Тьмутаракань, Волынь, Псков, Смоленск, Чернигов и Муром. После его смерти опять начались кровавые раздоры, во время которых погибло большинство сыновей Великого князя Владимира Святого. В конце концов после долгой смуты всю Киевскую Русь, кроме Полоцка, объединил под своей властью Ярослав Мудрый. Он продолжал во всех отношениях политику, начатую его отцом Владимиром Святым, и за его долгое княжение Киевская Русь достигла апогея своего могущества, славы и культуры. В своем завещании он оставил Русь всему своему роду Рюриковичей как общую собственность. По установленной им удельной системе все князья получают уделы в порядке старшинства, начиная со старшего в роде, который с титулом Великого князя получает Киевский Стол. В случае смерти какого-нибудь князя, нижестоящие родственники передвигаются по старшинству в лучшие уделы. Дети князей, не достигших стольного города Киева, называются изгоями и не получают уделов. Такая система имела большое влияние на сглаживание племенных отличий и утверждение Православия, так как князья, переходя со своими дружинами из одного удела в другой, подчеркивали и укрепляли внутреннее единство государства. Но вместе с тем такая удельная система обнаружила крупные, даже катастрофические недостатки. С увеличением рода Рюриковичей и дроблением удельных волостей не всегда соблюдался принцип старшинства, да и трудно было порой определить кто старше, дядя или двоюродный племянник от старшего брата. И тогда лучший удел захватывал тот, кто был сильнее. Также и изгой не могли примириться с потерей уделов и зачастую отнимали их силой у младших князей, призывая на помощь половцев и других иноземцев. Постепенно создалось совершенно невыносимое положение, и через 43 года после смерти Ярослава Мудрого, в 1097 году, князья съехались в Любеч на общий совет. После многих споров, они согласились каждому владеть тем, чем владел его отец, и таким решением фактически разбили Киевскую Русь на несколько крупных самостоятельных княжеств. Так вначале образовались княжества: Киевское, Переяславское, Чернигово-Северское, Ростово-Суздальское,

Мурома-Рязанское, Владимиро-Волынское и Галиция — Червонная Русь. Но очень скоро оказалось, что это не разрешило всех вопросов и не прекратило постоянных ссор и муждоусобных войн. Исключая небольшой передышки при Владимире Мономахе, все большая анархия расцветала махровым цветом на Русской земле.

Сильнее всех от этого пострадал Киев. Из него выделились и стали самостоятельными десять новых княжеств, самыми значительными из которых были: Волынское, Смоленское, Черниговское и Переяславское. Тогда захирел Киев, обессиленный междоусобиями и лишенный поддержки соседних князей, и уже не мог противостоять напору азиатских кочевников. Только за 18 лет, с 1150 по 1168 год, летописцы отметили 8 крупных набегов половцев, не считая мелких, почти ежегодных. Они опустошали села и города Приднепровья и уводили тысячи русских в полон. Жизнь в пограничных южных землях сделалась не в меру опасной, и население с 12 века начало их покидать. С этих пор начался отлив населения в северные и западные области Русской земли, и постепенно пустели пограничные княжества. Летопись рассказывает, как в 1159 году повздорили два двоюродных брата: Изяслав, занявший Киевский Стол, и Святослав, заменивший его в Чернигове. В свою защиту Святослав говорил брату, что он согласился на Чернигов с семью городами, лишь не желая лить христианскую кровь. Большинство из них пустые: живут там только княжеские псары да мирные половцы. В числе их был Любеч, и если запустел такой, некогда богатый город, то что же говорить о мелких селениях. Как следствие ухода населения на север и запад, началось быстрое усиление северо-восточных княжеств с центром во Владимире и западных Волынского-Галицких князей. Последний смертельный удар Киеву нанес старший внук Владимира Мономаха Ростовско-Суздальский князь Андрей Боголюбский. В споре за Киевский Стол его войско, в союзе с 11 северными и южными князьями, взяло и разграбило Киев, не пощадив даже церквей. После этой победы Андрей Боголюбский объявил себя Великим князем, но не остался в Киеве, а перенес Велико-княжеский Стол во Владимир на Клязьме. Так кончился Киевский период русской истории. С этого времени вместо одного центра в Киеве очень быстро стали намечаться два новых: Суздальско-Владимирский и Волынский-Галицкий, из которых каждый становился потенциальным кандидатом в объединители всей Руси. Недаром летописец называет Романа Волынского-Галицкого «Самодержцем всея Руси», а его сын Даниил в 1253 году был коронован Королем. Также «Слово о полку Игореве»

призывает Великого князя Владимирского Всеволода Большое Гнездо отомстить за поражение Северского князя Игоря, считая Всеволода, младшего брата Андрея Боголюбского, достаточно сильным, чтобы «Волгу веслами разбрызгать и Дон вычерпать шлемами».

Уступив политическое первенство новым уделам, Киев целиком сохранил на многие годы свое значение как религиозно-культурный центр русского народа. Здесь проживал глава Русской Православной Церкви митрополит Киевский и находились главные святыни. К 13-му веку там было около 90 монастырей, из которых Киево-Печерская лавра имела огромное значение для всей удельной Руси. Сюда стекались со всех концов паломники, чтобы получить совет и утешение. В те времена, и даже много позже, национальное сознание тесно переплеталось с религиозным и, зачастую, только им и определялось. Вспомним, что для поступления в Запорожскую Сечь нужно было быть православным, что сразу же определяло и национальность. А русский шляхтич, включая Рюриковичей, принимая католичество становился поляком. Вот в таком состоянии, политически разрозненная, с постоянно враждующими друг с другом удельными князьями, но национально и религиозно единая, Русь встретила страшную опасность своему существованию — татарское нашествие Батыя. Татары как огненный смерч прошли, кроме Новгорода, через всю Русь от Рязани до Карпатских гор. Вся страна лежала в развалинах, и в живых осталось меньше одной десятой населения. Трудно сказать, где бы смогли остановить татар католические страны, но Западной Европе улыбнулось счастье — Батый получил известие о смерти монгольского Хана. Сразу же повернув назад, он оставил свои тумены в заволжских степях, а сам помчался в Азию, боясь опоздать к дележу наследства.

Облегченно вздохнув, Русь стала залечивать свои раны, и сразу же началось самое страшное последствие татарского набега. На сотни лет по разным путям пошла судьба северо-восточной и юго-западной ветвей Русского народа. Весь север стал данником татарской орды, и на многие годы там водворилось татарское иго. Запад избежал этой участи, отчасти из-за дальнего расстояния от Орды, а в главном, из-за быстрого усиления Литовско-Русского княжества. К началу 15 века Литовское княжество уже охватывало не только Литву, не только всю северо-западную и почти всю юго-западную Русь, но и западную часть северо-восточных княжеств. Очень скоро после смерти князя Даниила Галиция подпала в зависимость от Польши, а Волынь вошла в состав Литовско-

Русского государства. До конца 14 столетия православные не испытывали никаких притеснений в языческой Литве, где равноправным языком был русский. Поэтому начался обратный прилив населения на юг с запада, где под давлением католических Польши и Венгрии все тяжелее и тяжелее стало жить православному населению. Прислушаемся, что говорит об этом явлении Ключевский: «Когда таким образом стала заселяться Украина, то оказалось, что большинство колонистов, приходивших сюда из глубины Польши, из Галиции и Литвы, были потомками той Руси, которая ушла с Днепра на запад в 12 и 13 веках и в продолжении двух-трех столетий живя среди Литвы и поляков, сохранила свою веру и народность. Таким образом, в образовании малорусского племени, как ветви русского народа, принимало участие обнаружившееся и усилившееся в 14 веке обратное движение к Днепру русского населения».

Картина в корне переменилась и на Литве после заключения между Польшей и Литвой персональной Кривской Унии в 1385 году, когда были установлены зоны влияния: Волынь осталась за Литвой, Галиция досталась Польше, а прикарпатские области — Венгрии. С этих пор все время усиливается влияние Польши, и после Люблинской Унии (1569) произошло окончательное поглощение Литвы Польшей в едином государстве — Речь Посполитая. Вскоре Волынь отошла к Польше, и тогда во всей южной и западной Руси началось «католическое иго». Оно было более тягостное, чем татарское, которое ущемляло, в главном, лишь материально, не затрагивая духовно-религиозных верований русского народа. Как контраст, католическое иго заключалось в беспощадной борьбе с Православием, как в материальной, так и в духовной областях. Особенно усилилась эта борьба после введения религиозной Брестской Унии в 1596 году. Эта Уния была бесчестным обманом хитроумных иезуитов, в расчете на темноту простого народа. Оставив без изменения большинство православных обрядов, они ввели все догматы и духовную сущность католической Церкви. Их расчет оказался правильным, и многие не поняли обмана. Однако низшее духовенство категорически оттолкнуло Унию и объясняло ее народу как измену истинному Православию. Несмотря на то, что все православные были объявлены еретиками и их жизнь стала мученичеством, подавляющее число низших слоев населения не приняло Унии.

Это понимали поляки и с помощью католических иезуитов начали беспощадные преследования православных. Как свидетельство в какие формы выливались эти преследования, заслу-

шаем, что говорил в Сейме православный шляхтич Древницкий в присутствии Короля: «В Могилеве, в Орше и Пинске церкви запечатаны, священники разогнаны, Лещинский монастырь превращен в кабак; дети умирают без крещения, тела умерших вывозятся как падаль, без церковного погребения; народ живет в распутстве невенчаный, умирает без Св. Таин. А что делается во Львове? Кто не принимает Унии, тот не может жить в городе, заниматься торговлей, быть принятым в ремесленные цехи. А в Вильно? Монахов, непреклонных Унии, ловят, бьют и в кандалы заковывают. Тела умерших православных заставляют вывозить через те ворота, через которые вывозят только нечистоты. Коротко сказать, великие и неслыханные притеснения русский наш народ, как в Короне, так и в Великом Княжестве Литовском переносят». Но несмотря на все унижения и страдания народа, православная вера оказалась могущественной духовной силой и помогла населению сохранить свою религию и русскую национальность до конечного объединения трех ветвей русского народа.

На севере, после многолетней, с переменным успехом, борьбы с Тверью, Москва вышла победительницей, и началось ее возвышение. Со времени Иоанна Калиты все больше окрестных уделов стали вливаться в состав Московского Великого княжества. Куликовская битва, выигранная благодаря духовному единству Православной Церкви и государства, в лице преподобного Сергия Радонежского и Дмитрия Донского, еще больше повысила авторитет Москвы. Ко времени княжения Иоанна 3-го, уничтожившего татарское иго, фактически закончилось объединение северо-восточной Руси вокруг Москвы и началось освобождение русских уделов из-под иноземной власти. В подтверждение законности такой политики Иоанн 2-й стал называть себя «Государем и Великим князем всея Руси». Однако, освобождение шло медленными шагами, так как еще слаба была Московская Русь и сильны ее соседи. Но в 17-м веке переполнилась чаша терпения, и запылала вся южная Русь. Малороссийское казачество, с помощью крестьянского населения, под предводительством Богдана Хмельницкого начало борьбу с могучим польским государством за соединение с единокровным и единоверным Московским Царством. Сначала колебался Царь и Земские Соборы открыто поддержать южную Русь: после смутного времени еще слаба была Москва. Помощь была лишь продуктами и оружием, и широко были открыты двери для бегства от мести польской шляхты, иногда целых деревень, в московские владения Слободской украины. Но так как Юг заливался кровью от рук

беспощадных польских магнатов, Москва должна была внять просьбе о помощи, и началась освободительная война. Из-за слабости Московского Царства и могущества Речи Посполитой в этот период истории, не удалось освободить всю Украину, и только левобережная часть ее и Киев, по условиям мира, воссоединились с северной Русью.

В это же время произошли крупные события в Московском Царстве. Никоновский церковный раскол, а затем реформы Петра Великого, включая уничтожение Патриаршества, в корне подломили духовную цельность русского народа. Национальное и религиозное сознание пошли разными путями, так как Церковь стала одним из департаментов гражданского управления и очень быстро потеряла всякое влияние на мировоззрение русского народа. Но несправедливо всю вину за это возлагать на плечи Петра Великого. Его мы можем понять, хотя и не оправдать, так как церковная иерархия противилась его реформам. Но нельзя понять и оправдать ни одного из шести императоров девятнадцатого века, ни один из которых не восстановил Патриаршества. Поэтому Россия, став империей, уже по другим, имперским причинам, продолжала освобождение от иноземного ига русских областей. Этот процесс фактически закончился при Екатерине Великой после трех разделов Польши. После этих разделов мы освободили от польского засилья Вольту, Белоруссию и присоединили балтийские области и Литву, не взяв ни одной пяди коренной польской земли. Это произошло уже при императоре Александре Первом, когда австрийский канцлер, на наше несчастие, вместо Галиции подсунил русским дипломатам герцогство Варшавское. Последняя часть Киевского княжества Св. Владимира — Галиция — соединилась с остальной Русью только после Второй мировой войны, и тем закончилось собирание всех уделов древней Руси в одном государстве.

За долгое правление компартии произошли большие перемены во всей русской земле. До 1917 года городское население, особенно его высший образованный класс, было довольно однородно во всех частях Империи. Литературный русский язык, будучи государственным, помогал сглаживанию племенных различий. Поэтому главный оплот как великорусской, так и малороссийской самобытности, несмотря на политику обрусения со времен императора Александра 3-го, был в деревнях, где крепко сохранялись местные обычаи и диалекты. После октябрьской революции коллективизация, с последовавшим уничтожением сельского населения во всей стране, а затем ссылки и переселение в

Сибирь, нанесли непоправимый удар местным, и так довольно слабым, шовинистическим настроениям. Что произошло с сельским населением нам рассказывает, помимо других, писатель Василий Афонин, рожденный в Сибири, но родом из Калужской деревни: «Только за 70-е годы в России исчезло около 40 тысяч русских деревень. Если учесть, что русская деревня начала исчезать с 54-го года, то можно представить себе общую цифру.... А в истории сибирских деревень есть поистине трагические страницы. Это возникшие неестественным, насильственным путем селения на самых отдаленных притоках Оби, куда поздней осенью 29-го и 30-го годов привозили раскулаченных. В поляну вбивали кол, говорили: здесь будете жить, ройте землянки». В этом украинские самостийники несправедливо винят своих северных братьев, так же страдавших, как и остальные народности Советского Союза. И все же к нашему времени главный оплот самостийности еще существует в Галиции, которая в течение 6-ти столетий была под властью католических Польши и Австрии. Но чем дальше на восток, тем меньше различия между малороссийским и великорусским населением. Это знают украинские диссиденты. Недаром Вячеслав Черновил скорбит, что в Харькове вообще нет школ на украинском языке. Тает их количество и во всей остальной дореволюционной Малороссии, так как родители предпочитают школы с русским языком преподавания, открывающие больше возможностей по всему Советскому Союзу. Этим, отчасти, объясняется катастрофическое уменьшение числа изданий и тиражей публикаций на украинском языке, как подтвердил недавний эмигрант из Союза, украинский писатель и правозащитник Микола Руденко.

Черновил, рожденный в Приднепровьи, но проживающий теперь во Львове, должен знать, что и в Галиции, этом оплоте самостийности, все время слабеет местный шовинизм, — он процветает только в эмиграции. В нашем городе проживает эмигрант второй волны из крестьян Харьковской губернии. Недавно он показал письмо своей племянницы, посланное из Галиции, которое он не вполне понимал, так как оно было написано на литературном русском языке. Оказывается, что эта украинка туда послана учительницей русского языка. Она пишет, что во Львове уже все реже слышна украинская речь, и только сельское население еще держится старых обычаев. Большую роль в этом играет религиозная Уния, хотя с 1946-го года она преследуется компартией. И странно звучит письмо украинского правозащитника к патриарху всея Руси, в котором он просит его

заступиться за униатов перед советской властью. Неужели он не знает о той кровавой роли, которую сыграла Уния в западной и южной Руси? Ему можно лишь посоветовать выбросить все учебники истории, изданные Советами и написанные самостийными историками, учебники полные лжи и дезинформации. Тогда он узнает об истинном положении на Украине в течение многих веков. Также он узнает о почти полном отсутствии самостийности во время Гражданской войны, когда борьба шла на всех окраинах Русской земли между большевиками и русскими патриотами, а не между москалями и украинцами, как пробуют доказать самостийные историки. В эту эпоху лишь кучка самозванных представителей украинского народа, опираясь на немецкие штыки, безуспешно пробовала увлечь за собой малороссийское население.

Задумываясь о будущем, мы не будем сейчас решать судьбу национальных меньшинств, так как для всех них нет одинакового решения. Одни из них хотели бы полной независимости, другие не прочь войти в состав Российского государства, а для некоторых даже необходим российский щит от более агрессивных, воинственных соседей. Эти вопросы будет решать будущее правительство свободной России в согласии с местными желаниями и интересами всей страны. Сейчас мы можем лишь утверждать, что при широком местном самоуправлении не будет никакого компромисса в вопросе федерального единства трех ветвей Российского народа, — за это единство платили слишком высокую цену во всю нашу многовековую историю. И пусть поймут самостийники, что теперь это единство меньше всех нужно Великороссии: вместе с Сибирью она и одна останется Великой Державой. Пронграт, добившись полной самостоятельности, от этого политически и экономически только Белоруссия и Малороссия. Да и трудно будет установить границы, поскольку нет природных барьеров, а за время коммунизма произошла сильная перетасовка населения во всей стране. Также вряд ли можно серьезно говорить о предоставлении независимому украинскому государству черноморского побережья, к которому вся Русь стремилась с первых дней своего рождения. Напрасно об этом мечтают самостийники в эмиграции. А в полной свободе развития местных национальных особенностей и национальных культур всех нацменьшинств в будущей свободной России не может быть никаких сомнений. Будет и полная религиозная свобода, даже для униатов. Православной Церкви нечего бояться других деноминаций. Согласно исследованиям британского центра при Кестонском колледже по изучению религии и коммунизма, она и сейчас, под гнетом атеистической власти, сама того не сознавая, является мощной реальной силой и

как на севере так и на юге оказывает моральное влияние на современных русских людей. Как и встарь она опять будет объединяющей силой и хранительницей нашей исторической памяти.

Будем надеяться, что и сейчас православная иерархия воспользуется гласностью и начнет напоминать русским людям, что в Калининне проживает епископ Тверской; что в Калининне еще существует обещанный Церкви членом Политбюро Яковлевым Тверской собор; что в Калининне прославлен замученный в 14-м веке в татарской орде Св. Великий князь Михаил Тверской. А всем украинским диссидентам мы напомним, как пример, достойный подражания, национальное «верую» нашего общего великого писателя Гоголя: он считал своей родиной Украину, а своим отечеством всю Россию.

Сергей Третьяков.

Список жертвователей в фонд журнала

Л. Зозулина, 15.00; С.А. Дуплицкий, 10.00; Н.В. Андреев (Новая Зеландия), 10.00; Е. Лазарев-Миронов, 10.00; В. Голицин, 10.00; полк. В.П. Тихомиров (Австралия), 15.00; А. Берендс, 25.00; г-жа Н.П. Хорват (Новая Зеландия), 25.00; X — скончавшийся в Австралии (через В. Касперовича), 10.00; И.М. Буланова, 20.00; Г. Шидловский, 20.00; Ю. Махновский (Югославия), 3.00; от Кадетского Объединения в Австралии через В. Касперовича, 30.00; А. Москвиченко «в память друга Олега Германа в.у.о. 8 выпуска и одноклассников в выпуске Русского Кадетского Корпуса в.ф. Владимира Опокова, Юрия Гончарова и Олега Шиманского», 50.00.

Всем жертвователям приносим глубокую благодарность.

Сообщение Христианского Патриотического Союза

В июне этого года председатель Х.П.С., основанного в СССР, В.Н. Осипов, в сопровождении зарубежного представителя организации И.В. Огурцова, посетил несколько западных стран и провел ряд открытых собраний-бесед, осветивших современное положение на родине. Одновременно с пребыванием В.Н. Осипова за границей среди эмиграции было распространено сообщение, что он и И.В. Огурцов, оба долголетние узники ГУЛАГа, сохранившие стойкость в суровых условиях заключения, не имеют полномочий выступать от имени организации. Сообщение это было принято в Зарубежье с недоумением, т.к. деятельность этих лиц на протяжении многих лет широко известна, да и сам метод смещения руководства во время его отсутствия из страны вряд ли может быть признан удовлетворительным.

На этих днях редактор нашего журнала получил письмо, подписанное В. Осиповым (с указанием, что подпись получена по телефону) и И. Огурцовым, извещающее, что по возвращении В. Осипова в СССР, на заседании Совета Х.П.С. под его председательством три члена организации были исключены из рядов Х.П.С. за попытку путем обмана и подлога внести замешательство в ряды российской эмиграции.

Мы надеемся, что этот неприятный инцидент не рассеет силы организации в сторону ненужной полемики, а направит их на ознакомление граждан СССР и Зарубежной Руси с целями и текущими задачами деятельности Х.П.С.

РЕДАКЦИЯ.

КНИЖНАЯ ПОЛКА

Еще в 1978 г. наш постоянный сотрудник проф. П.Н. Пагануцци, отвечая настойчивым пожеланиям редакции «Кадетской Переключки», согласился принять на себя трудную задачу объективно осветить нашим читателям события, приведшие к екатеринбургскому злодеянию большевиков, одного из звеньев общего плана истребления членов последней русской династии. Результатом его упорного труда по изысканию и изучению доступных источников была его статья

«Екатеринбургское злодеяние в свете старых и новых документов 1918-1978 гг.»,

опубликованная в июне 1979 г. в № 22 нашего журнала.

Статья эта, получившая заслуженный успех в русском зарубежье, привела автора к мысли продолжить изыскания и издать книгу «Правда об убийстве Царской Семьи». В 1983 г. она вышла в издательстве Св.-Троицкого монастыря в Джорданвилле в значительно расширенном объеме (235 стр.), снабженная многими фотографиями и хорошо документированная. Отклик в иностранном мире на эту книгу показал, что ее тематика и авторское изложение исторических фактов вызвали живой интерес. Одно из японских издательств издало книгу П. Н. Пагануцци на японском языке. В конце прошлого года автор получил из Токио первые книги японской версии его труда. В сопроводительном письме японский профессор-переводчик сообщил автору, что его книга выбрана из многих других иностранных изданий как более содержательная и подходящая к опубликованию в Японии.

Редакция «Кадетской Переключки» поздравляет Петра Николаевича с таким необычным успехом и испытывает вместе с ним удовлетворение, что наша инициатива, засиявшая в лучах его славы, получила такое признание.

Бог в помощь тебе, дорогой друг, сохранить силу своей энергии и творческой продуктивности, Сейчас, как никогда, она нужна распинаемой всеми России.

Н. В. Козякин.

Брест-Литовский (похабный) мир

От редакции:

Печатаемая ниже статья Юрия Владимировича Измestyева взята из его подготовленной к печати книги, посвященной обзору исторических событий в России от конца прошлого века и до наших дней.

Надобность издания такого труда уже давно созрела. Правдивое изложение исторических фактов поможет правильному пониманию нашего оболганного прошлого и создаст предпосылки к установлению путей будущего развития России, освобожденной от рабских цепей марксизма.

Книга выйдет в ближайшем будущем в издательстве «Перекличка».

Прошлый, 1988 год был посвящен воспоминанию и торжественному прославлению величайшего события нашей истории, 1000-летия Крещения Руси. Не только на нашей родине и в эмиграции, но и во всем культурном мире этому юбилею было уделено особое внимание. Даже атеисты признали, что Православие сыграло огромную роль, как в деле создания и строительства Российского государства, так и в становлении и развитии нашей культуры.

К сожалению, на пути исторического развития Российского государства, помимо блестящих страниц, которыми мы вправе гордиться, было немало и темных. О них нам тоже следует помнить. Одной из таких было событие, происшедшее 71 год тому назад — заключение позорного для России Брест-Литовского мира, который даже сам творец его Ленин назвал «похабным».

По условиям этого мира Россия теряла Польшу, Украину, Крым, Финляндию, Прибалтику, Литву, Грузию, Батум, Карс и Ардаган, т.е. 27% своей территории, 26% населения (56 миллионов), 33% фабрик и заводов, 26% железнодорожной сети, 89% каменного угля, 73% железной руды, 32% урожая, обязывалась демобилизовать армию, разоружить флот и уплатить огромную по тому времени 3-х миллиардную контрибуцию хлебом, рудой и другим сырьем.

С потерей вышеуказанной территории Россия отказывалась почти отрезанной от Балтийского и Черного морей, лишалась

удобных оборонительных рубежей, целого ряда культурных и промышленных центров, очень важных железнодорожных узлов и превращалась в новую базу австро-германцев, из которой они могли черпать военные материалы, сырье, продовольствие и живую силу (военнопленные австро-германцы подлежали немедленному возвращению на родину), что давало им возможность продолжать войну.

Описывая это событие, советские историки и журналисты стараются уверить читателей, что при создавшихся в то время условиях продолжение войны было невозможным и решение Ленина немедленно заключить мир было правильным и мудрым. Положение они описывают так: «Война. Она шла уже почти 4 года. В сотнях, тысячах писем, резолюций и донесений, шедших в органы Советской власти с фронта, слышалось одно: „Мы захлебнулись в крови. Мы воевать не можем“. Нарастала стихийная демобилизация. Солдаты, в основном крестьяне, тянулись к земле...

В таких условиях война для Советской России была невозможна... Заключение мира, наоборот, давало „известный период развязанных рук для продолжения и закрепления социалистической революции"... Но как ни тяжел был этот мир, пойти на него было необходимо».

Никто не станет отрицать того, что русская армия в то время была действительно деморализована, что солдат-крестьян тянуло домой, чтобы не опоздать к дележу земли, что с такой армией продолжать войну было, действительно, трудно. Однако, прочитав эти строки, невольно возникает недоумение: как могло случиться, что наша армия, будучи в 1915 году почти безоружной и, вследствие этого, потерпевшая сильное поражение и понесшая огромный урон в живой силе, не только не потеряла воинского духа, но, наоборот, в следующем году настолько окрепла, что нанесла врагу сильнейший удар и к началу 1917 года, получив достаточное количество вооружения и боевой техники, была вполне готова, вместе со своими союзниками, нанести сокрушительный удар противнику, находившемуся уже в крайне тяжелом положении и победоносно закончить войну, вдруг... в течение всего нескольких месяцев, эта грозная сила превратилась в толпы, потерявших не только воинский дух, но и всякую совесть, людей, способных лишь на грабежи, пьянство, насилия, убийства и дезертирство? Об этом почему-то даже в эпоху «гласности» советские журналисты скромно умалчивают. Постараемся

ответить на этот вопрос и изложить все предшествовавшие заключению мира события так, как они происходили в действительности.

Когда началась война, Ленин, находившийся тогда со своими приверженцами в Кракове, как русский подданный, был арестован местными властями. Однако, по распоряжению «высших сфер» был немедленно освобожден и перевезен в Швейцарию. По отношению к войне он сразу же занял пораженческую позицию, охарактеризовав войну, как империалистическую, грабительскую, разбойничью, начатую царским правительством для удушения и ограбления слабых народов. «Революционный класс, — писал он, — в революционной войне не может не желать поражения своего правительства...» На состоявшихся в 1915 году в Циммервальде и в 1916 году в Кинтале «международных социалистических конференциях» к провозглашенному там лозунгу «Мир без аннексий и контрибуций на основе самоопределения народов» Ленин сделал добавление: «Превратить международную борьбу в гражданскую».

Еще до начала войны в высших германских кругах возникла идея, что ускорить военное поражение врагов можно путем распространения среди вражеских солдат пораженческой пропаганды, поддержания сепаратистских движений в стане врага, организацией там забастовок и прочими политическими методами. На организацию и проведение этих акций были ассигнованы миллионы германских марок и австрийских крон. Задача состояла в том, чтобы найти людей и организации, которые взялись бы выполнить эту работу на неприятельской территории. И такие люди и организации нашлись.

Еще до июльского восстания большевиков Временное правительство получило сведение о сношениях большевиков с немцами. К русским военным властям явился прапорщик Ермоленко и доложил, что немцы освободили его из плена с тем, что он будет вести в русской армии пропаганду против войны. Он сообщил также, что ему известно, что Ленин за свою пораженческую пропаганду получает от немцев деньги.

К 1921 году лидер правых немецких социал-демократов Эдуард Бернштейн опубликовал статью, в которой сообщал, что большевики на свою работу получили от германского правительства 50 миллионов золотых марок. О сотрудничестве большевиков с немцами писали Бурцев, Милюков и Мельгунов, но никто из них не мог подтвердить свои обвинения документами. После II

Мировой войны были найдены и опубликованы документы германского министерства иностранных дел, которые полностью подтверждают, что большевики, во главе с Лениным, вели свою разрушительную работу в России на немецкие деньги.

Немецко-большевистское сотрудничество началось следующим образом.

Член РСДРП Парвус, находившийся в начале войны в Константинополе, обратился к германскому послу с предложением оказать Германии помощь. 13 января 1915 года он был принят в Главной квартире имп. Вильгельма. 9 марта он подал министерству иностранных дел меморандум, в котором предлагал проведение в России массовой забастовки, которая, как минимум, должна парализовать все железные дороги, ведущие к фронту. Далее он считал необходимым оказать поддержку украинским, кавказским и тюркским сепаратистам. Но главное, внимание он советовал обратить на поддержку большевистской и меньшевистской партий, которые ведут борьбу с русским правительством. В заключение Парвус предлагал начать материальную поддержку большевистской группе социал-демократов, которая борется с царским правительством, и вожди которой находятся в Швейцарии. Для начала этой работы Парвус потребовал два миллиона золотых марок. Его требование было удовлетворено. Через две недели ему было выплачено еще 500 тысяч золотых марок. 6 июня министр иностранных дел фон Ягов требует от казначейства 5 миллионов золотых марок на помощь революционной пропаганде в России.

Парвус быстро устанавливает связь с Лениным и его группой. 4 апреля 1917 г. (нов. стиля) немецкий посланник в Берне посылает в Берлин телеграмму, в которой сообщает, что от имени группы русских социалистов и их вождей Ленина и Зиновьева пришел секретарь с.-д. партии с просьбой о немедленном разрешении их проезда через Германию: все должно быть сделано, чтобы перебросить их в Россию как можно скорее... в высшей степени в наших интересах, чтобы разрешение было выдано сразу.

Имп. Вильгельм тоже принял активное участие в этом деле. Он распорядился, чтобы русских социалистов перебросили через линию фронта, если Швеция откажется их пропустить. 21 апреля (нов. стиля) Главная квартира сообщает министру иностранных дел: «Въезд Ленина в Россию прошел успешно. Он работает точно так, как мы желали».

После переезда Ленина в Россию германское правительство продолжает заботы о нем и его денежных делах.

Когда, после июльского восстания большевиков, Временное правительство издало приказ об их аресте, то германское правительство было этим очень обеспокоено. Своему послу в Копенгаген оно послало следующую телеграмму: «Подозрение, что Ленин германский агент было энергично опровергнуто в Швейцарии и Швеции по нашему наущению. Поэтому все следы рапортов по этому вопросу, предположительно сделанных германскими офицерами, были тоже уничтожены».

16 сентября (нов. стиля) государственный секретарь сообщает в Главную квартиру: «Военные операции на Восточном фронте, широко запланированные и проведенные с большим успехом, были поддержаны интенсивной подрывной деятельностью министерства иностранных дел внутри России.... Наша работа дала конкретные результаты. Большевицкое движение никогда не смогло бы достичь тех масштабов и того влияния, которое оно имеет сейчас, если бы не наша непрерывная поддержка».

И после захвата Лениным власти, германское правительство продолжает оказывать ему материальную помощь. 9 ноября (нов. стиля) германский государственный секретарь требует от казначейства 15 миллионов золотых марок на политическую работу в России. *

Когда вспыхнула революция, несмотря на различное к ней отношение, армия, в общем, приняла ее спокойно и даже с известной надеждой, что теперь война будет вестись с большим успехом, что теперь победа уже близка... У командного состава не было ни малейшего сомнения в том, что любой его боевой приказ будет беспрекословно исполнен.

Первый удар по армии был нанесен приказом «Номер 1», изданным Советом рабочих депутатов, в котором главную роль играли социалисты-интернационалисты и большевики. 14 марта тот же Совет издал обращение к народам всего мира, призывая «начать борьбу за прекращение войны — мир без аннексий и контрибуций», в котором, однако, говорилось, что «русская революция не отступит перед штыками завоевателей», т.е. об обороне страны. Несмотря на проводимую «демократизацию» армии, русский фронт продолжал держаться еще прочно и

---

* Здесь приведены лишь некоторые документы. Более подробный их перечень можно найти в сборнике статей проф. С. Г. Пушкарева «Ленин и Россия».

приковывал к себе громадные силы противника — 165 дивизий.

С появлением в России Ленина положение на фронте и в стране стало быстро меняться.

На другой день по своем приезде Ленин провозгласил свои тезисы, в которых говорил о том, что «буржуазная» революция закончена и надо переходить к осуществлению «социалистической» революции. Он выбросил лозунги: «Никакой поддержки Временному правительству!» и «Вся власть Советам!». Немедленно должна быть прекращена «захватническая» война; все помещичьи земли должны быть переданы крестьянам; на фабриках и заводах должен быть введен рабочий контроль.

Вначале эти тезисы не имели успеха не только в армии и стране, но с ними не были согласны многие руководящие члены большевистской партии. Они считали, что Россия еще не созрела для социалистической революции.

3 июня открылся I Всероссийский съезд советов. Несмотря на то, что Ленин со дня своего приезда вел усиленную пропаганду и агитацию, на этом съезде из тысячи делегатов оказалось всего лишь 105 большевиков, и ЦК было выбрано оборонческое.

Чтобы создать впечатление, что война уже закончена, немцы прекратили военные действия и стали приглашать русских солдат к себе в окопы «в гости».

Большевистско-германская пропаганда быстро начала действовать на солдат. Боеспособность русской армии стала резко падать. Армия начала таять (дезертирство) и разлагаться.

Вскоре из США приехал с группой эмигрантов в Россию будущий ближайший помощник Ленина Троцкий (Бронштейн). По дороге его арестовало британское правительство, как известного врага России, Англии и Франции. Но Временное правительство потребовало его освобождения.

Захватив власть, Ленин сразу же начал переговоры о мире. 3 декабря было объявлено перемирие, и в Брест-Литовск прибыли советская и австро-германская делегации.

Добываясь власти, Ленин обещал закончить войну «без аннексий и контрибуций». В ноябрьских столбцах «Правды» Каменев и Троцкий собирались не только заставить германского кайзера говорить с русскими революционерами «как равный с равными», но и «посадить весь германский империализм на скамью подсудимых». «Но (по признанию Бухарина) „русский

опыт" не завлек западно-европейский пролетариат на стезю немедленного осуществления социальной революции в мировом масштабе», и немцы предъявили такие тяжелые требования, что даже советская делегация, состоявшая из интернационалистов-пораженцев, не рискнула на них согласиться и, прервав переговоры, покинула конференцию.

Когда стали известны германские условия, в партии началось возмущение. Большинство членов ЦК выступило против Ленина, требовавшего заключения мира на любых условиях. Но Ленина интересовали не условия мира и не будущее России, ему нужно было сохранить власть над Россией, чтобы создать плацдарм для мировой революции. Возобновление войны могло вызвать патриотический подъем, который мог смести советскую власть и разрушить все его планы. «Несомненно, мир похабный, но, если начнется война, то наше правительство будет сметено, и мир будет заключен другим правительством», — говорил он 11 января 1918 г. на совещании вождей компартии. На предложение Троцкого, предлагавшего затягивать переговоры в ожидании пробуждения самодеятельности германского пролетариата, Ленин ответил: «...но ведь Германия только еще беременна революцией, а у нас уже родился вполне здоровый ребенок — социалистическая республика, которого мы можем убить, начав войну.... Нам необходимо додушить буржуазию, а для этого необходимо, чтобы у нас были свободны обе руки».

После ожесточенных споров победила формула, предложенная Троцким — «не война и не мир». Прибыв в Брест-Литовск, 28 января Троцкий заявил немцам, что Советская Россия войну прекращает, армию демобилизует, но мира не подписывает. На немцев это заявление произвело впечатление разорвавшейся бомбы. «Неслыханно», — сказали они.

Большевистские вожди думали, что «пруссские генералы» не осмелятся повести войну на революционную Россию. Но они не испугались угрозы русских коммунистов. 3 февраля немецкое командование заявило о прекращении перемирия с 12 часов дня 18 февраля и начало наступление. Остатки деморализованной и, после убийства ген. Духонина, лишенной возглавления русской армии не могли оказать никакого сопротивления, и вскоре Двинск, с его громадными военными складами, а затем и Псков были заняты германскими войсками. Германская армия стала быстро продвигаться.

4 февраля «ленинцы» потребовали срочно предложить Германии вступить в новые переговоры для подписания мира, но

остались в меньшинстве (5 против 6). На следующий день Троцкий предложил продлить его тактику в ожидании эффекта, который получится от нее в Германии. Но и это предложение не было принято. В это время пришло известие о падении Двинска. «Игра зашла в такой тупик, что крах революции неизбежен», — заявил Ленин. «Ждать» — это значит сдавать «русскую революцию на слом.... если революционная война, то ее надо объявить, прекратить демобилизацию», а сказать, что «демобилизация прекращена — это значит слететь».

На вечернем заседании 18-го точка зрения Ленина собрала большинство голосов (7 против 6). В Берлин пошла радиотелеграмма о том, что Совнарком «видит себя вынужденным подписать мир на тех условиях, которые были предложены делегации в Брест-Литовске».

Немцы, не останавливая наступления, 22-го прислали ультиматум (со сроком в 48 часов) с новыми условиями, которые были значительно хуже прежних, — отказ от Прибалтики, очищение без всякого промедления Украины, полная демобилизация армии, разоружение флота, передача Турции Карса и пр.

Ленин требовал немедленного заключения мира, грозя выйти из Совнаркома и из ЦК. В ночь с 23-го на 24-ое в ЦК произошло решительное голосование, на котором, благодаря Троцкому (он и его сторонники воздержались при голосовании) победа осталась за Лениным (7 голосов за, 4 против, 4 воздержались). В ту же ночь в заседании ВЦИКа большинством 126 против 85 при 26 воздержавшихся было решено германский ультиматум принять и послать немцам соответствующую телеграмму. А находившаяся во время заседания на хорах публика кричала: «Изменники... предатели... Иуды... шпионы немецкие...»

В ночь на 25-ое новая делегация выехала в Брест. Немцы продолжали наступать, несмотря на протесты и требования советской делегации. В Смольном был переполох, и считали уже, что переговоры прерваны. Но тщетны были истерические призывы к стране спасать социалистическую республику. Никто на эти призывы не откликнулся.

Не имея возможности даже представить свои возражения, советская делегация принуждена была беспрекословно подписать представленные условия мира. Произошло это 3 марта (нов. стиля). 15 марта договор был ратифицирован съездом советов (784 голосами против 261 при 115 воздержавшихся).

Заклячая мир, Ленин полагал, что сразу можно будет произвести обмен военнопленных и, тем самым, перебросить в Германию «громадную массу людей, видевших нашу революцию на практике; обученные ею, они легко смогут работать над пробуждением ее в Германии».

Интересную сцену, характеризующую отношение населения к введущимся мирным переговорам, записал один из социал-демократов (Горн), находившийся в Пскове, когда там временно пребывала Брист-Литовская делегация. «Растерянные и съезжившиеся члены революционной делегации проходили из гостиницы сквозь живой корридор немецкого караула, а напиравшая толпа, неистовствуя, кричала: „Разбойники! Грабители! Христопродавцы! Ироды! Погубили Россию!”»

На IV съезде, «чтобы покончить с прошлым», решено было перенести столицу в Москву. Когда Совнарком выезжал из Петрограда, в ночь с 10 на 11 марта на станции Малая Вишера поезд был окружен отрядом матросов в 400 человек и 200 солдат, которые намеревались учинить расправу с «жидовским» правительством, продавшим Россию немцам и вывозящим с собой золото. Положение спасли латышские стрелки.

Юрий Вл. Измestьев.

Царские генералы на красной стороне

Российская смута 1917 года обязана своим возникновением не только врагам России, внешним (немцам) и внутренним (левым партиям), но в значительной степени отсутствию решительного сопротивления внутренним врагам со стороны лиц, несших на своих плечах сложную структуру государственной власти, и других лиц, несших на себе бремя военного командования и организации тыла.

Великая война 1914 года была проиграна в значительной степени на улицах Петрограда, также как война во Вьетнаме, которую вели Соединенные Штаты, чтобы пресечь социалистическое рабство в Индокитае, была проиграна на улицах Вашингтона.

Виновников трагического исхода русской смуты 1917 года из числа военных и гражданских лиц Императорского и Временного правительства можно легко перечислить, и каждый их роковой шаг проследить по той обширной литературе, которая в настоящее время доступна.

Все ли знают, что трамвай ходил без перерыва в Петрограде, пересекая Неву по Дворцовому мосту, когда рядом, меньше чем в полуверсте, банда матросов входила вечером 25 октября с/с через незапертую заднюю дверь Зимнего дворца, чтобы арестовать членов Временного правительства? Этот арест и называется предтечами Горбачева «октябрьской революцией», — Горбачева, который многократно объявлял, что он состоит в числе истинных и верных поклонников Владимира Ульянова (большее известное под кличкой «Ленин»). Сопротивления бандам Ульянова и Лейбы Бронштейна (известного под кличкой «Троцкий») Временным правительством не оказывалось. Быть может, самым сильным сопротивлением были хлопоты графини С. В. Паниной, чтобы с Петропавловской крепости не стреляли по городу.

Мы, вернее, наша сторона, виновата полностью и целиком в так называемой «революции 1917 года». Умные журналисты в Америке называют ее захватом власти. Только генерал Алексеев, поздно сообразив о содеянном, и генерал Корнилов организовали

на юге доблестное, но слабое сопротивление армиям Лейбы Бронштейна. Не один Бронштейн (бывший нью-йоркский портной) победил доблестную Белую армию, а царские генералы, возглавлявшие бронштейновские армии, победили своих же бывших соратников, многие из которых были их товарищами по кадетским корпусам, военным училищам и академии Генштаба. То, что русский читатель прочтет в следующих строках, приведет, вероятно, его в изумление.

СТО ВОСЕМЬДЕСЯТ ПЯТЬ ГЕНЕРАЛОВ ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА ИМПЕРАТОРСКОЙ АРМИИ СОСТОЯЛО В КОРПУСЕ ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКОЙ КРАСНОЙ АРМИИ (РККА) в годы с 1918 по 1920. В это число не входят генералы, состоявшие на других должностях в РККА. Большинство из 185-ти состояли на службе в РККА добровольно, и только шесть по мобилизации. Списки взяты из книги А.Г. Кавтарадзе «Военные специалисты на службе Республики Советов 1917-1920 гг.». Академия Наук СССР, 1988 г. В том же списке генералов Генерального штаба Императорской армии, служивших в генеральном штабе РККА, включены офицеры в чине полковника, подполковника и капитана. Весь список (включая генералов) составляет 485 человек.

Для того, чтобы оценить оглушающую цифру в 185 генералов на службе РККА, интересно сравнить ее с цифрой числа генералов Генерального штаба в канун Великой войны. На 18 июля 1914 года в корпусе офицеров Генерального штаба (Генштаба) состояло 425 генералов. В конце войны их было, несомненно, больше. Показательной цифрой будет все-таки отношение 185 к 425, что составляет 44%. Сорок четыре процента царских генералов от общего их числа в канун войны перешли на службу РККА, т.е. служили на красной стороне; из них шесть генералов служили по мобилизации, остальные добровольно.

Стоить назвать этих шестерых генералов, не пожелавших добровольно служить в РККА и служивших помимо желания, по мобилизации, т.е. по принуждению, что делает им честь. Все шесть генерал-майоры: Алексеев (Михаил Павлович, 1894), Апухтин (Александр Николаевич, 1902), Верховский (Александр Иванович, 1911), Солнышкин (Михаил Ефимович, 1902) и Энгель (Виктор Николаевич, 1902). В скобках указаны годы окончания ими Академии Генерального Штаба. В чинах полковников, подполковников и капитанов значится также весьма большое число лиц, служивших в РККА. Общая цифра — в 485 офицеров.

царского Генерального штаба, как и цифра 185 числа генералов в этом списке, служивших в Генеральном штабе РККА, также неожиданна.

Из числа других кадровых офицеров Императорской армии значится 61 человек, из них 11 в чине генерала, в списке под заглавием «Военные специалисты — командующие армиями». (Вероятно, этот список надо понимать в том смысле, что 61 человек занимали высокие командные должности в РККА, так как 61 армии не могло существовать у красных.)

Список, указывающий 185 царских генералов на службе РККА, следует понимать, по-видимому, в том смысле, что большинство из них в чине генералов работали в советских штабах, и из их числа 11 человек на фронтах.

Автор источника, послужившего основанием настоящей статьи, приводит многочисленные документы, по которым он составил свои списки, что устраняет сомнения в их верности.

Кроме офицеров Генерального штаба, составлявших советский Генеральный штаб, автор приводит списки офицеров по родам оружия и специальностям, не входившим в советский Генеральный штаб.

В их числе было также много офицеров в генеральских чинах. Не приводя их фамилии, укажем их число:

Чин в царской армии

	генералы	полковники	подполковники
Кавалеристы	10	15	5
Стрелковые артиллеристы	19	22	11
Военные инженеры	11	10	10
Военные летчики	—	4	4
Военные железнодорожники	2	6	—
Бронесилы	1	2	4
Специалисты стрелкового дела	2	2	—
Пограничники	4	6	4
Артиллеристы-инженеры	23	9	3

Административная служба	9	16	7
Интендантское ведомство	5	13	1
Военно-учебное ведомство	13	12	1
<hr/>			
Всего	99	117	50

Если добавить к предыдущей цифре офицеров в генеральском чине в Главном штабе РККА 185, цифру в вышеприведенной таблице 99, общее число царских генералов на советской службе составит 284 человека. Цифра 284 настолько внушительная, что она вызывает сомнение. Не включил ли советский историк офицеров царской армии, которые в действительности не служили на красной стороне?

Предположение может быть следующее: советский историк мог включить в эти списки расстрелянных офицеров царской армии в целях показать читателю, что на советской военной службе состояло большинство царских офицеров, особенно в генеральских чинах. Проверить такое предположение можно только опубликовав в зарубежной печати фамилии перечисленных в списках советского историка и просить потомков кадровых офицеров Императорской армии и гвардии проверить советский источник.

Из моего опыта жизни в СССР, который частично описан в моих «Воспоминаниях», печатающихся в зарубежной печати, например, в газете «Русская жизнь» в Сан-Франциско, я могу привести несколько примеров офицеров, оставшихся на красной стороне. В их числе — мой дядя (брат моей матери) Лаврентий Лаврентиевич Буман, черный гардемарин и мичман флота производства 1916 года. Затем Бек-Агамалов, белый гардемарин, мичман флота, и Кедров, который был в чине капитана 2-го ранга советского флота. Все трое ненавидели советскую власть, как и весь народ ее тогда (до советско-германского конфликта 1941 года) ненавидел. Вероятно, ненавидят и теперь. Все трое были преподавателями Военно-политической академии имени Толмачева в Петрограде. Никто из них не был членом компартии СССР.

Мой дядя Буман остался на красной стороне по инерции. Он жил в Петрограде в 1917 году, женился и бежать на юг с молодой женой не мог или не хотел и не вдавался в политику. Он был мобилизован красными в 1918 году в Волжскую флотилию, потом был долгие годы штатским, а затем поступил в упомянутую

академию, из которой был вскоре уволен за переписку с заграницей. Агамалов и Кедров продолжали служить в академии, но прекратили знакомство с моим дядей после его увольнения. Упомяну еще Беллевича, офицера флота, которого я встретил в 1935 году во Владивостоке, где он командовал шхуной «Работница» на положении ссыльного. Позже он умер на золотых приисках на Колыме.

Таким образом, даже из моего очень узкого круга знакомых в советском Петрограде видно, что военные царского времени в СССР оставались и, по-видимому, их действительно было много.

Заканчивая этот печальный очерк о царских офицерах на красной стороне, задаю себе вопрос: можно ли этих достойных русских людей, которые готовили себя к военной карьере в царское время, трудной карьере, требующей большого самопожертвования, из них 185 человек воспитанников Академии Генерального штаба, обвинять в измене России?

На этот вопрос каждый может ответить только по голосу совести. И ответы будут разные. Трагично, что они остались у красных. Их участие в Белом движении у Деникина могло бы повернуть историю России по иному пути. История их должна осудить. Они — изменники русскому делу. В личном плане я не могу им бросить камень упрека: они неправы, но виноваты ли они?

Если говорить о вине, то гораздо более виноваты генералы, командующие армиями, которые в канун отречения, нарушив присягу, изменили Государю.

Б. Бровцын.

ОТЪ РЕДАКЦИИ: мы располагаем поименным списком офицеров Генерального штаба, перешедших на службу в РККА.

Первый Сибирский Императора Александра I Кадетский Корпус

---

175 ЛЕТ СО ДНЯ ОСНОВАНИЯ 1 МАЯ 1813 ГОДА

Составлено на основании истории корпуса, напечатанной
в г. Шанхае в 1940 году, копии «Звериады» корпуса
и личных воспоминаний

Сан Франциско
Калифорния
1988 г.

Составил СОКОЛОВ, ВАЛЕНТИН
(96 выпуска) по поручению
бывших воспитанников корпуса.

Передний фасадъ здания, подвергнувшійся обстрѣлу красноармейцевъ 6-го февраля 1918 г

ИСТОРИЯ Сибирского кадетского корпуса

- 1813-1826 гг.: «ВОЙСКОВОЕ КАЗАЧЬЕ УЧИЛИЩЕ»,
г. Омск.
1813 г.: учеников — 30.
1815 г.: учеников — 180.
1819 г.: учеников — 332.
- 1826-1845 гг.: «УЧИЛИЩЕ СИБИРСКОГО ЛИНЕЙНОГО ВОЙ-
СКА».
- 1845-1866 гг.: «СИБИРСКИЙ КАДЕТСКИЙ КОРПУС».
1846 г.: кадет — 238.
- 1866-1882 гг.: «СИБИРСКАЯ ВОЕННАЯ ГИМНАЗИЯ».
1866 г.: учеников — 310.
- 1882-1907 гг.: «СИБИРСКИЙ КАДЕТСКИЙ КОРПУС».
1903 г.: приказ о пожаловании знамени.
- 1907-1913 гг.: «ОМСКИЙ КАДЕТСКИЙ КОРПУС».
1907 г.: вручение знамени.
- 1913-1917 гг.: «ПЕРВЫЙ СИБИРСКИЙ ИМПЕРАТОРА АЛЕК-
САНДРА I КАДЕТСКИЙ КОРПУС».
1913 г.: столетний юбилей.

- 1917-1918 гг.: «СИБИРСКАЯ ГИМНАЗИЯ ВОЕННОГО ВЕДОМСТВА» (после революции). Знамя и винтовки тайно увезены в Петроград.
- 1918-1925 гг.: «ПЕРВЫЙ СИБИРСКИЙ КАДЕТСКИЙ КОРПУС» (1918 г., ноябрь).
- 1919 г.:
30 июля: отъезд из Омска.
30 августа: приезд во Владивосток.
- 1922 г.:
25 октября: уход из Владивостока на кораблях Сибирской флотилии.
4 декабря: гибель в бурю к/л «Лейтенант Дыдымов» и с ним 14 сибирских и 19 хабаровских кадет.
31 декабря: высадка в Шанхае; вскоре — возобновление учения.
- 1924 г.:
февраль-ноябрь: отплытие корпуса двумя группами в Югославию.
9 декабря: прибытие в Сплит.
- 1925 г.:
1 февраля: закрытие Первого Сибирского кадетского корпуса в Сплите.

1 мая 1988 года исполнилось 175 лет со дня основания корпуса в 1813 году в Омске

В начале 19 столетия 10 полков Сибирского Казачьего Войска в Западной Сибири испытывали нужду во всесторонне образованных офицерах. В то время местное население состояло главным образом из киргизов-кочевников, еще не окрепших в верноподданстве России и чуждых нашему развитию и нравам. Такое положение порой являлось причиной восстаний, при поддержке соседних стран.

Для развития и умиротворения края нужны были не только военные начальники, но и руководители. Тогда Сибирское Казачье Войско открыло 1 мая 1813 года «Войсковое Казачье училище» на

Юбилейное знамя.

30 мальчиков, по 3 на каждый полк: 2 казеннокоштных и 1 своекоштный. Крайняя нужда в такой школе подтвердилась притоком учеников с 30 в 1813 году до 332 в 1819 году. Обмундирование было по образцу Сибирского Казачьего Войска. Одно время ученики носили отмененную форму Сибирской конно-артиллерийской бригады с лакированными киверами с кутасами (шнурами) и этишкетами (шнур вокруг шеи к киверу), лядунками

(зарядная сумка) с перевязями и драгунскими саблями с порту-
пеями.

Училище делилось на сотни. Помимо обыкновенных наук, включая танцы, в различное время преподавались для нужд края сельское хозяйство, строительство, медицина, ветеринария, администрация, судопроизводство государственное и обычное право (местное) для применения к туземцам, русских законов не знавших. В разное время существовало от 3-х до 10-ти классов. Ученики выпускались по способностям офицерами, учителями, урядниками, писарями и мастеровыми. Одно время в офицеры выпускались только на свободные должности, и тогда в девятом классе засиживались «до требования». Школа содержалась на войсковые средства и на налог с рыболовных промыслов по реке Уралу.

В 1845 году училище было переименовано в «СИБИРСКИЙ КАДЕТСКИЙ КОРПУС». Туда принимались «...сыновья офицеров отдельного Сибирского корпуса и сыновья гражданских чинов из дворян, служащих или служивших в Сибири...»

Были учреждены особые курсы для детей киргизских султанов и киргизов с военными или гражданскими чинами. Также допускались особые льготы для детей бедных офицеров и сирот. Из состава в 320 казеннокоштных кадет, 40 вакансий предназначалось для сыновей чиновников, остальное — сыновьям офицеров.

В 1862 году был прекращен выпуск офицеров из корпуса, так как для этой цели открылись военные училища.

С 1866 года по 1882 корпус назывался «Сибирской Военной Гимназией», и требования к невоенным наукам были сильно повышены. После 1882 года название «Сибирский Кадетский Корпус» было восстановлено, с увеличением военных знаний и сокращением невоенных. С 1907 года по 1913 корпус назывался «Омским Кадетским Корпусом», так как на территории Сибири были открыты Хабаровский и Иркутский корпуса. В 1907 г. корпусу вручено было знамя.

Жизнь Омского корпуса мало чем отличалась от жизни других корпусов.

В 1913 году в день столетия корпусу было пожаловано шефство ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I, и корпус стал называться «ПЕРВЫМ СИБИРСКИМ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I КАДЕТСКИМ КОРПУСОМ». Кроме того, были пожалованы серебряные фанфары с прапорами.

После революции 1917 г. правительство Керенского переименовало корпус в «Сибирскую гимназию военного ведомства». По его же распоряжению знамя было тайно от кадет вывезено в Петроград и сдано новому правительству. В кровавые дни власти большевиков в Омске кадетам запретили носить погоны. Оберегая их от грубых издевательств, 18 января 1918 г. (ст. ст.) кадеты похоронили свои погоны. После вступления Белой армии в Омск в 1918 г. в ноябре корпус стал снова именоваться «Первый Сибирский кадетский корпус». 30 июля 1919 г. с отступающей Белой армией кадеты покинули родное гнездо в Омске и через месяц осели во Владивостоке на Русском Острове.

В Омске здания корпуса отвечали всем нуждам, но были скромней, чем во многих других кадетских корпусах. Не было общего сборного зала.

На Русском Острове роты размещались вблизи бухты «Рында» в трех отдельных смежных казармах в 3 этажа из красного кирпича. На нижних этажах находились службы и столовая. Классы помещались на вторых этажах, а спальни на третьих. В четвертой казарме, в отдалении от других, жили служители, а воспитатели и преподаватели помещались в отдельных офицерских каменных домах из 3-4 комнат со всеми удобствами, включая электричество. Эти дома были широко разбросаны по холмам в лесу и соединялись проезжими дорогами. Трудно представить себе что-либо лучшее.

Природа на острове — роскошная; дикий, но съедобный виноград, малина, грецкие орехи. Я нигде не видел такого изобилия полевых цветов, включая орхидеи, а также птиц, бабочек и геологических окаменелостей.

С острова во Владивосток ходил 2-3 раза в день катер. Много глубоких бухт врежется в остров, диаметром приблизительно в 10 миль.

Остров являлся главной защитой Владивостока, с очень сильными и «современными» тогда фортами. С началом 1-й Мировой Войны они были разоружены и гарнизон уведен на запад, поэтому там осталось много свободных помещений, а населения почти не было. Не было ни ресторанов, ни кафе, ни лавок. Около нас китаец открыл маленькую лавченку.

Там же жило несколько китайских и корейских фермеров. Мы могли уходить из казарм когда угодно. Конечно, к урокам, еде, сну и церковным службам возвращались. Одно время красное

правительство разрешило на Закон Божий и церковные службы не ходить; сразу же 7-й класс запретил «ловченье» от Закона Божьего и церкви.

У нас было несколько больших парусных и весельных лодок, и на них мы совершали многодневные поездки по окружным островам.

Скоро образовались группы «музейщиков», «натуралистов», «парковщиков» и «покосников». Они создавали музей естественной истории, строили парк около корпуса, косили сено для рабочих лошадей. Оркестр, хор, сцена занимали у всех все остальное время. (Были, конечно, и «кобеля», которые думали только о танцах и вечеринках.)

Все жили впроголодь, а зимой в холоде. Обмундирование было то румынское, светло-серое, то английское. Но также для всех в цейхгаузах хранились старые формы. Их выдавали для парадов и отпусков. Седьмой класс имел винтовки, когда политической строй был на нашей стороне. Многие из 1-й роты участвовали в восстаниях против красных, и один из них, Михаил Блосфельд, был ранен 30 марта 1921 года и умер от ранения. Его похоронили на Русском Острове на «кадетском» кладбище около бухты Бабкина.

Летом многие из 1-й роты разбредались по всяким военным отрядам, а осенью возвращались учиться. Некоторые из них, испытав «взрослую» жизнь, мало подходили к кадетской, но пользовались уважением за свою «бывалость».

Часто, особенно когда портилось электричество, собирались и пели хором наши любимые песни: «Ревела буря, дождь шумел», «Из-за леса копий и мечей», «Вот казаки идут, разговоры ведут». Пели очень хорошо, на несколько голосов, с запевалой, подголоском, с присвистом и гиканьем.

Пришел конец ужасной гражданской войне, и 25 октября 1922 года первую и вторую роты посадили на корабли Сибирской флотилии, также и Хабаровский кадетский корпус, помещавшийся там же на Русском Острове, но далеко от нас. Третью роту разобрали родители, а оставшихся поместили в местные приюты, и о судьбе их мы не знаем.

Никогда не забуду печальный строй малышей 3-й роты под командой инспектора классов полковника Забуги, вышедших нас проводить. Судьба их как «социально чуждых» красному строю была, конечно, страшной.

Путь в Шанхай для малопригодных кораблей был трудным, и в шторме погибла канонерская лодка «Лейтенант Дыдымов» и с ней 14 сибирских и 19 хабаровских кадет. Гибели ее никто не видел, и следов не осталось.

В Шанхае сибиряков и хабаровцев, со всеми служащими и их семьями втиснули в один большой особняк на международной концессии. Спали на полу сколько можно было уложить. Вскоре сделали общие нары. Сразу же начали продолжать учение без учебников, больше по лекциям.

Потом корпуса разместили в разных зданиях — Сибиряки остались на международном «сеттльменте», а Хабаровцы переехали на французскую концессию, и во время китайских беспорядков французы выдали первой роте винтовки. Мы, сибиряки, завидовали такой чести.

Кормили нас лучше, чем на Русском Острове.

Я кончил корпус в Шанхае в 1923 году — 96-й выпуск. Выпускной бал был роскошным, в одном из лучших «Ball Room» в городе — «Carlton», с очень хорошей программой. Бал устроили на коммерческую ногу, и он дал хороший приход. Себя мы показали отличными кавалерами и танцорами.

Лучшим моментом нашей жизни в Шанхае было участие наших двух оркестров в исполнении увертюры «1812 год» совместно с городским симфоническим оркестром. Наши музыканты были в мундирах. Справа от симфонического оркестра — белые погоны, слева — черные.

Вскоре после нашего приезда образовался международный комитет, главной задачей которого было вывезти куда-то наши корпуса, не подходящие для города в 5 миллионов китайцев, с белым населением только в 25 тысяч человек. Была устроена денежная лотерея, и по получении согласия Югославии кадет отправили туда двумя группами в феврале и ноябре 1924 года.

Большинство привезли в Югославию в г. Сплит на французском пароходе «Portos» (22,000 тонн), ушедшем из Шанхая 6 ноября 1924 года. На этом же пароходе плыл и Хабаровский корпус. Кадеты помещались в трюмах с нарами и перилами между местами. Начальство находилось в каютах 3 класса. Кормили сносно. В портах пускали на берег небольшими группами. Оркестры и хоры обоих корпусов развлекали с большим успехом не только своих, но и пассажиров. По пути заходили в Гонконг, Сайгон, Коломбо, Джибути, Суэц, Порт Саид и прибыли в Сплит 9

декабря. Там корпуса поместили в казармах 11-го полка.

1 февраля 1925 года оба корпуса были закрыты и перевезены в г. Груж.

Приказ по 1-му Сибирскому Императора Александра I кадетскому корпусу

№ 32, 1 февраля 1925 года. Город Сплит.

Дорогие кадеты Александровцы! Сегодня, 1 февраля 1925 года воспитавший вас 1-й Сибирский Императора Александра I кадетский корпус прекращает свое существование. Как спаянная любовью семья стремится продлить дни находящегося на смертном одре любимого прадеда, так и мы, да будет это нам в утешение, сделали все от нас зависящее чтобы отдалить на несколько лет оказавшуюся, увы, неизбежной кончину дорогого нам корпуса.

Сохраните же навсегда незапятнанной светлую память об орлином гнезде-питомнике героев, 112 лет дарившем Родине самоотверженно стойких и безупречно верных работников на всех поприщах Государственной службы.

Запечатлейте как святыню в своих юных сердцах вензель „А-I“, который вы с гордостью носили на погонах, и да останется он для вас навеки эмблемой чести и благородства, которыми, как драгоценный бриллиант, блистал Венценосный Рыцарь, Основатель корпуса. Да будет этот вензель, выкованный в жгучем пламени любви к нашей страдалице-родине, которой, знаю, горят детски-чистые сердца ваши, той ладонкой, которой прадед-корпус благо-славляет вас на жизненный подвиг. В этой ладонке кристаллизировались священные заветы старины русской и традиции, которыми корректировали свою жизнь деды и отцы ваши.

Спасибо вам, дорогие сотрудники, г.г. офицеры, до конца исполнившие свой долг. Когда наступит радостный день возвращения на Родину, а он, верю, близок, убежден в неминуемости возрождения, в ряду других, и нашего славного корпуса. Будущий историк страдного периода его существования не забудет увековечить наши имена.

Пока же не наступил этот возделенный день, работайте, кадеты, не покладая рук, спешите обогатить ваш ум знаниями, закаляйте вашу волю, приумножайте ваши физические и духовные силы. Помните, что Родина-мать ждет вас, нуждается в вашей помощи. Но нужны ей не слабосильные, робкие полужайки, а могучие душой и вооруженные знаниями богатыри. Только таким по плечу поднять с одра тяжкой, затянувшейся болезни, нашу страдальцу-мать. Прочь пошлые, своекорыстные, себялюбивые расчеты, — не место им в этом святом деле и не к лицу они Александровцам. Итак, с Богом, родные Александровцы, вперед за работу и да благословит вас Господь.

И.Д. Директора 1-го Сибирского Императора Александра I кадетского корпуса

Полковник ПОПОВ-АЗОТОВ.

В тот же день был закрыт Хабаровский графа Муравьева-Амурского Кадетский Корпус, основанный 1 сентября 1900 года.

После закрытия корпусов кадеты 7 класса были переведены в Русский Кадетский Корпус в г. Сараево. Младшие классы вошли в Донской Кадетский Корпус в Билече. Окончивших корпус послали на технические курсы при артиллерийском заводе в г. Крагуевце и на железнодорожные курсы в Белград.

По окончании корпусов в Югославии, некоторые поступили в сербские военные училища, а многие продолжали образование в университетах Югославии и Бельгии.

Учебному персоналу корпуса пришлось пелегко из-за возраста, семей и потери службы в корпусе; наша благодарность им безгранична.

Оставшиеся в Шанхае, я в том числе, работали где только возможно, и скоро многие достигли хорошего положения. В начале лучше всех зарабатывали музыканты, а многие другие жили впроголодь.

Сразу же после отбытия корпуса создалось кадетское объединение, естественным путем, без устава, но с жизнью по совести. Существовали также объединения в Харбине, Сан Франциско и на острове Тубабао, куда были вывезены русские из

Китая в 1949 году. В 1951 году в наше Объединение в Сан Франциско вступили и другие кадеты, и оно впоследствии стало называться, и теперь называется: «Объединение Кадет Российских Кадетских Корпусов» (ОКРКК), существует и ныне и, возможно, просуществует до 2014 года, и дальше, считая, что последний кадет, родившийся в 1934 году, поступил в 1-й класс в 1944 году, и проживет 80 лет.

Наш краткий обзор жизни корпуса будет неполным если мы не упомянем тот внутренний уклад кадетской жизни, который фактически формировал «кадетскую душу». Эти традиционные порядки, установленные самими кадетами, под названием «традиций» были вписаны в «Звериаду» и очень строго исполнялись. Они передавались от старших к младшим и почитались иногда даже выше тех общепринятых правил, которые прививались кадетам персоналом корпуса. Воспитательский персонал корпуса, состоявший из офицеров, знал об этой внутренней кадетской традиционной жизни и, понимая ее полезность, не препятствовал ей.

Кадет, как будущих военных, не готовили к тихой и сладкой жизни, а к бурной и разносторонней жизни военной среды и к войне.

Многие традиции зародились во времена Лермонтова и Пушкина, не всегда бывших лириками. Лермонтов учился в Николаевском Кавалерийском Училище, которое славилось своим «цуком» и традициями.

Верность Отечеству, дисциплина, храбрость и безукоризненное товарищество были хребтом воспитания. Воспитатели иногда принимали участие в скромных кадетских «выпивках» 7-го класса, давая урок хороших манер. Иногда дежурные офицеры присутствовали на не совсем цензурных представлениях во время «ансамблей». Это были подготовительные уроки к будущей, не всегда скромной жизни. Анализируя прошлое, нужно сделать поправку на время.

Хотелось бы перечислить все традиции Сибирского Корпуса, тем более, что кажется ни один корпус этого полностью не сделал. Однако думаю, что некоторые могут найти в них внешне отрицательные мелкие стороны, не заметив значительных положительных сторон, запятанных молодечеством. Достаточно лишь сравнить наши старые нравы с местными теперешними, и будет ясно, что оказалось лучше. Ограничусь упоминанием только некоторых традиций, оставляя в стороне шуточные и поддерживающие внутреннюю дисциплину.

ЗАВЕТЫ

кадетам Сибирякам-Александровцам

*Любить Отечество, любить корпус и друг друга.
Поддерживать крепкий дух товарищества, помогать
младшим, выручать друг друга из беды.*

*Не забывают же девиза
Вы кадетского во век,
Гласит который много лет:
Все за одного, один за всех.*

„Любите науки“, почитайте наставников, заслуживающих того, но не егите перед ними. При взаимных разговорах всегда говорите друг другу „ты“, что касается не только находящихся в корпусе, но и всех бывших воспитанников, в каких бы чинах они ни были.

Духом славного товарищества сибиряки всегда выделялись и выделяются из окружающей среды и отличаются преданностью долгу и родине, что ясно показывает жизнь.

Своекорыстное поведение в отношении к другому кадету не допускалось. Исполнение «Честного Кадетского Слова» было обязательным, и его почти никогда не давали, а давшего считали неразумным. Строевые приказания исполнялись беспрекословно, «нестроевые» — необязательно.

По традициям во главе корпуса был старший выпускной класс (7-й класс). Он следил за традиционной жизнью корпуса, и распоряжения его должны были строго исполняться. После революции к установленным общим традициям прибавились дополнительные, вызванные обстоятельствами времени. Как было указано выше, большевики запретили кадетам носить погоны. День, когда кадеты похоронили свои погоны, был объявлен «Днем похорон погон». Ежегодно в этот день кадетам запрещалось танцевать, петь, играть и веселиться. В этот день «трубам не играть, барабанам не бить». Все сигналы подавались звонками. Вторично с кадет сняли погоны 22 января 1920 года во Владивостоке, и этот день был объявлен траурным днем.

В 1923 году добавилась в Звериаде еще одна традиция о запрещении употреблять наркотики. Это было вызвано тем, что 2 кадета, имевшие родителей во Владивостоке, пристрастились к

наркотикам. К ним кадеты применили телесные наказания, и они были вынуждены уйти из корпуса.

За сто двенадцать лет существования 1-й Сибирский кадетский корпус дал России много известных деятелей, потрудившихся на ниве хозяйственного, просветительного и административного устройства Сибири. Поистине корпус можно считать одной из передовых обще-образовательных школ края и гнездом, выпестовавшим плеяду блестящих военачальников и преданных своему делу офицеров, трудами своими создавших известных всей России Сибирских стрелков. Сто двенадцать окончивших корпус кадет стали георгиевскими кавалерами. Одним из них был Сибирского казачьего войска, Генерального штаба Генерал-лейтенант

ЛАВР ГЕОРГИЕВИЧ КОРНИЛОВ.

Лавр Георгиевич Корнилов (Л.К.) поступил в корпус в 1883 году и окончил его вице-фельдфебелем в 1889 году. Во всех классах

Кадет Л. Корнилов

КОРНИЛОВъ Лавръ Георгіевичъ, Генераль-Лейтенантъ. (выпуска 1889 года).

в корпусе он был старшим кадетом. Л.К. кончил Михайловское артиллерийское училище и вышел в Туркестанскую артиллерийскую бригаду, где, помимо службы, изучал туземный язык. В 1898 г. он кончил Военную Академию Генерального Штаба и, отбыв полевые занятия в Варшавском округе, возвратился в Туркестан и получил задание на глубокую разведку в Афганистане. Верхом, одетый туземцем и владеющий туркменским языком с лицом монгольского типа, он удачно совершил эту разведку и возвратился на Русскую землю вплавь через реку Аму-Дарью, вызвав стрельбу по нему афганцев. Командующий войсками Туркестанского округа остался недоволен этим происшествием. Его рапорт дошел до Государя, и он написал на нем: «Капитан Корнилов — молодец». Затем Л.К., служа в Ташкентском округе, совершил командировки в Кашгарию, Хоросань, Сейсан и Индию. В 1901 году с четырьмя казаками совершил семимесячную поездку по восточной Персии, пройдя пустыни, считавшиеся непроходимыми. Поздней исследовал горы Ку-энь-лунь, Тянь-Шань и пустыни Сей-Сана. В 1903 г. Л.К. получил командировку в Индию и выпустил

книгу «Кашгария и восточный Туркестан». В 1904-1905 гг. участвовал в русско-японской войне штаб-офицером 1-й стрелковой бригады. Будучи окружен японцами, собрал нижних чинов и выбился из окружения. За это дело Л.К. получил Георгия 4-й степени. После японской войны был командирован в страны западной Европы, а затем был послан в Китай (1907-1911 гг.) военным агентом. После этого для проверки своих наблюдений совершил поездку верхом через Китай в Зайсан. В 1912 году был назначен начальником 2-го Заамурского отряда, охранявшего русскую китайско-восточную железную дорогу, пересекавшую Манчжурию по направлению к Порт-Артуру и Владивостоку. В 1913 г. командовал бригадой во Владивостоке. В войне 1914-1917 гг. командовал 48-й пехотной дивизией. У г. Синко дивизия была окружена австрийцами, и Л.К. сам повел в штыки последние два батальона своего резерва и вырвался из кольца. В 1915 г., прикрывая отступление армии ген. Брусилова, Л.К. был ранен в руку, но остался в строю. При другом отступлении, находясь опять в арьергарде, был тяжело ранен в ногу, когда от ближайшей роты осталось только 7 человек, и был взят в плен австрийцами 29 апреля 1915 г. 29 июля 1916 бежал из плена, через 48 дней добрался до пограничной с Румынией реки, под обстрелом ее переплыл и явился нашему военному агенту стариком-нищим. За свои действия на Карпатах он получил Георгия 3-й степени, и казаки его станицы Каракалихской поднесли своему доблестному станичнику нательный крест и 100 рублей. С 29 апреля 1917 г. Л.К. командовал 8-й армией в Галиции. К этому времени относится формирование ударных частей, не расслабленных революцией, и формирование Корниловского полка. 19 июля 1917 г. Л.К. назначается Верховным Главнокомандующим, и 26 августа того же года Керенский его смещает, и вскоре его арестовывают в Быхове. 2 декабря 1917 г. Л.К. вышел из Быхова и 6 декабря прибыл в Новочеркасск и был назначен Верховным Главнокомандующим уже начавшей формироваться Добровольческой Армии. 13 апреля 1918 г. он был смертельно ранен снарядом и вскоре умер. Его тайно ночью похоронили на ферме ГНАЧБАУ в одном переходе от Екатеринодара.

Получили Георгиевские кресты и медали, будучи кадетами: Яков Васильев, Александр Наставин, Илья Дунаев, Виктор Давац, Александр Болотников, Петр Здравомыслов, Михаил Пермяков-Шалыгин, Георгий Подлатчиков, Петр Заряно, Николай Лепко.

Список выдающихся питомцев корпуса включает 33 человека, отличившихся в исследовании Сибири, Монголии и Тибета и издавшие книги. Города Верный, Сергиополь и Кокчетав были основаны Корбышевым (1817), Лукиным (1826) и Казачининым (1826). Нестеров (1849) издал в Иркутске первую газету в Сибири.

Руководители крупной борьбы с туземцами: Карбашев (1817), Рытов (1823), Лукин (1826), Шайтанов (1848), Елгашин (1848), Симонов (1896).

На траурных мраморных досках в церкви записаны 95 бывших кадет корпуса, погибших на поле брани до революции.

Погибло в гражданскую войну 47 кадет. Из них Николай Курганский (1893) и Константин Усов застрелились, не желая переносить позор развала армии. Юнкер Борис Луговой (1920), будучи тяжело раненым, застрелился, не желая поцать в плен к красным.

Потонули на вспомогательном крейсере «Лейтенант Дыдымов» 4 декабря 1922 г. в Желтом море после эвакуации из Владивостока 13 кадет Сибирского и 16 Хабаровского кадетских корпусов.

Убиты, будучи партизанами на Советской земле после окончания гражданской войны — 8 кадет, из них Знамеровский (1921), Переладов, Катанаев.

Умерли от ран, полученных в стенах Советского консульства в Шанхае 17 ноября 1927 г., когда они туда ворвались с белой демонстрацией — Евгений Бахтин Сибирского корпуса и Борис Пель-Горский Хабаровского корпуса.

Крепок кадетский дух.

Сан Франциско,
Калифорния, 1988 г.

Соколов, Валентин.

**Комиссия
по устройству 12-го Съезда Кадет
Российских Кадетских Корпусов**

СООБЩЕНИЕ № 1

Дорогие однокашники, члены кадетских Объединений и друзья!

От лица всех членов Объединения кадет Российских кадетских корпусов в Сан Франциско шлем всем наш дружеский кадетский привет, с наилучшими пожеланиями счастья и всякого благополучия. Надеемся, что Ваше здоровье, крепкий дух и другие благоприятные обстоятельства позволят Вам принять участие в очередном 12-м Съезде, на который имеем честь пригласить Вас, Ваших родных и близких и Ваших друзей-единомышленников.

Съезд назначен на 15 сентября 1990 года и продолжится 8 дней, с субботы 15-го до воскресенья 23 сентября.

В это время в Калифорнии преобладает прекрасная, теплая погода. Съезд состоится в живописном, утопающем в зелени и цветах курортном отеле «Фламинго», в городе Санта Розе, находящемся в 50 милях на север от Сан Франциско. Это место было выбрано после долгих и тщательных поисков. Комиссия считает, что оно полностью отвечает всем требованиям для успешного проведения нашего Съезда.

Курорт расположен вокруг громадного сада и олимпийского размера бассейна. В отеле очень удобные комнаты, первоклассный ресторан, помещение для деловых собраний, очень уютное помещение для дружеских встреч и отличный зал для банкета и бала. Прилагаем брошюру отеля, на английском языке.

Город Санта Роза находится в центре винодельной промышленности, недалеко от «Русской Речки» («Славянка»), Форта Росс и других знаменательных мест. В городе большая русская колония; недавно построенная церковь во имя свв. Первоверховных апостолов Петра и Павла находится всего в 10 минутах езды от «Фламинго».

Отель рассчитан на 280 человек и мы надеемся его целиком заполнить. Для этого мы обращаемся к Вам с просьбой немедленно же ответить о своем желании присутствовать на Съезде, указав число участников, приезжающих с Вами, чтобы мы могли обеспечить Вас и Вашу группу местами в отеле.

Если число участников превысит 280, то оставшиеся будут устроены в другом отеле поблизости.

Переговоры с владельцем отеля «Фламинго» (хозяин — немец, главный повар — австриец) оказались весьма успешными, особенно в отношении сниженных цен для участников Съезда на комнаты и питание. (В Калифорнии в данное время цены на то и другое очень высокие!)

Полная стоимость пребывания в отеле «Фламинго» за 8 дней установлена в 550 долларов с человека (комната на двоих, плюс питание). Имеется ограниченное число апартаментов («suites»): спальня на двоих и гостиная, по 700 долл. с человека, с питанием, а также «роскошные» апартаменты («deluxe suites»): спальня, гостиная и «jacuzzi», т.е. обычно круглая, большая ванна с бьющими струями горячей воды — 750 долл., включая еду.

В вышеуказанную стоимость входит пользование всеми залами и помещениями, а также доставка приезжающих с аэродрома.

Комиссия обязана к 1 сентября этого года гарантировать Дирекции отеля необходимое количество комнат. Поэтому еще раз напоминаем о необходимости сообщить ДО 20 АВГУСТА о Вашем желании участвовать на Съезде и одновременно приложить 50 ДОЛЛАРОВ ЗАДАТКА с каждого участника. Задаток будет включен в общую стоимость, но в случае отказа от участия будет немедленно возвращен.

Чеки выписывать на «12-th CADET CONVENTION» и высылать Евгению Квасникову, казначею Комиссии, по адресу, указанному ниже.

Любые пожелания и советы будут нами приняты с благодарностью.

С Божьей помощью, объединимся вновь в нашу родную кадетскую семью и вместе со своими родными, друзьями и однокашниками успешно и дружно проведем наш Съезд!

До свиданья 15 сентября 1990 года!

ЧЛЕНЫ КОМИССИИ

С. Данич
Е. Иванов
А. Истомин
Г. Куманский
Е. Квасников. Адрес:

Алексей Ермаков,
Председатель Комиссии
по устройству 12-го Съезда.
Alex Yermakov
154 Cloudview Trail
Sausalito, CA 94965
Телефон: (415) 331-9012

Е. Kvasnikov
414 E Strawberry Dr.
Mill Valley, CA 94941
Телефон: (415) 383-3996

ДЛЯ ВСЕХ ПРИЕЗЖАЮЩИХ в Сан Франциско, Комиссия рекомендует приобретать билеты через Бюро Путешествий «TRAVEL PRO», владельцем которого является кадет Владимир Хвошинский. Он обещает организовать групповые полеты на весьма льготных условиях.

Адрес: Travel Pro,
1225 Crane
Menlo Park, California 94025
USA. Телефон: (415) 325-9779

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

ВЕРНЫ ЗАВЕТАМ СТАРИНЫ!

Дорогие Однокашники Донские Кадеты!

Надеясь на вашу отзывчивость, я обращаюсь к вам и ко всем Донским кадетам с просьбой:

Вооружитесь бумагой и карандашом и постарайтесь припомнить имена и фамилии наших однокашников, как ушедших в мир иной, так и тех, про кого вы знаете, что они еще живы.

Годы уходят, и нас становится все меньше. Забываются имена и даже фамилии одноклассников. Быть может мы как-то сохраним память о тех наших друзьях, с которыми провели наши юношеские годы в корпусе.

Вспомнились слова духовной грамоты князя Симеона Гордого: «А пишу вамъ се слово ради дѣла, да не пропала память родителей нашихъ и наша и свѣща бы не угасла». (Позволяю слово «родителей» заменить на «друзей».)

Если мы откликнемся, мы сделаем хорошее дело, сохранив в сердцах наших память о друзьях.

Годы уходят! Не отказывайте и не откладывайте!

Надеюсь на содействие!

43 выпуска *Игорь Квятковский*.

Три юбилея

В 1988 году три старых императорских кадетских корпуса праздновали свои юбилейные дни:

1-й Сибирский (Омский) Императора Александра I К.К. отметил свое 175-летие. Статья об этом корпусе напечатана в этом номере.

Хабаровский графа Муравьева-Амурского К.К., также как и Иркутский Кадетский Корпус, отметили свой 100-летний юбилей.

1-й Сибирский и Хабаровский Кадетские Корпуса были расформированы в начале 1925 года по прибытии с Дальнего Востока в Югославию. Кадеты частично влились в существующие там кадетские корпуса. Иркутский Кадетский Корпус практически перестал существовать во время гражданской войны, почти полностью перебитый красными.

Моему Корпусу

Владикавказ, Грузинская дорога...
Родной мой Корпус у подножья гор,
Дарьяльское ущелье, Пик Казбека,
Вокруг блестящий ледников узор.
Балта, где в горном озере форели
(Таких озер не видела нигде),
И эхо гор и воздух свежей ели,
Весною ландыши, куда ни глянь, везде.
И Лысая гора где будто ведьмы жили,
Где ворожили путникам они,
Как сказки древние к себе манили,
И в детстве снились мне во сне.
И старый Терек вечно юный,
С своей изменчивой душой —
То тихий, ласковый, то шумный,
А то как бешеный шальной.
По берегу его стоял мой Корпус дорогой,
Я мысленно к нему так часто ухожу душой.
Я помню церковь нашу домовую,
Кадетский строй, чудесный строй кадет,
Семью мою кадетскую родную,
Цветных лампадок призрачный отсвет.
Какие были в корпусе чудесные парады,
Сокольский праздник каждую весной,
Оркестра марш, гимнастов тонные отряды
И Корпуса всего блестящий строй.
Зимой балы, спектакли и концерты,
На праздник Рождества повсюду елки, маскарады,
В красавце зале ель огромная до потолка,

Весной Заутреня, ход крестный и огни повсюду,
И радость светлая и вера в чудо.
Царила молодость тогда над нами,
И смех звенел, земли не чуя под ногами...
Я помню плац второй и первой роты,
На нем валун, гигантские качели,
На них, забыв все школьные заботы,
Мы в поднебесье птицами летели.
Как счастливы тогда мы были и как рады
Всему тому, что жизнь дарила нам —
Успеху на экзамене иль балу,
Иль взгляду нежному партнера в танце,
Его руки пожатью,
И юности своей и бальному наряду.
И как же мы гордились Корпусом любимым,
Гордились мы и дружбой нашей детской,
И тем, что мы росли среди семьи кадетской,
Кадетом в юбках были мы от ранних лет —
И другом-рыцарем всю жизнь нам был кадет.
С тех пор прошло уж много, много лет,
Жизнь прожита, но в памяти со мной всегда
Родные желтые погоны наши,
Любимый Корпус, юности года.
А в сердце детская мечта —
Хоть на единый миг увидеть
Все так, как было раньше...

Евгения Чудинова,
(дочь командира роты
Владикавказского К. К.).

ПОРФЕН

(Семейная поэма)

У судьбы с судьбой игра своя.

И. Елагин, «Память».

ПРИМЕЧАНИЕ АВТОРА: Зимой 1932 г. мои друзья, студенты Белградского Университета, принесли мне вырезку из газеты, издававшейся в Люблянах. Это была корреспонденция о гибели под Москвой Порфена Автамонова, возвращавшегося с отрядом из карательной экспедиции и застреленного из засады. В заметке было сказано, что он был сыном генерала, погибшего во время революции, был воспитан сов. государством и верно ему служил. В конце говорилось, что на похоронах присутствовал сам Сталин.

Эта вырезка, в соединении с семейными воспоминаниями о далеких родственниках — семье генерала Автамонова, жившей в Москве, послужила основой для поэмы «Порфен».

Игорь АВТАМОНОВ.

«Порфирий, Порфиша, Порфенок,
Любимый гусар и казак...»
В ответ, пятилетний ребенок
прижмется доверчиво так...

Отец — генерал моложавый,
И нежная добрая мать,
И няня... Но год был лукавый —
Семнадцатый, надо сказать!..

И вскоре три кожаных куртки
И семь бессловесных зевак,
Плюясь и швыряя окурки,
С наганом, зажатым в кулак,

В Че-Ка увели генерала
И нежную добрую мать...
А няня пожитки собрала,
Порфишу и, знай, удирать!..

В Че-Ка без суда расстреляли
Отца и безмолвную мать...

А няню в деревне признали
И приняли... «Сына как звать?»

«Порфеном! Отец на заводе
Работал... Погиб на войне...
В Москве беспокойно в народе...
И голод... И души в огне!..»

Остались в деревне... А годы
Идут, как слепые во мгле...
А люди!?!.. Не люди — уроды
Князьями пошли по земле!..

Разгул, пулеметы, расстрелы,
Разбой, сатанинская месть...
Да есть ли для злобы пределы?
Обман и лукавство и лезть...

Порфен подрастал. А Маруся, —
Так нянюшку-маму зовут, —
Ребенку внушала: «Не труся
Жить будем — родные придут.

Забудь их на время... Так надо!
Не смей вспоминать никогда!
И плакать не смей, мое ладо,
Сыночком мне стань... Навсегда!..»

Порфен подрастал, понимая,
Как взрослый — как надобно жить:
Душа, словно в клетке — немая!
Все надо скрывать и таить...

И понял он: что-то сломалось,
Неясное шепчет народ...
Не спрашивай! И показалось,
Что взрослым он вырос за год!

На лбу обозначились складки,
Пошел исподлобья смотреть,
Пришли и другие повадки:
Ругаться любил и свистеть...

Разврата, бесправья, террора
Шли годы... Сибирь, Соловки,
И дети росли без призора,
Без хлеба, без ласки — «зверьки».

Порфен не гнушался работы
На фабрике «Красный башмак»...
А там — политрука заботы,
И вот он отправлен в «рабфак».

Случилось — в особые части,
Парней-пролетарьев набор!
Нужны командиры! А власти
Парней перестроят в мотор:

Отвинтят «замашки буржуя»:
Порядочность, честность, любовь...
А дальше, ничем не рискуя,
«Заправят» звериную кровь.

Сердечность и совесть — отпилят,
И души расплавят огнем!
Подшипники хамством усилят,
Нахальство притянут ключом...

И «верные слуги» готовы
«Народа врагов» истреблять,
Внедрять коммунизма основы
И страхом страну наполнять!..

А чистки пошли, как стихии!
В колхоз загоняли народ,
И лучший хозяин России —
«Кулак» — истреблялся, как скот!

Порфен, молодым командиром,
Со взводом, на сытых конях,
Заданьем гордясь и мундиром,
По селам носился. В когтях

Сжимали свободу людскую,
Внедряя безличный колхоз,

Надеясь на силу крутую
Винтовок, помимо угроз.

Порфен аккуратный, исправный,
Доверье партийцев сыскал;
Разумный, высокий и складный,
Он вскоре в охрану попал.

В охрану Кремля! И сказали —
Его наградил, и не раз,
Сам Сталин улыбкой!.. И взяли
Однажды его на Кавказ...

Завидную делал карьеру
В то страшное время Порфен.
Но помнил Марусю и в меру
«Мамашу» проводывал он.

Заскочит бывало в избушку,
Муки пол-мешка привезет,
Иголок, иль ниток катушку,
Иль соли, иль сахар, иль мед...

Маруся зимой захворала.
Порфен же как раз был в селе.
Устало в горячке лежала,
«Не встанет уж», — думали все.

Порфена под ночь поманила,
Вздохнула и стала шептать.
И все, что скрывала — открыла:
И кто был отец, а кто мать...

Не сразу осмыслишь! Не в силах
Такое Порфен осознать!
В мозгу будто олово, в жилах
Огонь — не вздохнуть и не встать...

Но молод Порфен и разумен.
Он за ночь собой овладел.
А сердце давно уж как камень:
Так сделал Особый Отдел.

Маруся поправилась вскоре.
Молчать обещала, как пень.
В стране беспредельное горе
Ходило за всеми, как тень...

И снова, в заданьях со взводом,
Иль просто в охране. Порфен
Любимого, будто, народом
Вождя — охранял, как дракон...

Он сделался только грубее
И чаще в молчании пил.
С толпой неуступчив, и злее
Он церкви по селам сносил...

Марусю, хоть та и болела,
Он реже теперь навещал.
Однажды, оставшись без дела,
Приехал — зачем и не знал.

А время склонялося к ночи.
Войдя, удивившись смотрел:
Колхозник, быть может рабочий,
В отрепьях, понуро сидел.

Потом, на Порфена скосившись,
Привстал, засопел, задышал,
И сильно в лице изменившись,
Заплакав, он вдруг зашептал:

«Порфирий, Порфенок, Порфиша...»
А дальше — не голос, а стон...
Но нежные звуки услыша,
Припомнил их тускло Порфен.

«Откуда пришел ты?.. Да кто ты?..
И что говоришь? Не понять...
Полна беспокойства, заботы,
Маруся старалась шептать:

«Он был денщиком генерала;
Тебя на руках он носил,

Помог, как с тобой удирала,
И тайну он свято хранил...»

«Не помню... Не знаю, мамаша,
Дай водки, я нынче прозяб,
И в мыслях какая-то каша,
Во взводе так много растяп...

Присядем, товарищ, зовут-то?»
«Семеном...» «Ты что говоришь?
Я в сказки не верю, как будто,
Садись же, чего ты стоишь?»

Мамаша, налейте ж Семену!
Зашел по каким-то делам?»
«Уехать хочу на Сухону,
Родился в Устюге я, там».

«Он хочет уехать отсюда,
Деньжат же еще не собрал», —
Вмешалась Маруся. Простуда
И кашель ее донимал.

«Поможем, товарищ... Я выпью,
Ты ж сказки свои повтори,
Как годы тянулись зыбью,
Народ как морили цари...

О всех! О семье генерала,
О страшной всемирной войне,
Как эра марксизма настала —
За это мы выпьем вдвойне!..

Рассказывай!» — кончил он с лаской, —
«Как барин твой жил, генерал!..»
Закрывшись словесною маской,
Он ухом нетрезвым внимал.

О правде без страха шептали,
Без всякой словесной трухи,
Семен и Маруся. Вздыхали...
Пропели давно петухи...

Денщик вспоминал как прислуга
И в прошлом жила как семья,
Как в барине видели друга —
Ходили в семье, как родня...

Как сытая жизнь протекала
По правде — не знала про страх!
Как «эра обмана» настала...
«Россия не в Божьих руках!»

Безмолствовал сын генерала,
Гипноз коммунизма на нем!
Он раб!.. Но душа воскресала,
Неведомым грела огнем...

Уставши, уже на рассвете,
Порфен, подымаясь, сказал:
«Не верю в предания эти.
Пора мне идти на вокзал.

Вот деньги... Езжай на Сухону,
И что говорил — позабудь!
Тебя я не знал и не трону,
Товарищ Семен, добрый путь!..»

Бездушно, серьезно не в меру,
Порфен, как машина, служил;
Теряя в дела свои веру,
Все чаще в безмолвии пил...

Примерно тогда же охрану
И младший командный состав
В особых комиссиях, по плану
До дна проверяли: и нрав

И детство, и в юности связи,
Родителей, близких, друзей,
Привычки, постельные грязи,
Проверка — до самых костей!

Начальник «пятерки особой»
С помощником вел разговор:
«Ты прав!» — произнес он со злобой,
«Тут фактов неясных подбор!

А действовать надо умело,
И все подвести под закон...»
В руках было толстое дело:
«Комвзвод Автомонов Порфен».

«Нужна тут и бдительность, ясно...
Отец пролетарий?.. Как знать!?
Московский рабочий... Прекрасно,
Но в списках его не сыскать!

Фамилия та же, тогда же,
В Москве генерал проживал;
И сын был Порфирий, и даже
Там нянька — Маруся... Видал?

А были и белобандиты —
Бизерта, Белград и Париж...
Враги коммунизма сокрыты
Под этой фамилией — вишь!

Понятно... Тут нет и сомненья...
Убрать мы Порфена должны.
Не вызвать бы лишь подозренья,
Что в чем-то мы тут не сильны...

Не бдительны — враг просочился.
Порфен пусть умрет, как герой!?
Вот стерва, куда докатился!
В газетах напишем! Пстой!

Убит, возвращаясь с похода,
А сын генерала он был,
Но предан вождю он народа,
И партии верно служил!..

Раздую, схороним героем,
По миру — болваны прочтут!..
Ты все подготовишь... Устроим...
Следов же, смотри, не найдут!!

Так действуй... И лично осмотришь
Дорогу, село — на местах!
Репрессии после наложишь,
А я доложу на верхах...

Дворянские выродки, гады,
Их вычистить всех — не беда.
Лишенцами — в виде награды;
В концлагерь, в Сибирь — навсегда!..»

Сентябрь. Серо-хмурое небо.
Прохладный в лицо ветерок...
Поставки колхозного хлеба —
Кто жулил — примерный урок...

Подковы дробили по пыли...
Подальше скорей от села...
Охранники в седлах застыли;
Порфен впереди... Ну, дела!

И сельскую церковь закрыли —
Зерно туда будут сыпать!
Старухи на площади выли,
Кресты когда стали срывать...

Шли рысью. Подковы дробили...
Шумели в ушах голоса...
У самой дороги застыли
Осины... Какая краса!

Калины кусты, можжевельник,
Лесочек и елочки вот...
Сказали — тут рубят в Сочельник...
А мы разоряем народ...

Подковы дробили, и в такт им
Раздались два выстрела вдруг...
Стемнело? День сделался кратким??
Поводья скользнули из рук...

Порфен покачнулся, свалился.
Сержант по кустам стал стрелять.

Оттуда с двухстволкой пустился
Колхозник в лесок удирать.

Как дробь барабанов, раздался
Охранников беглый огонь.
Бежавший убит. Нагибался
К Порфену недвижимому конь...

В газетах заметки пустили —
Как жил командир молодой,
Потом, как его хоронили,
Как Сталин изрек: «Он герой!»

Российских страдальцев икона
С лампадой стоит предо мной.
Порфирия, Боже, Порфена
В селеньях Своих упокой!

1981-84

Игорь Автамонов, Лос Анжелес.

Вечная

память

ушедшим однокашникам
ПАМЯТИ УШЕДШИХ

В Монреале в декабре 1988 г. скончался

ГРИГОРИЙ ФЕДОРОВИЧ ХИЖНЯКОВ,

кадет Крымского Кадетского Корпуса. Выражаем искреннее соболезнование супруге Марии Васильевне, сыну Алёксею и сестре Ольге Федоровне.

---

23 января скоропостижно скончался казак Астраханского Казачьего Войска, кадет Крымского и Донского Кадетских Корпусов (1933 г.), член отдела Союза Русского Корпуса, член Объединения Российских Кадетских Корпусов, подпоручик

НИКОЛАЙ ВЛАДИМИРОВИЧ ЗАХАРОВ.

В 1925 году Главнокомандующий Генерал Врангель, при посещении Крымского Кадетского Корпуса, был сфотографирован с самым низким по росту кадетом — это был кадет Захаров Николай. Во время проживания в Белграде, Захаров поступил и окончил военно-училищные курсы Русского Общевоинского Союза, был произведен в подпоручики и во время войны в юнкерском батальоне Русского Корпуса был на командной должности. После эмиграции в Америку проживал в Охнард и Камарилло. Был женат на Ирине Евгеньевне Лызловой, имел сына Евгения и дочь Веру. Покойный был глубоко набожным прихожанином Преображенского собора. В приходской школе при храме Николай Владимирович преподавал историю и русский язык. Был членом Горско-Казачьей станицы, русским патриотом, всеми уважаемым, наш верный соратник.

Царство ему Небесное и Вечный Покой воину-казаку Николаю.

Скорбное сообщение:

С глубокой скорбью и тяжелым сердцем сообщая всем друзьям и знакомым о неожиданной смерти моего дорогого брата

ДИМИТРИЯ ПАВЛОВИЧА МИРОНОВИЧА.

Димочка родился 24 сентября 1924 года в Праге, Чехия. Вырос он в Югославии, городе Нише и Белграде. В 1943 году он окончил 1-й Русский Вел. Кн. Константина Константиновича Кадетский Корпус в Белой Церкви и поступил на медицинский факультет Белградского университета. Но война и политические события помешали ему закончить начатое образование, и в 1951 году Дима с женой Добрилой эмигрировали в Торонто, Канада. В Торонто у них родилась дочь Елена, и в скором времени он начал свое дело — переработку золота и серебра, а также и выработку и продажу ювелирных изделий. Димина жизнь была наполнена трудными годами, но также и годами счастья. Две внучки, Елена и Александра, заполнили все недостатки в его жизни, которая так внезапно была прекращена разрывом сердца 28 января 1989 года.

Царствие Небесное и Вечная ему Память.

Скорбящая сестра Таня Палер и вся семья.

---

14 декабря 1988 г. в Оливосе (пров. Буэнос-Айрес — Аргентина), в санатории Толстовского фонда скоропостижно скончалась

НАДЕЖДА СЕРГЕЕВНА ЮРГЕНС (ур. ЮРКОВСКАЯ),

вдова бывшего председателя О.К.О. в Аргентине и бывшая председательница Объединения институток в Аргентине. Покойная принимала всегда деятельное участие в жизни Объединения кадет в Аргентине и после смерти своего мужа состояла действительным членом Объединения, присутствуя на всех кадетских собраниях, пока состояние здоровья ей это позволяло. Мир праху ее.

В Нью-Йорке 3 февраля с.г. скончалась

НАТАЛИЯ АЛЕКСАНДРОВНА ИЛЬИНА,

сотрудница нашего журнала. Редакция выражает искренние соболезнования семье покойной.

В Сан-Пауло, Бразилия, 2 августа 1988 г. скончался
ИЛЬЯ АЛЕКСАНДРОВ,
кадет 1-го Сибирского и Донского Кадетских Корпусов.

В Санта Барбаре, Калифорния, 19 февраля с.г. скончалась
КЛАВДИЯ АЛЕКСЕЕВНА ТРЕТЬЯКОВА,
супруга нашего сотрудника. Редакция выражает искреннее
соболезнование Сергею Александровичу и сестре покойной.

В Нью-Йорке, 11 марта с.г., после продолжительной болезни,
в возрасте 45 лет ушел из жизни
НИКОЛАЙ ГЛЕБОВИЧ СПЕРАНСКИЙ,
окончивший Пост Колледж и школу резервных офицеров Корпуса
Марин американской армии.

Кадеты выражают искреннее соучастие родителям покойного
Марии Леонидовне и Глебу Николаевичу с семьей.

В Нью-Йорке, 26 апреля 1989 года скоропостижно скончался
воин Белой Армии

ЮРИЙ ГЕОРГИЕВИЧ АПЫШКОВ,
кадет Первого Кадетского Корпуса, сотрудник нашего журнала и
бесшестенный казначей прихода Успенской Церкви.

Кадеты выражают искреннее соболезнование Екатерине
Николаевне.

В Монреале, 1 мая 1989 г. скончался
АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ ПУЩИН,
кадет Крымского и 1-го Русского Кадетских Корпусов.

В Милвоки, шт. Висконсин, 16 февраля 1989 г. скончался

ДМИТРИЙ СВЕРБИЛОВ,

кадет Владикавказского и Крымского Кадетских Корпусов. Кадеты-крымцы выражают искреннее соболезнование дочерям покойного.

Памяти русского офицера

Русский офицер — светлый образ героя Русской Императорской Армии. Первая жертва мирового заговора против России. Русский офицер — самый человечный носитель чести и долга, командир — всегда впереди своих солдат, идущих в атаку. На чужбине, в трудных испытаниях сохранивший верность высокому званию русского офицера.

24 января с.г. в Лос Анжелесе, на дому, на 93-м году жизни тихо скончался один из последних офицеров Генерального Штаба Георгий Самсонович Думбадзе. Ушел от тех, кто продолжает нести ответственность за гордое звание русского офицера, не только редкий кавалер Ордена Св. Великомученика Георгия, но и яркий представитель равенства всех народностей в служении на благо и в защиту интересов Российской Империи.

Светлой памяти глубоко чтимого старейшего члена Общекадетского Объединения и Русских Ветеранов капитана Думбадзе посвящается этот некролог — послужной список, как память о его службе Государю и России.

Г. С. Думбадзе родился в Тифлисе. Отец покойного был военным инженером, выпускником Николаевской Инженерной Академии. По конкурсному экзамену в 1907 г. Г. Думбадзе был принят на казенный счет в Тифлисский Вел. Князя Михаила Николаевича кадетский корпус. По производстве отца в чин генерал-майора и по назначении его главным инженером Омского военного округа, кадет Думбадзе был переведен в Омский Импер. Александра Первого кадетский корпус, который окончил он весной 1914 года, и на разборке вакансий получил назначение в

Александровское Его Величества Пехотное Военное Училище в Москве.

Но тут, как известно, началась Первая мировая война. 19 июля 1914 г. в 7 часов вечера Германия объявила войну России, а 24 июля к ней присоединилась Австро-Венгрия. Понимал ли кто-нибудь в те дни к чему это приведет? Но тогда нападение Германии вызвало всеобщий взрыв патриотизма и выражения верности Императору. Тогда русский народ объединился вокруг своего Государя. И вот так любил вспоминать о тех незабвенных днях удивительный рассказчик Георгий Самсонович:

«Согласно приказу, окончившие корпуса кадеты к первому августа прибыли в Москву, в свои училища. 4 августа ожидался приезд Государя с Августейшей семьей. В связи с этим уже 3 августа бывшие кадеты во всех училищах Москвы приняли присягу и звание юнкеров. Незабываемы слова присяги русского воина: „Я, Георгий Думбадзе, обещаю и клянусь Всемогущим Богом перед Святым Его Евангелием... верно и нелицемерно служить, не щадя живота своего, до последней капли крови...”

А на следующий день встреча Государя в Кремле. Александровское и Алексеевское пехотные и Тверское кавалерийское училища прибыли в полном составе со знаменами и оркестрами. А дальше все было как в сказке. Ровно в 10 часов Царский кортеж подъехал к Иверской часовне — Царь и царская семья вышли из экипажей, приложились к иконе Иверской Божией Матери, Святыне Москвы, и последовали в Кремль. Склонились знамена пехотных училищ и штандарт кавалерийского. Государь прошел по фронту всех 3-х училищ, пропустил церемониальным маршем и поблагодарил юнкеров за службу. Незабываемая встреча и благодарность последнего Монарха...»

Первые месяцы войны, тяжелые вести о трагической судьбе кадровой армии ген. Самсонова. Георгий Думбадзе ускоренным выпуском 1 декабря был произведен в офицеры и назначен в сильно пострадавший 141-й Можайский полк 36-й дивизии. Этот полк доблестно выдержал боевое крещение, вышел из окружения, сохранил свое знамя, уничтожив древко и оставив немцам Александровские ленты и скобу. Вот именно с этим славным полком Г. С. Думбадзе уже в чине капитана совершит свой беззаветный подвиг личной храбрости, за что Георгиевская Дума присудит ему орден Св. Георгия 4-й степени. Вскоре, как один из наиболее достойных и храбрых офицеров, Г. С. был избран и командирован в Академию Генерального Штаба, по окончании

которой он был зачислен по Генеральному Штабу.

Революционные события, полные трагизма для офицера, преданного России и Государю, капитан Думбадзе перенес не у себя в родной ему Грузии, а в Сибири с адмиралом Колчаком, в служении которого нашел выражение высокий идеал русского офицера. Тяготы боевой службы в Сибирской армии, Сибирский Ледяной поход выковали духовный облик Белого Воина, последнего защитника чести и славы великих людей, создавших свободную от насилия Империю.

Георгий Самсонович происходил из старинного рода дворян Думбадзе. Все они были глубоко преданы русскому Царскому Дому и христианской культуре многонациональной Российской Империи.

Как один из ближайших примеров вышесказанного, родной дядя Георгия Самсоновича по отцовской линии — Г. М. Думбадзе — был близок к Государю Николаю Второму. Как комендант Крымской летней резиденции Императора в Ливадии, генерал-майор Думбадзе был широко известен. Во время пребывания Государя с семьей в Ливадийском дворце в подчинении коменданта находилась вся личная и внешняя охрана. Для несения караульной службы на это время из Одессы приходил 16-й стрелковый Его Величества полк и вызывался Крымский Конный Ее Имп. Вел. Гос. Имп. Александры Феодоровны полк под командой Свиты Его Величества ген.-майора Княжевича. Этот полк, состоявший исключительно из крымских татар, прославился своей доблестью и верностью Дому Романовых и лично Государю Николаю II.

У пишущего эти строки сохранилось много воспоминаний из того неповторимого времени. В музее при Об-ве Ветеранов в Лос Анжелесе хранится фотография русского царя в форме пехотного солдата с полной выкладкой и 3-х линейной винтовкой. В 1909 году Государь Николай II, желая на себе испытать тягость службы своего солдата, совершил поход в Крыму, на личную ответственность коменданта ген.-майора Г. М. Думбадзе. Такая простая человечность, в какой-то мере сохранившаяся и до наших дней в душе русского человека, нашла свое естественное выражение в том поступке Белого Царя.

Ушел из жизни сей последний из славного рода Думбадзе, исполнив с честью свой долг русского офицера перед Родиной и семьей. Шестьдесят пять лет, прожитых вдали от родины в

гостеприимной Америке не изменили, не ослабили чуткого отношения к духовным ценностям, ко всему тому, что было заложено в нем его семьей, в кадетском корпусе и, наконец, присягой на верность России и преданность заветам службы Царственному Дому.

Множество русских и американцев, знавших Георгия Самсоновича как всегда бодрого и общительного собеседника и друга, готового оказать посильную помощь, переживает его кончину как личную, глубокую утрату. Старейшее в Лос Анжелесе русское О-во Ветеранов потеряло своего незаменимого вдохновителя и почетного члена. Объединение кадет, всегда чтившее Георгия Самсоновича своим старшим братом как хранителя заветов старины, верит, что «Не вздохами печали память храбрых мы почтим, на бессмертные скрижали имена имена их начертим». Да будет так. Вечная тебе память и признательность за последние ко мне слова как «брату-офицеру».

Г. Н. Зюзин.

Некролог

7 апреля 1988 года после тяжелой болезни на 90-м году жизни скончался поручик Корниловского артиллерийского дивизиона

АПОЛЛОН АНТОНОВИЧ АССЕЕВ.

Погребен на кладбище Сан Мартин, провинция Буэнос Айрес.

Поручик Ассеев окончил в 1916 году Сумской кадетский корпус и ускоренный выпуск Михайловского артиллерийского училища. В 1-ю Мировую войну был произведен в подпоручики. Гражданскую закончил поручиком. Затем Галлиполи, Болгария и Югославия, где поступил в компанию «Шелл». После 2-й войны Аргентина и служба в той же компании до 1973 года.

Ушел еще один хороший офицер и товарищ.

В. Крюков.

Андрей Александрович Бертельс-Меньшой

В феврале с.г. скончался в городе Пелотас, на юге Бразилии, и погребен на местном кладбище, инженер агрономии, капитан Русской Освободительной Армии и кадет 2-го выпуска Крымского Кадетского Корпуса Андрей Александрович Бертельс-Меньшой. Родился он в 1904 году в семье воспитателя Пажеского Его Величества Корпуса, капитана Александра Александровича Бертельса, которому Высочайшим повелением было предписано прибавить к своей фамилии и гербу датского происхождения фамилию и герб его тестя, адмирала Петра Ивановича Меньшого, заслуженного флотоводца, закончившего свою жизнь в должности коменданта Кронштадтской крепости и порта. Адмирал умер, не оставив мужского потомства, и Государь пожелал сохранить его исконно русское имя в будущих поколениях, начиная с сыновей его дочери.

В Пажеский Корпус, куда сыновья воспитателей имели преимущественное право для поступления, принимались юноши в низший класс, соответствовавший четвертому в обычных корпусах или гимназиях. Поэтому Андрей, как и его старший брат Александр, начальное образование получили в Кадетском Корпусе Императора Александра Второго, а затем были переведены в Пажеский. Андрей Александрович попал туда лишь осенью 1917 года, и едва успел надеть пажеский мундир и фуражку с офицерской кокардой, почувствовать себя пажем, как Корпус был расформирован. Затем последовало бегство на юг, где отец, к тому времени уже полковник, вступил в Добровольческую Армию, оставив при себе младшего сына, Андрея, в должности ординарца, и разрешив старшему, Александру, явиться в один из кавалерийских полков, как вольноопределяющемуся. Андрей, тогда совсем мальчик, несколько раз переходил линию фронта, переноса и доставляя сведения для контр-разведки. За это он был награжден Георгиевской медалью. Старший брат погиб во время одной из атак.

Затем Андрей Александрович был зачислен в Петровско-Полтавский Корпус, с ним эвакуировался, уже в составе Крымского, созданного в Крыму Генералом Врангелем из Сводно Полтавско-Владикавказского, и с ним прибыл в Югославию, в Стрнише, где и окончил курс седьмого класса, в то время дававшего право на аттестат зрелости.

Как и подавляющее большинство кадет того времени, Андрей Александрович по окончании корпуса немедленно вступил в Николаевское Кавалерийское Училище в югославском городе Белая Церковь, которое и закончил в составе второго заграничного выпуска, выйдя в кадр 12-го гусарского Ахтырского полка. Полк в то время стоял на работах по постройке железной дороги Краљево-Рашка и требовал, чтобы все молодые офицеры влились в его состав. В силу этой причины корнету Бертельс-Меньшому, желавшему продолжать образование в Белгардском Университете, пришлось подать рапорт об отчислении из кадров полка.

Корнет Бертельс-Меньшой закончил университет по сельскохозяйственному факультету, получив звание инженера агрономии, и немедленно поступил на службу в Министерство путей сообщения для заведывания работами по зеленым насаждениям в зонах отчуждения. Там он прослужил до начала Второй мировой войны. Не желая отрываться от служения родине на единственно доступном поприще, Андрей Александрович все свободное время уделял работе с молодежью в обществе Русский Сокол в Земуне, где выполнял обязанности начальника по строевой и гимнастической части.

Одним из первых вступил корнет Бертельс-Меньшой в Русский Корпус, где начал службу в составе кавалерийского эскадрона, но относительно скоро был назначен комендантом казарм на Банице. Затем он ведал строевой частью в ветеринарной роте, с которой и совершил поход через Сербию и Боснию. В конце войны он был командирован в Германию для связи с Русской Освободительной Армией генерала Власова, а позднее, когда возможность вернуться в Русский Корпус была утеряна, вступил в Армию, где ему был присвоен чин капитана, с назначением на должность адъютанта начальника тыла, полковника Сакс. Со штабом Армии капитан Бертельс-Меньшой совершил отступление и оказался в плену, из которого ему удалось бежать.

В течение двух лет, проведенных в Мюнхене, инженер Бертельс-Меньшой преподавал в университете для перемещенных лиц, организованном сообществом объединенных наций (УННРА), а затем переехал в Бразилию, где министерство сельского хозяйства направило его на юг страны, в город Пелотас, где организовывался научно-исследовательский институт, и где инженер Бертельс-Меньшой начал работать в области энтомологии (науки об насекомых), постепенно повышаясь по служебной лестнице, вплоть до звания высшего научного сотрудника. В

течение почти сорокалетней деятельности им написаны две книги, а число статей в научных журналах на португальском, английском и испанском языках превысило полторы сотни. На всех конгрессах по энтомологии в Южной Америке Андрей Александрович неизменно представлял Бразилию. Последние годы своей жизни, уже выйдя на пенсию, он продолжал работать в своем институте, являясь советником руководства и руководителей работ коллег энтомологов, его бывших учеников.

Прилагая все усилия для продолжения борьбы с коммунизмом, Андрей Александрович постоянно читал курс лекций на эту тему, как для сотрудников по институту, так и для воинских частей, расположенных в Пелотас. Министерство обороны Бразилии настолько высоко оценило эту его деятельность, что даровало ему звание «почетного бразильского солдата». По организации в Пелотас католического сельско-хозяйственного университета, Андрей Александрович занял на нем кафедру энтомологии и преподавал вплоть до закрытия университета.

Неизменно отзываясь на все события на родине и в среде русской эмиграции, Андрей Александрович сотрудничал почти во всех зарубежных печатных органах, соответствовавших его мировоззрению кадета, офицера, православного христианина, патриота-националиста.

Да примет Господь его светлую душу в селениях праведных. Да будет легка ему бразильская земля, которой отдал он самые плодотворные годы своей жизни. Нам же, его уже малочисленным друзьям, еще остающимся в живых, да послужит утешением мысль, что он снова соединился со своей любимой женой Татьяной Борисовной, после кончины которой он так полностью и не оправился.

В. В. Бодиско.

В июне с.г. в Бостоне скончалась

КЛАВДИЯ КОНСТАНТИНОВНА СТАРОДУБЦЕВА,

сестра вице-фельд. 8-го вып. Крымского К.К.

Юрий Владимирович Щербович-Вечор

11 апреля скончался в Каракасе старейший член Объединения Кадет Российских Кадетских Корпусов в Венецуэле Юрий Владимирович Щербович-Вечор. Родился покойный в Санкт-Петербурге в 1903 году и там же, по прошествии одиннадцати лет, был зачислен в состав Первого Кадетского Корпуса, где и числился вплоть до закрытия Корпуса в 1918 году. Это ему, малышу первокласснику, сделал замечание генерал от инфантерии Николай Иудович Иванов, при посещении своего родного Корпуса, когда малыш отвечал на вопросы, обращаясь к седобородому генералу на Вы. «Я такой же кадет, как и ты», — сказал Юре генерал.

Пятнадцатилетним мальчиком упросил Юра командира одной из батарей Добровольческой Армии принять его под свою команду, где и прослужил до приказа Главнокомандующего отправить всех кадет, сражавшихся в воинских частях, в Ореанду, в Крымский Кадетский Корпус, который вскоре был эвакуирован в Югославию, тогда еще именовавшуюся Королевством Сербов, Хорватов и Словенцев.

По выходе из Корпуса проживал Юра на положении эмигранта, сначала в Петровграде, что раньше назывался Великим Бечкерек, а потом в Белграде, где принимал деятельное участие в работе общества «Русский Сокол».

Одним из первых вступил Юрий Владимирович в Русский Корпус, в котором и прослужил до окончания войны. Затем был беженский лагерь в Австрии, переезд в Венецуэлу в 1947 году, несколько тяжелых лет в приискании подходящего труда и в ожидании приезда из Югославии его любимой супруги, Даницы Алексеевны, для всех его друзей просто госпожи Даницы. Позднее Юра открыл писчебумажный магазин, который и обеспечил ему скромное существование и после своего закрытия, вплоть до настоящего времени.

Юра был одним из организаторов венецуэльского кадетского Объединения, а в течение целого десятилетия и его председателем; дом же его был всегда радушно открыт для всех однокашников и для многолюдных собраний.

Отпевали Юрия Владимировича торжественно, в присутствии всех членов Объединения, проживающих в Каракасе. Гроб был

покрыт русским флагом, а рядом стоял большой венок из белых хризантем, с лентами крымских цветов: алыми с белыми кантами. Свой крымский значок Юра унес с собой на лацкане пиджака.

Да найдет же вечный покой этот истинно русский человек и кадет в венецуэльской земле, которую он несомненно успел полюбить за сорок с лишним лет жизни. Осиротевшим же госпоже Данице, дочери Нине Георгиевне Корсун, горько плакавшим внукам и внуку да послужат утешением та глубокая любовь и уважение к покойному, которые ощущались всеми, проводившими Юрия Владимировича в последний путь.

Владимир Бодиско.

Некролог

26 апреля 1989 года скоропостижно скончался Юрий Георгиевич Апышков, кадет Первого Кадетского Корпуса. Похоронен на кладбище монастыря Ново-Дивеево под Нью-Йорком.

Юрий Георгиевич родился в офицерской семье 12 апреля 1902 года в Петербурге.

Пятнадцати лет, после расформирования во время революции Кадетского Корпуса, поступил в Белую Армию генерала Юденича. После неудачи ген. Юденича попадает в Ригу, а оттуда в

1920 году в Польшу.

В Польше сразу же был мобилизован в Польскую армию Белых Русских Эмигрантов и сражался против наступавшей на Варшаву красной армии.

В 1924 году был демобилизован и поселился в городе Пинске (Белоруссия), где работал в секретариате Пинского Архиепископа Русской Православной Церкви в Польше.

В 1940 году, когда по договору Сталин-Гитлер красная армия оккупировала восточную часть Польши, а немецкая — западную, между оккупационными зонами была проведена граница, очень бдительно охраняемая красной армией. Ю. Г. попал в советскую зону, и когда советская власть стала добираться до белых эмигрантов, решил перебраться в немецкую. Однако проводник через границу привел целую группу бежавших от красных в советскую пограничную стражу. «За попытку нелегального перехода границы» был осужден на 6 лет концентрационного лагеря и отправлен в Котлас — один из лагерей архипелага ГУЛАГа.

Однако в лагере просидел всего два года и оттуда был выпущен как поляк для поступления в польскую армию генерала Андерса, которая формировалась под английским командованием.

По выходе из лагеря Котлас должен был самостоятельно добраться в г. Самарканд, где собирались поляки для армии Андерса. Это самостоятельное путешествие было сплошным хождением по мукам — без денег, провианта и часто крова над головой. Иногда приходилось спать под открытым небом в канавах и на перронах железнодорожных вокзалов и питаться тем что кто даст.

Через Тегеран, Иерусалим и Каир был с новобранцами для польской армии транспортирован в Шотландию в армию Андерса и был зачислен в Первую Танковую Дивизию. С этой Дивизией участвовал в высадке в Нормандии (D-day) и с боями прошел Францию, Бельгию, Голландию и закончил войну в Германии.

Из Германии в 1947 году вернулся в Англию и по расформировании польской армии остался на жительство в Англии, где прожил до переселения в USA.

В 1951 году переехал в USA в город Нью-Йорк, где жил до своей смерти. Участвовал в общественной жизни русской эмиграции. В своем приходе Св. Успенской церкви был 36 лет бессменным казначеем.

Сотрудничал и помогал в издании и рассылке нашего журнала «Кадетская переключка», а также печатал для журнала на машинке.

Юрий Георгиевич всегда был аккуратным, обязательным и честным человеком. В его лице «Кадетская переключка» потеряла очень ценного сотрудника.

«Кадетская перекличка» выражает искреннее соболезнование сыну Владимиру Георгиевичу и верному другу усопшего Екатерине Николаевне.

Мир праху твоему, дорогой Юрий Георгиевич!

Евгений Евгеньевич Гирс.

Александр Александрович Пущин

1 мая скончался в Монреале кадет 10-го выпуска Крымского и 1-го Русского кадетских Корпусов мой дорогой одноклассник Александр Александрович, для друзей — Саша, Пущин.

Осенью 1923 года встретились мы впервые в белоцерковском отеле «Ружичка», куда наши отцы привезли нас держать экзамен для поступления в Крымский Корпус. Оба мы были приняты во второй класс и прошли рядом всю кадетскую жизнь, до восьмого класса включительно. Вместе переживали мы первые тяжелые дни разлуки с семьями, вместе привыкали к корпусным будням, очень тяжелым в те годы, — первые по прибытии из России. Саше было еще тяжелее чем мне, ибо попал он во второе отделение нашего класса, где было

много «старичков», умевших и жаждавших показать свое кадетское превосходство «новичкам». Но первые месяцы вживания в кадетскую среду прошли очень быстро, мы научились любить свой Корпус, гордиться званием кадета, чувствовать себя членами большой кадетской среды.

Окончили мы Корпус весной 1930 года, нося уже малиновые погоны 1-го Русского Корпуса, т.к. наш, Крымский, в 1929 году был расформирован.

Саше удалось получить стипендию для продолжения образования в Бельгии, где он и окончил Льежский Университет, получив звание инженера агрономии. Там же и женился он на Нине Даниловне Тальвинской, верной спутнице его жизни, чью кончину в 1985 году он не переставал оплакивать.

Устроиться в Европе агроному было почти невозможно, И Саша принял предложение работать в Бельгийском Конго, теперешнем Заире, в 1950 году. С большим юмором он рассказывал потом о затруднениях, там встреченных, о необходимости в кратчайший срок изучить местное негритянское наречие (кисуаили и линтала), без книг, словарей, преподавателей.

Перед конголезской независимостью 1960 г. от Бельгии и по исходе бельгийцев из своей бывшей колонии, пришлось и Саше вернуться в Бельгию, а оттуда перебраться в Канаду, в Монреаль, где к тому времени собралась вся семья Пуцциных, за исключением второй по старшинству сестры, Сони, которую судьба забросила в далекий Ташкент, вместе с ее мужем, Владимиром Опоком, вице-фельдфебелем 6-го выпуска Русского Корпуса.

Работать в Канаде по своей прямой специальности Саше не пришлось и он использовал там свои технические познания, сумев вырастить дочерей, обзавестись домом и дачей, обеспечить свою старость. Тягчайшим ударом был для него уход в иной мир его любимой супруги Нины.

С кадетской средой Саша в течение всей своей жизни сохранял теснейший контакт, а в последние годы состоял вице председателем монреальского Объединения, посещал наши съезды, сотрудничал во всех начинаниях.

Тихий, скромный, душевный, ко всем доброжелательный, Саша был типичным представителем старой дворянской, высоко культурной России, уходящей в вечность вместе с такими своими сынами, каким был он, каких осталось так мало.

Низко склоняясь перед новой могилой на русском кладбище местечка Роудон в Канаде, я шлю от лица всех Сашиних друзей выражения глубокого сочувствия в постигшем их горе дочерям Елене и Марианне Александровнам, сестрам М. А. Рубанистой и Е. А. Малашенко с мужем и брату, кадету 12-го выпуска, Михаилу

Александровичу (Мике) с супругой.

Блаженни чистии сердцем, яко тии Бога узрят, сказал Господь.

В. Бодиско.

В районе Ташкента, СССР, 26 февраля 1989 г. от сердечной болезни скончался

Инж. ВЛАДИМИР ВИКТОРОВИЧ ОПОКОВ,

вице-фельдфебель 6-го выпуска Русского кадетского корпуса.

Покойный окончил строительное отделение технического факультета Белградского университета и до войны работал на Косовом Поле во французской фирме Батиньоль. Во время оккупации немцами Югославии служил в «Водной Задруге» в Вршце. По окончании войны вместе с женой Софией Александровной, ур. Пущиной, был выслан в Венгрию, откуда близ 1956 г. был отправлен в совхоз близ Ташкента, где работал инженером на строительстве аэродрома, силусов и других объектов. Супруга покойного скончалась в прошлом году.

Родственникам покойного выражаем искреннее соболезнование.

Памяти Н.Н. Богаевского (Н. Воробьева)

Некролог

3 июля 1989 г. в местечке Пибл Бич, Калифорния, скончался Николай Николаевич Богаевский. Покойный родился в 1908 г. в Петербурге. Он был племянником Донского Атамана генерал-лейтенанта А.П. Богаевского.

Коля получил образование в Донском Императора Александра III Кадетском корпусе, который он закончил в Гарадже,

Босния. После этого он учился юридическом факультете в Белграде.

Пути наши сошлись в 1951 г. в Монтерее, в Американской Армейской Школе Языков (теперь Институт Иностранных Языков Министерства Обороны), где мы оба преподавали русский язык.

Коля был исключительно талантливым человеком: он был поэтом, писателем, художником, отличным регентом хора и прекрасным преподавателем.

В институте он основал русский хор, в котором пели наши американские военные студенты. Хор прославился на всю Америку. Коля часто выступал с хором на инвалидных балах в Сан-Франциско. Помню, одна дама, сидевшая рядом со мной на инвалидном балу, со слезами на глазах сказала: «Господи, так это же американцы, как они чудно поют наши русские песни».

Хорошо помню стихотворение Коли — «Кадету», помещенное в книге «Кадетские Корпуса за Рубежом». Вот один отрывок из его стихотворения:

Помню я тебя совсем мальчишкой,
Но ведь столько лет-то с той поры!
На тебе нет черной шинелишки,
Серебро усыпали вихры.

Когда опускали гроб в могилу, мы прослушали напетую прекрасным голосом Коли кассету: «Поехал казак на чужбину далеко»...

Спи спокойно, дорогой друг, и да будет легка тебе чужая, не казачья земля.

Кадеты, проживающие на Монтерейском полуострове, выражают сердечное соболезнование вдове покойного — дорогой Марине Николаевне и сыну с семьей.

А. Филатьев.

В Болгарии скончался

ЮРИЙ ГОНЧАРОВ,

кадет 6-го вып. Русского К.К. в Сараево.

Инж. Владимир Николаевич Черноглазов

После непродолжительной, но тяжелой болезни, в возрасте 90 лет, в ночь с 4 на 5 июня 1989 г. тихо скончался в г. Сан Мартин (провинция Б. Айрес) В.у.о. Суворовского Кадетского корпуса (вып. 1917 г.) Владимир Николаевич Черноглазов.

По окончании корпуса в 1917 году поступил в Константиновское Артиллерийское Училище, с училищем участвовал в защите Зимнего дворца во время октябрьского переворота. В декабре 1917 г. училище было расформировано, В.Н. приехал в Одессу к родным и поступил в Императорский Новороссийский Политехнический Институт. Летом 1918 г. поступает в Добровольческую Армию и с бригадой ген. Тимановского прибывает на Царицынский фронт. В составе 4-й батареи 7-й арт. бригады участвует во всех боях от Царицына до Киева. В сентябре 1919 года был ранен и отправлен в госпиталь в Киев. В это же время произведен в чин подпоручика. Находясь в госпитале, заболевает сыпным тифом, перешедшим потом в возвратный тиф. При отступлении Добровольческой Армии из Киева в декабре 1919 г. госпиталь не был эвакуирован и все больные и раненые оставлены на милость победителя. Владимиру Николаевичу удалось прикрыться и потом добраться до Одессы, где жили его родные. В Одессе он продолжил учебу в Политехническом институте, который и окончил, получив диплом инж. строителя. В 1934 году был арестован и осужден на 5 лет И.Т.Л. По окончании срока наказания вернулся в 1940 г. в Одессу, где уже никого из родных не застал. Война его застала в Одессе, откуда он после долгих мытарств и приключений попал в эмиграцию со «второй» волной. Затем разные ДиПи лагеря в Европе, — и в конце сороковых годов попал в Аргентину. Здесь работал по своей специальности на государственной службе до выхода на пенсию. В Аргентине в начале пятидесятых годов воссоединился со своим братом Всеволодом, кадетом 2-го вып. 1 Р.К.К., погибшим в Аргентине в 1971 г.

Пок. Владимир Николаевич, несмотря на годы, проведенные под Совестким режимом, сохранил все традиции старого кадета, свято храня в своей душе все заветы своего корпуса. Был членом объединения, не пропуская ни одной кадетской встречи. Мир праху твоему, дорогой однокашник и соратник. Пусть тебе будет пухом чужая земля.

Отпевание совершил наш однокашник протоиерей Владимир Шленев. Гроб был покрыт русским трехцветным флагом. На отпевании присутствовали председатель Объединения С.А. Якимович и казначей Г.Г. Бордоков.

THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA
AT CHAPEL HILL

RARE BOOK COLLECTION

The André Savine Collection

Savine
DK35.5
.K33
no.47

Printed by "Monastery Press". 8011 Champagneur Ave.,
Montreal, Que. H3N 2K4. Canada.